

Священник. Приготовление к священству и жизнь священника

Предисловие

Введение

Предисловие

Настоящая книга посвящается пастырям Православной Церкви, ревнующим о благоустройении своей жизни.

Изображая идеал пастыря Церкви, автор поставил своей задачей уяснение таких частных вопросов, касающихся его жизни, для которых нет точного решения в правилах Соборов и отцов, но которых нельзя оставлять без внимания при определении того, каков должен быть призываемый к священному служению, и как он должен вести себя в том или другом положении, создаваемом для него жизнью. Автор далек от мысли считать свои замечания безусловно верными. Его цель будет достигнута, если его слово возбудит у других внимание к затронутым им вопросам и вызовет более опытную и сведущую мысль к более обстоятельному их исследованию.

Все, что найдет читатель в предлагаемой книжице, внушено глубоким уважением к высокому званию служителей Божиих и искренним желанием блага всем, кого Господь удостоил великой благодати священства.

Введение

В деле пастырского служения личность пастыря неотделима от его должности. Священное дело, возлагаемое на пастыря Церкви, непременно требует, чтобы он своим личным характером и поведением вполне отвечал своему высокому призванию. Частная жизнь священника и его служебная деятельность стоят в неразрывной связи, и при суждении о том, отвечает ли священник своему званию, смотрят не на то только, как он исполняет свои обязанности и каким является в сфере своей служебной деятельности, но и на то, каков он сам в себе, в своем личном нравственном характере и в своем поведении. В других сферах и состояниях частная жизнь и служебная деятельность могут быть отделяемы одна от другой, и недостатки, замечаемые в первой, не вредят существенно достоинству второй. Например, можно быть великим полководцем и в тоже время дурным семьянином и человеком сомнительной нравственности; можно быть хорошим градоначальником и вообще администратором, и не отличаться ни религиозностью, ни добродетелью; можно быть сильным,

красноречивым адвокатом и искусным врачом, и в тоже время в частной жизни служить предметом соблазна и нарекания. Репутация, снисканная профессиональной деятельностью в указанных нами званиях и состояниях и других подобных им, не страдает от недостатков личного характера человека и его частной жизни. Совершенно не такие отношения там, где является служитель Божий и пастырь душ. Каждый частный его нравственный недостаток – непосредственное противоречие той должности, которую он занимает, и что роняет его во мнении, как частного человека или семьянина, служит к унижению того звания, которое он на себе носит, и заставляет других говорить, что он не достоин своего места. Напротив доброе, честное поведение и безупречный личный характер священника не только способствуют возвышению его звания, но и требуются от него, как неременная принадлежность его служебного положения.

Значение личности, личного характера и поведения в деле пастырского служения заставляет людей, берущихся за это дело, быть крайне внимательными к себе в своей частной жизни и всех, думающих о возвышении пастырского звания, побуждает заботиться об уяснении того характера и того образа жизни, какой должны осуществлять, или по крайней мере к какому должны приближаться носящие звание священника. Святые отцы, писавшие о пастырском служении и желавшие руководить служителей Церкви на избранном ими поприще (св. Иоанн Златоуст, св. Григорий Богослов, св. Григорий Двоеслов и св. Амвросий Медиоланский), изъясняли не только то, что они должны делать в пределах своей должности, но и то, каковы они должны быть по своим нравственным качествам, и каково должно быть их поведение, пускаясь иногда в подробности касательно внешнего их благоприличия, выражающегося в телодвижениях, одежде, разговоре и т.п. Известны те требования, с какими они обращаются к людям, призванным к пастырскому служению. Мы считаем не безизлишним, руководствуясь их замечаниями, нарисовать идеальный портрет пастыря Церкви и попытаться раскрыть, каков он должен быть в своей жизни, применительно к тем условиям, какие предъявляет ему наше время.

Идеальный портрет священника, какой мы предположили начертить, был бы не полон, если бы мы взяли пастыря Церкви в один определенный момент и раскрыли то, что он должен делать и чего должен избегать, чтобы отвечать своему званию. Желая показать жизнь пастыря в свете идеи, не образ его только мы хотим написать, а проследить историю образования живой личности, достойной пастырского служения, и

отметить то, чем она должна заявлять себя среди разных обстоятельств, ею переживаемых.

Лицо, избирающее своим жребием пастырское служение, подпадает нашему вниманию не с той поры, когда оно, получив священное рукоположение, является на известном приходе среди пасомых, а гораздо раньше. Квинтилиан, предположив в своих «Ораторских наставлениях» начертить оратора и указать правило к надлежащему развитию способностей, данных ему природой, начинает следить за своим идеальным оратором, можно сказать, с самых первых дней раскрытия его самосознания: он говорит о том, с чего должно начинаться его учение и как должно вестись оно в самые юные годы, чтобы из него вышел впоследствии деятель, полезный и сильный на ораторском поприще. Но служение пастыря Церкви гораздо важнее, труднее и ответственнее служения светского оратора. Потому, при мысли об идеальном священнике, естественно не опускать из внимания и тех лет его жизни, в какие только наменивается и готовится будущий деятель Церкви. Первый вопрос, который сам собой напрашивается, когда вы думаете о том, чтобы на poste пастыря Церкви являлись лица, вполне достойные своего звания, – это вопрос о приготовлении к пастырскому служению.

Отделение первое. Приготовление к священству

I. Необходимость приготовления к священству

В виду особенной важности и трудности пастырского служения, казалось, невозможно отрицать нужды тщательного приготовления к нему со стороны тех, которые избирают его своим жребием. Между тем встречаются люди, и таких не мало, которые не считают нужным нарочитого приготовления к священству, и то долговременное учение, какое ныне проходят кандидаты священства, им представляется делом нецелесообразным. Благочестие, говорят, требуется, прежде всего, и более всего от пастыря Церкви; а оно не снискивается предварительным образованием, даваемым школой. Недостаток научного знания может возместить божественная благодать или божественная мудрость, испрашиваемая и подаваемая чрез таинственное рукоположение. Нам случалось слышать от лиц, преданных Церкви и полных заботы о ее благе, что не ученого нужно выбирать в священники, а человека ревностного, и чтобы быть ему достойным пастырем, отвечающим желаниям народа, ему нужны только ноги, голос и свой дом, – ноги для того, чтобы он мог пойти, куда его позовут для исправления какой-либо требы, голос для того, чтобы он мог совершать богослужение, и свой дом для того, чтобы он мог содержать себя и свое семейство и не был в тягость своим прихожанам. В первые времена христианства в служители Церкви избирались и поставлялись люди, не получившие нарочитого специального образования; например в третьем веке в клир приняты и почтены саном пресвитера Фирм купец, суконщик Север и угольщик Александр, между тем эти и им подобные люди в звании пресвитеров удовлетворяли своему назначению. И ныне в Америке, в методистских обществах, носильщик тяжестей или сторож, метущий улицы, вдруг делается иногда религиозным учителем народа и производит благотворное влияние на других.

Подобные представления противоречат истории, не находят подтверждения у святых отцов, писавших о священстве и определявших условия достойного совершения священнического служения, и не сообразны с существом дела.

Обстоятельства первенствующей Церкви были исключительные. То было время первоначального насаждения Церкви, когда не было еще возможности думать о способах приготовления служителей Церкви и организовать институты, в которых бы готовились эти служители. Сила Божия привлекала новых людей к созиданию царства Божия, и Господь Иисус Христос рыбарей и простых людей, полных веры в Него,

избрал апостолами и им поручил дело служения по устройению Церкви. То было время гонений, когда стесненная Церковь не могла свободно развивать и совершать свои отправления и по нужде должна была довольствоваться в своем устройении не тем, чего хотела и что считала полезным, но что находила возможным при данных условиях. Трудно, даже невозможно было ожидать, чтобы в эти исключительные времена дело приготовления пастырей поставлено было в Церкви так, чтобы в этом отношении тем временам подражали последующее века и с них брали пример для себя. Между тем необходимость приготовления достойных служителей Церкви всегда сознавалась в христианстве, и всегда мы видим, что стояние во главе христианского общества заботятся о том, чтобы найти и приготовить для священного служения лиц, к тому способных, и снабдить их знанием, необходимым для пастыря Церкви.

Господь: Иисус Христос из простых и неученых людей избрал Себе апостолов. Но они не тотчас же от своих прежних занятий перешли к трудам апостольства. По зову Господа и Учителя, они оставили все и последовали за Ним, и это с тою целью, чтобы приготовиться к будущему служению, какое указывал им Господь. И вот, в течение более чем трех лет, они были в ближайшем общении с Господом Иисусом Христом, слышали все Его беседы, в каких Он раскрывал Свое учение народу, и получали от Него особые наставления, которыми Он хотел освятить их сознание и укрепить их веру. Не напрасно они называли Его словом: «равви», что значит учитель. Не напрасно Он Сам называл их Своими учениками, и такими считал их весь народ. Многие из тех наставлений, какие сообщал Господь Своим ученикам, записаны в Евангелии, но гораздо больше таких, какие слышали они от Него устно, и каких они не записали в Евангелии, слагая их в сердце своем. Явившись им по воскресении, Он напомнил им о том, о чем говорил им, еще быв с ними, – именно, что надлежит исполниться всему, написанному о Нем в законе Моисеевом, и в пророках и в псалмах (Лук. 24:44). Видно отсюда, что в Своих частных беседах с учениками Господь разъяснял им все ветхозаветное Писание, вводил их в дух его и старался довести их до ясного понимания его. Но эти частные беседы не сохранены до нас, равно как не сохранены и те беседы, какие Он имел с ними о Царствии Божиим, являясь им в течение сорока дней после Своего воскресения (Деян. 1:3). Видно, что учение, и учение продолжительное считалось необходимым для апостолов со стороны Господа, избравшего их служителями и строителями Церкви Своей.

Апостолы, верные заветам своего Учителя и Господа, в управлении

вверенной им Церковью шли путем, указанным им ее Основателем. Подобно Ему, они более или менее продолжительным учением готовили избранных из общества верующих к служению слова, и званием пастырей Церкви облакали тех, кого находили наиболее искусным в вере и лучше подготовленным к выполнению пастырского служения. Например Тимофея апостол Павел избрал в служители Церкви после того, как он «научен» был всему, нужному ко спасению (2Тим. 3:14), и внимание Апостола на нем остановилось потому, что он *из детства знал Священные Писания, могущия умудрить во спасение верою во Христа Иисуса (2Тим. 3:15)*, и потому, что «ему известна была *нелицемерная вера и благочестие бабки Тимофея Лоиды и матери Евникии, которые ручались за доброе и тщательное воспитание избранника Павлова (2Тим. 1:5)*. И не одного Тимофея готовил он к достойному совершению высокого служения пастырского. В речи пресвитерам ефесским, которых он созвал в Милит перед последним отпращиванием в Иерусалим, он их самих призывает в свидетели того, *как он не пропустил ничего полезного, чему бы не учил их, и старался возвестить им всю волю Божию*, и призывает их бодрствовать в деле своего служения, *памятуя то, что он три года, день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из них (Деян. 20:20, 27, 31)*. Смысл речи и те обстоятельства, среди которых сказана она, дают нам право видеть в этом свидетельстве апостола об учении, так тщательно и полно сообщенном им окружающим его пресвитерам, ясное указание не на общее наставление в вере, какое давал он везде верующим, благовествуя о Христе Иисусе, а особенное и нарочитое, приспособленное к потребностям избранных служителей Божиих и руководителей верующего общества. Как апостол Павел поступал по отношению к Тимофею и к пресвитерам ефесским, так точно поступали и другие апостолы, избирая и готовя споспешников и преемников своего служения. Что делали апостолы сами при устройении Церкви, то же самое исполнять они внушали своим преемникам. Тимофею апостол Павел пишет: *руки скоро не возлагай ни на кого же (1Тим. 5:22)*. Определяя те свойства, какими должен отличаться желающий пресвитерского сана, и на какие нужно обращать внимание при выборе служителей Церкви, Апостол в послании и к Тимофею (1Тим. 14:2), и к Титу (1:3) указывает на то, что такому *подобает быть учителю, держащемуся верного словеса по учению, да силен будет и утешати в здравом учении и противящихся обличати*. Само собой понятно, что для снискания учительной способности, для приобретения силы сообщать другим здравое учение и обличать заблуждающихся и противящихся

слову веры нужно время, – нужно, если не формальное школьное приготовление, то все таки нарочитое приготовление посредством человеческих средств, и апостол, очевидно, имеет в виду это приготовление, когда указывает выше приведенными словами Тимофею и Титу, а в лице их и всем другим правителям Церкви, кого они должны избирать в пресвитеры. *И сии (прибавляет Апостол) да искушаются прежде, потом же да служат, непорочни суще (1Тим. 3:10).*

После времен апостольских, предстоятели Церкви руководились теми наставлениями, какие оставили своим преемникам святые апостолы. Практика Церкви первых веков христианства, как видно из Апостольских Постановлений¹, установила и требовала, чтобы пастырь был, «если возможно, образованный», т.е. надлежащим образом приготовлен к своему высокому служению, «а если он будет не учен, то да будет, по крайней мере, искусен в слове (в учении христианском)». Трудно было во времена гонений всякий раз находить надлежащим образом приготовленного кандидата для несения тяжелого пастырского долга; но выбор и епископа и общины всегда останавливался на тех, в ком замечали и знание Писания, и ясное понимание предметов веры, и в ком предполагали умение утверждать других в здравом учении. Угольщик Александр, например, не по одной прихоти или случайности, призван был к пастырскому служению, – но потому, что видели в нем человека, более других просвещенного в вере. И его избрали в пресвитеры после того, как он держал общине христианской разумную и впечатлительную речь. При стеснительных обстоятельствах Церкви, не было в обществах христианских организованных институтов для нарочитого приготовления пастырей – руководителей верующего народа. Но на мысли предстоятелей Церкви лежала забота об устройении этого дела, и мы не можем сказать, чтобы эта забота из области желаний не переходила в практику. Нынешние школы, в которых получают образование будущие кандидаты священства, тогда заменяло воспитание в клире епископа. В клир епископа в древнее время привлекались многие молодые люди, обещающие быть достойными служителями Церкви, и между ними часто видны были получившие широкое светское образование. Состоя на низших степенях епископского клира, они как бы проходили приготовительную школу к пастырскому служению. Они поручались ближайшему попечению образованнейших и опытнейших из пресвитеров, состоявших при епископе, и эти были их руководителями в приобретении ими необходимых для них христианских знаний, – читали с ними Священное Писание, раскрывали перед ними смысл его и вводили их в дух его

понимания, вели с ними беседы о разных предметах веры и нравственности и вообще сообщали им науку благочестия в дополнение к тем знаниям, с какими они вступали в состав клира. Усерднейшие из епископов сами приближали к себе этих молодых клириков, и из их уст будущие пастыри слышали слово опытности, знания и веры, подкрепленное их высоким авторитетом и потому глубоко западавшее в их душу. К этим словесным наставлениям, получаемым молодыми клириками от епископа и его пресвитеров, нужно присоединить живое назидание примера. Постоянно обращаясь с опытными, искусными и просвещенными служителями Церкви, они из образа их деятельности получали для себя такие впечатлительные уроки, которые действовали не менее сильно, как и мудрые наставления, им сообщавшиеся.

В четвертом веке, когда настали мирные времена для Церкви, заботы о достойном приготовлении пастырей заявляются больше и яснее. Способы приготовления, практиковавшиеся прежде, получили более широкое применение, и, при важнейших епископских кафедрах, увеличивалось число клириков, готовящихся к будущему священническому служению. Например, в клире Мелетия Антиохийского в одно время мы видим Иоанна Златоуста, впоследствии архиепископа константинопольского, и Василия, впоследствии епископа Рафаны Сирской, Максима, впоследствии епископа севкийского, Феодора, впоследствии епископа мопсуетского, и многих других. Они были уже юноши образованные, прошедшие светскую школу. Но с ними нарочито занимаются в видах их будущего служения: пресвитеры: Диодор, впоследствии епископ тарский, Картерий и Флавиан, поставленный на втором Вселенском Соборе преемником Мелетия на антиохийской кафедре: к их широкому светскому образованию они присоединяют образование христианское, духовно-религиозное, и св. Иоанн Златоуст многим был обязан в особенности Диодору в своем разумении Священного Писания; под его влиянием в нем утвердилась та нравственно-практическая метода толкования Писания, которая, при его таланте, сделалась так плодотворной для целей гомилетических. Замечательный пример из истории Церкви четвертого века представляет из себя св. Амвросий Медиоланский. Он неожиданно для самого себя попал в епископы, не готовясь предварительно к этому званию. Но именно это обстоятельство послужило для него побуждением к тому, чтобы не пренебречь делом приготовления достойных служителей Церкви. Очувтившись на таком poste, о каком прежде не думал, святой отец увидел большие пробелы в своем знании и не находил в себе ни сил, ни

опытности, чтобы без стеснения совершать с успехом возложенное на него служение. Он усиленно начал заниматься священной наукой на первых порах своего пастырского служения и даже пригласил к себе пресвитера Симпликиана, чтобы тот давал ему наставления в вере, желая приобрести и восполнить то необходимое, без знания чего нельзя приступать к служению Церкви. Испытав на себе невыгодные последствия приступа к священству без достаточного приготовления, он не желает, чтобы другие оказывались в таком же положении, в каком он себя видел, и для устранения этого собирает при своей кафедре молодых людей и, зачислив их в клир, и сам и через других наставляет их в вере, беседует с ними обо всем, касающемся их будущего служения и заблаговременно приучает их ходить достойно будущего своего звания. Каковы были эти наставительные беседы, какие вел ревностный епископ с молодыми клириками, будущими пастырями Церкви, – показывает его книга «О должностях священнослужителей (de officiis ministrorum)». Она составлена именно из тех наставлений, какие в разные годы считал нужным преподать св. Амвросий людям, предназначавшимся к служению Церкви. Содержание ее показывает, что святой отец, кроме общего разъяснения предметов веры и нравоучения христианского, сообщал будущим пастырям много подробностей касательно вопросов практического свойства, определяющих лучшую постановку пастырского дела и составляющих предмет науки, ныне известной под именем «Пастырского богословия». Он говорил с ними и о тех обязанностях, какие Церковь возлагает на своих служителей, говорил и о том нравственном характере, какой они должны осуществлять в своей жизни, и указывать им, в чем должны выражаться у них требования главных добродетелей, составляющих сущность нравственного закона, определял и разъяснял их отношения к обществу людей и к миру внешнему, и даже находил уместным делать замечания касательно их внешнего благоповедения и соблюдения приличия в походке и телодвижениях вообще, разговоре и голосе, в выборе знакомств, и в отношении к пиршествам и разного рода забавам и увеселениям.

Отцам четвертого и последующих веков не раз приходилось касаться вопроса о приготовлении к пастырскому служению, и лучшие из них, бывшие руководителями общественного мнения Церкви, настоятельно требовали самого тщательного приготовления к своей должности от лиц, желающих посвятить себя пастырскому служению, и считали большим дерзновением со стороны неприготовленных брать на себя бремя священнического служения. Дело пастырского служения они находили

делом слишком трудным, важным, ответственным, чтобы зря, без всякого приготовления, приступать к нему, и потому многие из них уклонялись от него из боязни, что они не могут удовлетворить всем требованиям, какие налагает на человека звание пастыря. Были примеры в их время, что иные люди прямо от светских занятий вступали на высокие степени клира, но они отнюдь не находили, чтобы это было в порядке вещей; напротив, видели и указывали в этом злоупотребление и не находили слов, чтобы достойно осудить это злоупотребление. «Нет ни врача (читаем мы в надгробном слове св. Григория Богослова св. Василию Великому), ни живописца, который бы прежде не вникал в свойства недугов, или не смешивал разных красок, или не рисовал. А председатель в Церкви удобно выискивается; не трудившись, не готовившись к сану, едва посеян, как уже и вырос, подобно исполинам в басне. В один день производим мы в святые, и велим быть мудрыми тем, которые ничему не учились, и, кроме одного произволения, ничего не имеют, восходя на степень»².

Самое обстоятельное рассуждение об этом предмете мы встречаем в слове св. Григория Богослова, в котором он оправдывает свое удаление в Понт после рукоположения своего против воли в пресвитера³.

У нас требуют благочестия от кандидатов священства, и иные в этом требовании сосредоточивают все условия, каким должен удовлетворять желающий священства. Лишь бы был благочестивый человек (говорят): такой будет отвечать своему званию, если нет у него чего другого, требуемого от священника. Конечно, благочестие – чрезвычайно важная вещь, и оно весьма необходимо для человека, избирающего для себя священнейшее из служений. Но и с этой стороны требуется приготовление, для преуспевания в благочестии от желающего занять место священника. «Мне стыдно за других (говорит св. Григорий Назианзин), которые, будучи ничем не лучше прочих (если еще не хуже), с неумытыми, как говорится, руками, с нечистыми душами берутся за святейшее дело и прежде, нежели сделались, достойными приступить к священству, врываются в святилище, теснятся и толкаются вокруг святой трапезы, как бы почитая сей сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию, не служением, подлежащим ответственности, но начальством, не дающим отчета»⁴.

Но по суждению св. Григория Богослова, одного благочестия далеко недостаточно для достойного приступления к священству: он требует от кандидата священства еще значительного приготовления теоретического, основывая свое требование на том, что священническое служение труднейшее из служений. «Положим (говорит он), что иной не порочен и

взошел на самый верх добродетели; все еще не вижу, каким запасшись знанием, на какую понадеявшись силу, отважится он на такое начальство. Ибо править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, по моему мнению, действительно есть искусство из искусств и наука из наук, в чем всякий может удостовериться, если врачевание души сравнит с лечением тел, – изведает, сколько трудно последнее, и разберет, сколько наше врачевание еще труднее, а вместе и предпочтительнее и по свойству врачуемого, и по силе знания, и по цели врачевания»⁵. Кроме врачевания духовных болезней, на пастыре Церкви лежит долг учительства, или, как выражается св. Григорий, раздаяния слова, что, по его указанию, составляет первую «нашу» (пастырскую) обязанность. А чтобы быть учителем, для этого необходимо долгое предварительное учение. «Ежели другой кто (говорит он) приступает к сему делу с дерзновением и почитает оное доступным для всякого ума, я дивлюсь многоумию (чтобы не сказать: малоумию) такого человека. Для меня кажется не простым и немалого духа требующим делом – каждому *даяти во время житомерие* (Лук. 12:42) слова и с рассуждением вести домостроительство истин наших догматов... Брать на себя труд учить других, пока сам еще не научился достаточно, и по пословице на большом глиняном сосуде учиться делать горшки, то есть над душами других упражняться в благочестии, по моему мнению, свойственно только людям, крайне неразумным и дерзким, – неблагоприятным, если они не чувствуют своего невежества, – дерзким, если, сознавая оное, отваживаются на дело»... Проникнутый сознанием высоких требований от пастыря Церкви, как учителя, он сильным словом поражает тех, которые возлагают на себя пастырство, вовсе не помышляя об этих требованиях, и немало изумляется тому, что находятся люди, не считающие нужным предварительного учения для предназначенного в учителя других. «Мы так худо поступаем (замечает он), что большая часть из нас (чтобы не сказать: все) почти прежде, чем острижем у себя первые волосы и оставим детский лепет, прежде, нежели войдем во двory Божии, узнаем наименование священных книг, научимся распознавать письма и писателей Ветхого и Нового Завета... если только затвердим два или три слова о благочестии, и то понаслышке, а не из книги, если хотя мало ознакомимся с Давидом, если умеем ловко надеть плащ, или до пояса походить на философа... мы уже и мудры, и учителя, и высоки в божественном, первые из книжников и законников, сами себя посвящаем в небесные, желаем *зватися от человек: учителю!* нимало не смотрим на букву, все хотим разуместь духовно (сколько грез! какое обширное поле пустословия!), и мы стали бы

негодовать, если бы нас не очень хвалили. Таковы те из нас, которые еще скромнее и проще других: каковы же более духовные и благороднейшие? Они, если заблагорассудится им, подвергнув нас многим осуждениям и испытаниям и поставив ни во что, удаляются от нас с презрением даже к сообществу с нами, как с людьми неблагочестивыми. Но если, обратясь к кому из них, спокойно и в логическом порядке спросим так: скажи мне, дивный муж, ты считаешь за что-нибудь пляску и игру на свирели? Ответят, может быть: конечно, почитаем. – А также считаешь за что-нибудь мудрость и быть мудрым, то есть, как мы полагаем, иметь ведение о божественном и человеческом? – И в сем уступят нам. – Что же назовешь лучшим и высшим? Пляска ли и игра выше мудрости, или мудрость несравненно выше сих искусств? Очень знаю, они будут столько добросовестны, что даже скажут: мудрость выше и всех искусств. – Но для пляски и игры на свирели есть наука, и им учатся, и на то нужны время, непрерывные труды и усилия, иногда надобно тратить деньги, приискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать дальние путешествия, а также делать и терпеть все, чем приобретается опытность. А мудрость, которая все превосходит и заключает в себе все блага... ужели почтем для себя столь легким и незатруднительным делом, что всякому стоит только захотеть, – и будет мудрым? Большое невежество так думать. – Но если мы (или кто другой учение и умнее нас) начнем говорить с ними таким образом, чтобы понемногу рассеять их заблуждение; то все сие будет тоже, что и сеять на камне, или говорить в уши глухому. Так мало в них мудрости даже на то, чтобы сознать свое невежество! И мне кажется, прилично сказать о них Соломоново слово: *есть лукавство, еже видех под солнцем, мужа непщевавши себе мудра быти* (Еккл. 10:5. Притч. 26:2), и, что еще хуже, получившего право учить других, когда не чувствует собственного невежества. Если какой недуг, то сей именно достоин слез и рыдания»^б.

Но довольно. Из приведенных нами выдержек из слова св. Григория Назианзина, полагаем, достаточно ясна мысль святого отца, настаивающего на необходимости более или менее долговременного и обстоятельного приготовления к священству. Желающие видеть более подробное и доказательное развитие его мысли; могут обратиться к самому его слову и из него убедиться в той важной истине, какую он защищает.

Св. Григорий Назианзин не единственный отец, так рассуждавший о необходимости тщательного приготовления к священству людей, желающих взять на себя это звание. Вы найдете подобные замечания в

словах св. Златоуста о священстве. Или раскрывайте «Правило пастырское» или книгу «О пастырском служении» св. Григория Двоеслова, папы римского, имевшую долгое время руководственное значение для пастырей Церкви всего Запада, и ныне пользующуюся большим авторитетом не только в западной, но и в восточной Церкви. Первые слова первой главы этой книги говорят о том, что без приготовления никто да не дерзает принимать на себя бремя пастырского служения. «Никто (так начинает свою книгу «О пастырском служении» св. Григорий Двоеслов) в мире не берется учить других какому-либо искусству, не изучив его сам наперед с самой тщательной подготовкой. Как же безрассудно поступают те, которые дерзают принимать на себя пастырское служение, нисколько не подготовившись к этому служению, между тем как управление душами человеческими есть искусство из искусств»!..

Нужно ли прибавлять что к тем веским доказательствам необходимости тщательного приготовления к священству, какие мы встречаем у отцов, и в частности у св. Григория Богослова? У нас в обществе существует фальшивое представление: в священнике иные хотят видеть не более, как простого совершителя церковно-богослужебных треб, каким может ли быть человек и без особенного, образования. Но совершение богослужения и церковных треб только одна сторона пастырского дела, далеко не обнимающая всей широты его обязанностей, хотя и для разумного совершения треб необходимо понимание таин веры, приобретаемое образованием. Пастырь Церкви, по долгу своего звания, есть учитель народа, долженствующий ввести его в познание веры и научить его всем тайнам благочестия. Он высший руководитель вверенных ему душ на путях спасения. Вверяя ему пасение духовных овец, Церковь ожидает от него, что он сумеет преподавать им все полезное для них и предохранить их от таких путей, где они могут найти для себя погибель. Если же от его небрежения или от его неумелости загрязнет во тьме неведения и погибнет какая-либо из них, он будет отвечать за нее пред Богом, и кровь ее будет взыскана от руки его. Само собою понятно, что это служение учителя и руководителя людей ко спасению одно из самых высоких по цели, одно из самых трудных по свойству и назначению занятий, с ним соединенных, требующее от приступающего к нему, для успеха в деле, большого, точного знания, практического благоразумия и значительной опытности. У нас в обществе готовятся заблаговременно и часто довольно продолжительное время ко всем профессиям, ко всем разнообразным отправлениям, каких требует полнота гражданской жизни.

Ужели же к самому труднейшему и самому высокому из них, к служению высшего учительства и руководства людей ко спасению, можно приступать прямо, без приготовления, лишь бы захотеть? Так думать значит показывать крайнее легкомыслие и вместе с тем пренебрежение к тем высоким обязанностям, какие налагает на человека звание пастыря Церкви, если не прямое непонимание их.

Можно поступать в сословие пастырей Церкви в зрелые годы, от других должностей и занятий, и из таковых людей, переменяющих какое-либо мирское служение на служение Церкви, часто выходят усерднейшие и влиятельнейшие пастыри. Не оспариваем, что это вещь возможная; благодать может избирать и уготавливать достойных служителей Церкви среди разных общественных положений. Но не можем не заметить, что по обыкновенным человеческим соображениям подобные явления принадлежат к разряду чрезвычайных. Странно и трудно ожидать лучших деятелей для церковного служения из среды людей, готовившихся быть адвокатами, врачами, чиновниками, земледельцами или агрономами, купцами, военными и т.п. и начавших уже избранную ими карьеру. Из таких будут избирать пастырское служение те, которые испытают неудачу на том поприще, к которому прежде стремились: не имея успеха в одном роде деятельности, к которому они готовились, едва ли могут они обещать успех в другом роде служения, для которого, кроме желанья испробовать его, они ничего не принесли с собой. Могут они усиленно заняться предметами, необходимыми для пастыря Церкви, в зрелые годы, задумав переменить избранный ими род служения, или уже поступив в священники. Но нелегко наверстать и восполнить опущенное в юности, – в те годы, когда люди запасаются знаниями, наиболее необходимыми и полезными для того рода жизни, какой они имеют в виду для себя. Не все же могут с успехом последовать примеру св. Амвросия Медиоланского и, подобно ему, в относительно короткий срок покрыть те пробелы знания, какие неизбежно окажутся у них, если они перейдут к пастырскому служению от других родов деятельности, прежде ими изученных и изведанных.

II. Лица, готовящиеся к священству

Если к священству необходимо приготовление более или менее продолжительное, начинаемое с ранних лет, то кто же должен готовиться к этому званию?

Вопрос этот обращает нашу мысль к семействам. Здесь, в семействах, растут и отсюда выходят общественные деятели для разных сфер и для всех служений, существующих в общественно-государственном организме. Карьера человека намечивается обыкновенно в годы юности, – в годы воспитания. Воля родителей большей частью предрасполагает молодых членов семейства к избранию того или другого рода будущей деятельности или будущего служения, и соответственно этому избранию, определяемому волей родителей, дается детям и вообще членам подрастающих поколений такое или иное воспитание и образование. Начав образование, по указанию родителей, дети в большинстве случаев подчиняются их воле, указующей им соответственный род служения, а иногда, с достижением возраста, способного к самостоятельным суждениям, под влиянием разных обстоятельств, с развитием в них известных расположений и способностей, уклоняются от пути, указанного им родителями, и готовятся к новому роду служения, кажущемуся им более согласным с их настроением и способностями.

1. Побуждения к избранию священнического служения

Какого рода мотивами или побуждениями руководятся родители, когда предназначают для своих детей в будущем служение пастыря Церкви, – или сами эти дети, приходящие в возраст, когда склоняются к избранию для себя этого рода служения?

Первое побуждение житейского или материального свойства. Избирают родители для своих детей или сами молодые люди для себя священническое служение потому, что оно доставляет верный, хотя не роскошный, кусок хлеба, что приняв на себя это служение, человек всегда будет иметь более или менее достаточное обеспечение для себя и для своего семейства. Невысокой цены нравственное достоинство такого побуждения к избранию священнического звания. Священническое звание – звание духовное, возвышающееся над обыкновенными мирскими званиями, и занятия, с ним соединенные, имеющие в виду спасение братий, не должны бы быть рассматриваемы, как средства к приобретению внешних, житейских выгод. Неблаговидно, когда должность пастыря ставят на одной доске с занятиями по сельскому хозяйству, с какими-нибудь ремеслами и другими, более или менее прибыльными, профессиями. Чувствуется при этом некоторое принижение и, так сказать, оземление этого священнейшего и духовнейшего из званий, учрежденного божественным Основателем Церкви. Нельзя говорить и утверждать, что выйдет дурной священник из такого человека, которого родители предназначают к этому званию по житейским расчетам, или который сам выберет для себя это служение, руководясь побуждениями материального свойства. Но из уважения к званию священника нужно желать, чтобы люди руководились лучшими, высшими побуждениями для выбора этого звания.

Высказывая такое желание, мы затрудняемся выразить его в форме обязательного требования. При настоящих условиях жизни, человеку, думающему об устройении своей будущности или будущности своих детей, трудно отрешиться своею мыслью от всяких видов на внешние выгоды, с какими соединено то или другое звание, когда предлежит ему избрать занятие на всю жизнь. Нас назвали бы непрактичными идеалистами, нас могли бы упрекнуть в излишнем увлечении и в незнакомстве с жизненным опытом, если бы, при мысли о замещении священнических вакансий, мы рассчитывали только на чистые, апостольские души, равнодушные к внешним средствам жизни и материальным выгодам. Таких людей гораздо

меньше, чем сколько деятелей нужно Церкви для несения пастырского долга. Скучное содержание, доставляемое священническим служением, способ получения доходов, практикуемый у нас, тяжелый для нежных и деликатных натур, имеют своим следствием то, что дети хороших семейств устраниваются от священства, в других сферах ищут служения себе и приготавливаются к таким профессиям, от которых надеются получить больше внешних выгод и лучшее обеспечение для себя и семейства. В числе лиц, из-за внешних выгод устраниющихся от священства, могут быть люди талантливые, благонастроенные и весьма полезные для Церкви. Церковь, бедная имуществом и средствами, всегда беднее талантливыми людьми и энергическими деятелями, чем Церковь богатая, могущая доставить внешние выгоды своим служителям. Это человеческий взгляд, но он имеет свое право. И в духовных делах нужно смотреть на вещи и людей, каковы они в действительности, а не какими желаем мы видеть их с идеалистической точки зрения. Господь, скажут, взыщет людей, и недостаток таланта у людей, призываемых к служению Церкви, заменится усердием и восполнится благодатною силою. Господь, конечно, все может сделать, если то будет Ему угодно, и мы веруем, что Он всегда хранит и до конца будет хранить созданную Им Церковь, и всегда будет воздвигать в ней и посылать ей благопотребных деятелей. Но организованные общества, в своих заботах о лучшем способе удовлетворения своих существенных потребностей, не могут успокаивать себя одной этой верой: они не должны опускать из вида того, что необходимо по-человечески, чего требует естественное соображение, чтобы привлечь к Церкви и удержать при ней даровитых и благонастроенных людей, обещающих из себя влиятельных и плодотворных руководителей народа. Расчеты на хорошее обеспечение в жизни всегда будут в числе самых обычных мотивов, склоняющих волю человека к избранию для себя такого или иного рода служения.

Другим побуждениям, располагающим людей к принятию священства и заставляющим их готовиться к этому званию, служат семейные предания и привычки. Порядок жизни и занятий, унаследованный тем или другим семейством от прежних времен, определяющим образом действует на настроение и волю молодых, подрастающих членов известного семейства, и на глазах людей, живущих сложившимися семейными преданиями, стоит знакомая, проторенная дорога, на которую вступать и новым членам семейств легче и сподручнее, чем на дорогу, старшими членами семейств неизведанную. Склад мыслей и расположений по отношению к тому или другому роду практической деятельности у подрастающего человека

образуется прежде, чем он начнет давать отчет в своем выборе. Вследствие определяющего действия семейных преданий, люди военные располагают своих детей к избранию военной карьеры; дети купцов большей частью готовятся продолжать занятия своих отцов; дети людей, живущих сельским хозяйством, обыкновенно имеют в виду для себя те занятия, от каких получают средства жизни, и в каких имеют опытность их отцы и т.д. Подобно тому и дети людей, служащих Церкви, скорее всего, избирают для себя то служение, к какому привыкли и какое несут их отцы. Тем естественнее и удобнее для детей духовенства это избрание, что для них всего доступнее школа, дающая образование, необходимое для служителей Церкви.

Многие смотрят неблагоприятно на такой порядок вещей. Он создал, говорят, в нашей Церкви левитизм, – замкнутое духовное сословие, которого не должно бы быть. Места священников должны принадлежать желающим послужить Церкви, из какого бы сословия они ни происходили, а не происходящим от духовных родителей. Наш порядок, создавший нечто, подобное иудейскому левитизму, противен-де, как замечают иные, соборным узаконениям Вселенской Церкви. Именно, против него выставляют 83-е правило шестого Вселенского (Трулльского) Собора. Правило это гласит так; *Понеже мы уведали, что в армянской стране приемлются в клир токмо те, кои суть из священническаго рода, в чем иудейским обычаям последуют тако творити предприемлющи: некоторые же из таковых, и не получив церковнослужительскаго пострижения, поставляются священнопевцами и чтецами божественнаго храма: то полагаем, да не будет отныне позволено желающим возвести некоторых в клир, впредь взирати на род производимаго: но испытывая, достойны ли они, по изображенным в священных правилах определениям, быть сопричисленными к клиру, да производят их в служителей Церкви, хотя бы они происходили от посвященных предков, хотя бы нет.*

Мы отнюдь не желаем, чтобы к священному служению готовились одни дети духовных лиц. Напротив нам, как, вероятно, и всем, ревнующим о благе Церкви, было бы весьма приятно, если бы являлись на служение Церкви достойные деятели из других сословий, если бы дети недуховных лиц решались посвящать свои силы трудам пастырства, – и чем больше будет таких, достойно приготовленных к священному служению, лиц, тем лучше. Но желая отворить двери в церковную ограду детям светских лиц, желающим послужить Церкви, мы в то же самое время не хотели бы и считали бы несправедливым запираť их для детей духовенства. И мы

весьма далеки от того, чтобы осуждать тот обычай, по которому дети священников предрасполагаются к избранию служения отцов своих и к нему готовятся в годы юности своей. Такой порядок вещей весьма естественен, тем более, что аналогичные явления ему мы находим и в других сферах или сословиях. Естественно отцу-священнику, полагающему в своем служении высокое дело Божие, указать своему сыну лучшую карьеру в жизни в том звании, какое он сам носит, и к какому относится с почтением. (А какой достойный священник может не чтить своего звания?). Естественно и сыну, с детства видящему отца в деревне уважаемым, с благоговением смотрящему на то, как его отец пред престолом Божиим возносит за себя и других молитвы к Богу, естественно (говорим) и сыну привыкнуть к мысли видеть себя на месте отца в том положении, какое снискивает ему уважение от других, и готовиться к тому служению, какое несет его отец. И если поддерживается порядок вещей, располагающий детей духовенства к исканию служения Церкви, это служит признаком, что в духовенстве поддерживаются добрые, строгие нравы, и что в нем цел и силен дух благочестия, дающий детям церковное воспитание. Когда в недавнее время, вследствие облегченного доступа в университете и другие светские учебные заведения воспитанникам духовных семинарий до окончания ими семинарского курса, замечено было бегство детей духовенства целыми массами от служения Церкви, к которому их прежде более всего располагали и приготавливали, благомыслящая часть нашего общества, не духовного только, но и светского, не с сочувствием встретила это явление; напротив она с прискорбием смотрела на него и готова была заключать из него, что в духовенстве и в детях духовенства, воспитывающихся в семинарии, оскудел дух благочестия, прежде привязывавший их к Церкви и заставлявший их высоко ценить звание пастыря Церкви и делать его предметом своих желаний. То правило Трулльского собора, которое выставляют против так называемого левитизма или наследственной сословности духовенства, вовсе не направлено к тому, чтобы стеснить и затруднить детям духовных лиц доступ к служению Церкви. Оно только не велит взирать на род производимого в какую-либо степень церковного клира, осуждает то, что некоторые из детей духовных лиц поставляются священнопевцами и чтецами божественного храма, *не получив церковнослужительскаго пострижения*, а повелевает наперед испытывать, достойны ли желающие быть служителями Церкви тех степеней церковного клира, каких ищут, и если достойны, то производить их, – производить одинаково как происходящих от посвященных предков, так

происходящих и от светских или мирских родителей.

Никто не может желать насильственного закрепощения детей лиц, служащих Церкви, в духовном сословии или невольного обращения их к тому служению, какое несут их отцы. И мы не одобряем, если молодой человек, происходящий от посвященных предков, без особенной охоты, в силу одних роковых обстоятельств, поступает в священники, – поступает просто потому, что нет для него другой дороги в жизни. Нет, пусть не чувствующие склонности или призвания к духовному служению не готовятся к нему и не берутся за него; пусть они избирают для себя род жизни и деятельности, более отвечающий их расположению. Для таких открыты и должны быть открыты многие другие пути. Но если человек, происходящий от родителей духовного звания, по нравственным побуждениям, по движению духа благочестия и по уважению к высокому служению пастыря Церкви располагается другими, например, своими родителями, или сам решается избрать для себя это служение, – к этому относиться можно только с сочувствием. Мы надеемся, что эти нравственные побуждения, склоняющие детей духовенства к избранию священнического служения, долгое время будут заявлять свое действие в семействах лиц, служащих Церкви, и полагаем, что в будущем, несмотря на разные перемены, какие могут случиться в системе воспитания и устройства духовной школы, главный контингент кандидатов священства или самое большее число лиц, готовящихся к занятию священнических мест, будут доставлять семейства духовных отцов. Ныне открыты двери семинарий, где приготавливаются и воспитываются будущие священники, для детей всех сословий, равно как облегчен доступ и в духовные академии светским лицам, прошедшим гимназическую школу. Между тем из других сословий только немногие единицы решаются поступать в духовные семинарии, предназначенные для приготовления пастырей Церкви, и из этих немногих большая половина, по окончании семинарского курса, воспользовавшись правами, доставляемыми семинарским образованием, избирает для себя не священническое служение, а какое-либо другое, или поступая в светское высшее заведение, или прямо ища службы в светском ведомстве. А в академиях так мало лиц с гимназическим образованием, что их и считать нельзя, хотя им даются разные льготы при приемных экзаменах в академию; да и те, какие поступают в академию из гимназий, большей частью дети духовных лиц. Не у нас только в России, но и на востоке, в Православной Церкви, и в инославных обществах на западе, где дозволяется брачная жизнь служителям религии, ряды духовенства пополняются более всего детьми

лиц, служащих религии, и так будет всегда. В протестантских обществах случалось, что иногда целое столетие и даже более, известное пасторское место удерживалось в одном роде, и в этом не находили ничего дурного, а напротив ценили силу тех нравственных связей, которые неразрывно связывали представителей рода с одним приходом. Отец приготавливал сына в преемники себе на приходском месте, и сын, приготовившись к служению пастора, поступал не к чужим, не знаемым людям, с которыми еще ему нужно знакомиться, а к своим, которых он хорошо знает, и которые его хорошо знают. Доверие и уважение, каким пользовался в приходе его отец, сразу переносится на его сына. И если нажиты какие-либо добрые предания в приходе, они скорее сохранятся при удержании места за одним родом, чем при смене одного лица другим, совершенно ему чуждым. Вообще чувствовалось приятное веяние доброго духа патриархальной семейственной любви и простоты в отношениях, когда приход желал, чтобы нравственно-церковное руководство его не выходило из рук излюбленного им рода, и когда представители этого рода дорожили этой привязанностью к ним своего прихода и не хотели устранять себя от того места и служения, к которому влекло их столько привязанностей и дорогих воспоминаний. Бывало так и у нас, и нельзя не согласиться, что в этом было немало добрых сторон.

Самое достойное побуждение к избранию священнического служения нужно искать в расположениях благочестивой, преданной Церкви, души, благоговееющей пред высоким званием молитвенника и служителя Божия и видящей в принятии этого звания священное дело, наиболее приближающее человека к Богу, или наиболее благоугодную жертву Господу. Самые благонадежные кандидаты священства – это те, которых родители предрасполагают к избранию духовного звания, или которые сами избирают его в благочестивом чаянии оказать тем угодное Богу, без особенного расчета на какие-либо внешние выгоды, или которые решаются посвящать себя на служение Церкви с готовностью на самопожертвование, потому что в этом служении они видят одно из самых лучших и высших званий, доступных для человека во время его земного поприща. Подобные побуждения вполне отвечают достоинству того звания, какое берут на себя пастыри Церкви, и они сами по себе служат немалым ручательством за то, что руководимый ими постарается со всей тщательностью приготовиться к тому служению, которое он избирает из сердечного благоговения пред его высотой, и по принятию его употребит все свои заботы о, том, чтобы приблизиться к тому идеалу пастыря Церкви и служителя Божия, какой начертан в Писании и какой носится в

богопросвещенном сознании благочестивых людей. Только в благочестивых и богобоязненных семействах можно встретить проявление подобных расположений. Там, где действуют и проявляются такие расположения, там, можно надеяться, родители позаботятся дать доброе воспитание своим детям, потребное будущим служителям Божиим, посеять в юных душах семена веры и благочестия, которые, с течением времени, под их теплым руководством и сердечной охраной возрастут, распустятся и принесут плоды, и утвердят в них такое христианское настроение, какое сделает их непреклонными и горячими борцами за дело веры и за спасение своих братьев. О, если бы больше было таких семейств, из которых Церковь могла бы воспринимать на служение себе людей по сердцу Божию, горящих желанием посвятить свои силы на дело молитвы, на дело благодатного освящения и просвещения ближних! Мы не отрицаем, что есть такие семейства, но выходящих от них благопотребных деятелей, готовых посвятить себя на служение Богу и Церкви, слишком и слишком мало в сравнении с тем запросом, какой предъявляют нужды многомиллионного православного народонаселения. Каждый благочестивый сын Церкви должен желать и содействовать тому, чтобы в ней выростали и умножались добрые и верные рабы, с детства посвященные на служение Богу и с детства готовящиеся к нему. Дети обетов и молитв, как свидетельствует история, – самые лучшие и благоплодные служители Божии. Таковы были в Ветхом Завете великий пророк Самуил, испрошенный своею матерью Анною от Бога, с обещанием посвятить его Богу на всю его жизнь, и во исполнение обета воспитанный при скинии с самых юных лет своих. Таков был в христианской Церкви св. Григорий Богослов. Мать его Нонна некоторое время, по вступлении в супружество, не имела детей. Подобно матери Самуила, она просила Бога разрешить ее неплодство и, в случае исполнения ее молитвы, дала обет Богу приготовить из дарованного ей сына служителя Церкви. И вот, когда исполнилось ее молитвенное желание и ей дарован был сын, она, окружив его своими попечениями, постаралась напитать его тем духом благочестия, каким было полно ее сердце, и более всего заботилась о том, чтобы из него вышел человек, преданный вере и Церкви, могущий исполнить своей деятельностью те обеты, какие носила она в своем сердце с той поры, как почувствовала, что не напрасны были ее молитвы пред Богом о даровании ей сына. И вот из ее сына, при его глубоком благочестии, наследованном от матери, и при его высоком образовании, вышел один из первых богословов вселенской Церкви, великий святитель, чествуемый и прославляемый из рода в род за

свою святость и за свои бессмертные труды на пользу веры православной. История Церкви указывает нам одно чудное семейство, все члены которого прославились святостью, и из которого вышли такие великие светильники Церкви, как св. Василий Ведший, св. Григорий Нисский и св. Петр Севастийский. Строгие благочестивые нравы господствовали в этом семействе, и жил в нем крепкий дух веры и благочестия, который приготовил и воспитал в лице нескольких братьев славных деятелей, с великой ревностью и силой служивших на пользу веры и Церкви. Благочестивая и сильная духом бабка св. Василия Великого до начала школьного образования при себе держала старших внуков – детей своего сына, учила их молиться, заставляла их в точности выполнять то, чего требует долг христианина и полагала в их восприимчивых сердцах твердые, неизгладимые начала веры и преданности Церкви и Богу. Когда ее не стало, – по отношению к младшим братьям и сестрам св. Василия Великого заботы о воспитании их в духе благочестия приняла на себя старшая сестра их св. Макрина, одна из первых девственниц христианских, устроившая общежитие и прославившаяся святостью. И вот, благодаря этому семейному воспитанию, каждый член этого благочестивого семейства, где ни являлся, – в школе или в жизни, – везде отличался строгой добродетелью, и все братья решились посвятить свои силы на служение Церкви и явились избранными пастырями, подобных которым немного представляет история.

2. Вопрос о призвании к священству

В ряду побуждений, влекущих человека к избранию пастырского служения, ставят обыкновенно внутреннее призвание. Говорят часто в обществе: «пусть тот только готовится к принятию священнического служения, кто чувствует внутреннее призвание к нему. А готовить к священству людей не призванных – дело напрасное, не обещающее добрых плодов: или они откажутся от того служения, к которому готовятся, не чувствуя призвания, и таким образом даром пропадет труд приготовления, или из них, когда они примут это служение, выйдут не пастыри, а наемники». О необходимости призвания к священству считают долгом говорить многие и из тех сочинений, которые излагают более или менее полное учение о пастырском служении, например: пастырское богословие Антония, впоследствии архиепископа казанского⁷, и пастырское богословие Бенгера⁸.

Призвание к священству – великое дело. И кто бы не желал, чтобы в числе лиц, готовящихся к пастырскому служению, были только званые от Бога или чувствующие непреодолимое влечение к избранию этого рода служения? Но в толках об этом призвании много неопределенности, и трудно из этих толков вывести ясные и твердые правила для практического руководства в жизни. Как скоро мы из области отвлеченных представлений о призвании к священству переходим на практическую, житейскую почву, то встречаем большие, почти непреодолимые затруднения к тому, чтобы возвести эти представления на степень закона, требующего непременно приложения к жизни. Дело в том, что чрезвычайные призвания, с непобедимой силой влекущие человека к служению, исполняемому пастырями Церкви, весьма редки. Только в особенных случаях и для целей особенно важных Богу угодно бывает чрезвычайным образом открывать свою волю, призывающую того или другого избранника к принятию на себя указуемого ему служения, как это было например при избрании Самуила, пророка Иеремии или апостола Павла. Что касается обыкновенного призвания, как его разумеют в обыденном языке, то это вещь нелегко узнаваемая. Как увериться в призвании того или другого лица к священству людям посторонним, хотя и близко поставленным к этому лицу? Как увериться в нем самому призываемому, особенно в годы юности, когда начинается приготовление молодого человека к тому или другому роду служения? Признать ли свидетельством призвания желание известного лица принять

священническое служение? Но простое желание само по себе еще не есть признак призвания: в нем могут совмещаться разнородные элементы, – представление удобств жизни, соединенных со священническим служением, спокойствия, чести, им доставляемых; оно может вырастать из расчетов тщеславия или материального обеспечения. Тем более затруднительно придавать вес и большое значение этому желанию в годы юношеского брожения, когда желания еще не успели отвердеть и определиться и могут быть крайне неустойчивы и изменчивы. Гораздо больше основания видеть признак призвания к священству в благочестивом настроении известного юноши. Но и благочестивое настроение не может служить не переменным признаком призвания к священству того или другого лица. Во-первых, трудно верить его неизменной твердости в годы юности; во-вторых, искреннее, глубокое благочестие сколько может возбуждать в человеке желание священства, столько же может и отвлекать от него, представляя трудность и тяжелую ответственность этого звания, как это мы видим на примере св. Иоанна Златоуста, св. Григория Богослова, св. Ефрема Сирина и других, старавшихся уклониться от священства; в-третьих, настоящее благочестие не любит выставлять себя напоказ, и людям, заправляющим волей юноши или властью имеющим, нельзя руководиться расчетами на благочестие, которое может быть кажущимся, при определении того, кого считать призванным к священству, и кого не призванным. А между тем благочестие – наиболее подходящая и заметная черта, могущая свидетельствовать о том, что обыкновенно называют призванием к священству. И жаль, что на эту черту в нашей практике не обращают подобающего внимания, когда судят о людях, способных быть достойными служителями Божиими. Обращают внимание на теоретические способности и знания лиц, предназначенных к священству, а об их благочестии почти не спрашивают, – от кандидатов священства требуют объективного, теоретического знания религии, а не субъективного воплощения закона веры и жизни, и это от того, что благочестие не может быть предметом испытаний.

Системы пастырского богословия, когда говорят о призвании к священству, не указывают никаких признаков внутреннего призвания, как силы, определяющей волю человека к избранию священного сана. Преосвященный Антоний в § о необходимости призвания к священству выставляет положение, по которому «пастырь Церкви должен быть непременно свыше призван и законно избран и посвящен Церковью на сие служение: и это составляет необходимейшее условие к получению

священного сана»⁹, Но вся суть его рассуждений и определений по этому предмету заключается во втором пункте этого положения и, минуя призвание, как внутреннее дело, сводится к речи о внешнем призвании, т.е. о законном посвящении от архиерея, Правда, у него есть §(47) о «признаках призвания (к священству) в настоящее время»¹⁰. Но эти признаки определены далеко не метко, и в речи о них смешано призвание внешнее с призванием внутренними. Этими признаками у него считаются: «а) происхождение из духовного звания, б) образование во всех науках, преподаваемых в духовных училищах, и надлежащее одобрение в способностях, успехах и поведении, в) внутреннее расположение и любовь к священству и г) воля местного епископа, который окончательно испытывает кандидата священства, одобряет, и призвание и избрание запечатлевает торжественным рукоположением». Само собой понятно, что здесь не исчерпан и не уяснен вопрос о призвании, как силе, располагающей человека готовиться к священническому служению и искать его. И если какой признак может относиться к указанию присутствия в человеке этой силы, то разве третий, то есть внутреннее расположение и любовь к священству. Но по нему одному нельзя судить о действительности призвания.

У Бенгера целая книга о призвании к священству, но при всей длинноте рассуждения об этом предмете нет ясных указаний признаков призвания, по которым бы сам призванный или другие могли увериться в действительности призвания. Он говорит в трактате о призвании о том, что решение Божие о призвании к духовному служению 1) полезно для общего блага Церкви, 2) полезно для частного человека, или для самого призываемого лица, 3) и не только спасительно, но и необходимо, 4) о необходимости призвания учат отцы, и его легко узнать из высоты и трудности священнического служения, и 5) вступление в духовное звание без призвания опасно для этой жизни и для жизни вечной. Все это верно. Но как открывается божественное призвание? Как безошибочно узнать его? На это нет положительного, определенного ответа, и вместо уяснения внутреннего призвания все сводится к слову о том внешнем призвании, которое узаконено Церковью и которое состоит в избрании и рукоположении ищущего священства чрез высшую епископскую власть Церкви.

Не для укоризны и порицания мы указали на неопределенность рассуждений о призвании к священству в системах пастырского богословия, заслуживающих всякого уважения, а в подтверждение того, что призвание к священству, как внутреннее возбуждение души, – вещь

трудная и более или менее сокровенная, нелегко отличимая даже такими лицами, которые нарочито думали о нем и нарочито старались определить его признаки. Мы желаем, чтобы к священству готовились и принимали священный сан одни призванные к тому. Но кто укажет нам этих призванных, и кто отличит их от непризванных? И где несомненное свидетельство этого призвания для самого человека, желающего готовиться к служению священника? Тем труднее предназначать людей готовиться к священству, что при приготовлению естественно начинаться в юные годы, когда у человека бродят разные желания, и он не может дать ясного отчета в том, к чему более склонна его природа.

3. Нравственные качества, желательные в кандидате священства

Но если нельзя точно и безошибочно узнавать призвание человека к священству в юные годы, то нельзя совершенно отказаться от мысли – замечать в том или другом юноше годность и предрасположенность к духовному служению и соответственно тому направлять его волю. Родители и воспитатели юношества должны быть крайне внимательны к настроению и свойствам характера того или другого лица, и если в ком-либо замечают склонности, не совсем гармонирующие со строгим служением священника, их долг не привлекать их к священству, а отклонять их от него; а если они уже вступили на путь приготовления к служению пастыря Церкви, для их пользы и для пользы Церкви нужно заблаговременно указывать им, что они вступают не на свою дорогу, что им лучше избрать другой род служения и деятельности, более соответственный их характеру и склонностям. Так например, по нашему мнению, следует отклонять от священства тех юношей, у которых замечается слишком резвый и ветреный характер, которые заявляют чувственный цинизм в беседе, любят разгул в жизни и обнаруживают предрасположение к спиртным напиткам, у которых заметна склонность к светским развлечениям и увеселениям, у которых нет охоты и усердия к молитве, которые удаляются от богослужения, не любят чтения богословских и религиозных книг и т.п. У нас часто в семинариях, особенно в прежнее время, принудительными и крутыми мерами старались действовать на преобразование характера юноши, поставляемого на дороге, ведущей к священству, если замечали в нем склонности, нежелательные или мало терпимые в кандидате священства, и нередко доводили до конца курса людей, не предрасположенных к пастырскому служению, и тем давали им право просить себе священнического места. Едва ли это согласно с требованиями здоровой педагогики. Конечно, умный и внимательный воспитатель испробует благие меры, предписываемые ему его благоразумием и любовью к юноше, чтобы подавить в нем зачатки дурных расположений и навыков и образовать характер, достойный служителя Церкви. Но если эти меры не действуют, он посоветует им оставить мысль о священстве и готовиться к другому поприщу жизни, на котором их характер и расположения не будут подавать повода к соблазнам, и на котором они больше принесут пользы. Пусть люди с такими расположениями заявят отличные

теоретические способности и по успехам будут считаться в числе лучших учеников; это не должно побуждать умного воспитателя насильно удерживать их на том поприще, для достойного прохождения на котором требуется не одно теоретическое знание, не один умственный талант, но и строгая нравственная выдержка. По свидетельству неоднократного опыта, когда выходили в священники люди с указанными свойствами, – они и сами тяготились тем званием, какое на себя приняли, роптали на те ограничения, какие налагает на них это звание, без усердия исполняли свои пастырские обязанности, в священное дело не влагали требуемого теплого, церковно-религиозного духа, и в жизни своей дозволяли себе вещи, унижающие сан священника.

К приготовлению к священству должны быть предрасполагаемы те юноши, у которых замечается строгий, степенный характер, избегающий всякой пошлости и вольности в обращении, всякого неприятия и цинизма в беседе и поведении, – которые выказывают благоговейное уважение ко всему священному и не позволяют себе отрицательно и критически относиться к великим делам и подвигам, о которых повествуют нам церковные сказания и гражданские летописи, – которых трогают несчастья и страдания людей, и у которых проявляется теплая любовь к своим близким и товарищам, готовая на всякие услуги и самопожертвование, и которые владеют более или менее стойкой и энергической волей: в юноше, правильно настроенном, эта энергия воли обнаруживается не в своеволии, которое есть признак слабости и нетвердости воли, а в строгом соблюдении дисциплины, в неуклонности повиновения тому закону, который выставляется для него, как правило жизни, Церковью ли, гражданским ли обществом или предписаниями непосредственного начальства. Мы не говорим уже об усердии в церкви, богослужению и молитве и о расположении к занятию религиозными предметами, как первом необходимом признаке, обещающем благонадежного кандидата священства, на который нужно обращать особенное внимание при выборе людей, располагаемых к принятию священного сана. Это разумеется само собой и предполагается самым существом дела. Но мы допустили бы преувеличение, если бы стали требовать от юноши, только зачисляемого в кандидаты священства, исключительного сосредоточения на религиозных предметах и аскетического благочестия, пренебрегающего всеми житейскими интересами для угождения Богу. Исключительное сосредоточение на религиозных предметах – следствие высшей духовной зрелости, и оно не может принадлежать годам развития и воспитания еще не сложившегося ума и характера: в эти годы оно может быть

преждевременной и опасной односторонностью, которая не выдержит испытания времени и давления случайных противодействующих влияний и легко может исчезнуть или превратиться в противоположную крайность, как показывает опыт. Равным образом и высшее благочестие, в Боге сосредоточивающее все свои помыслы и думающее только о благоугождении Ему, – подвиг избранных и утвердившихся натур, выдержавших более или менее продолжительный искуc. В молодые годы, годы воспитания, пусть действуют и развиваются все добрые естественные стремления, и если среди разнообразия их видное место занимает религиозная потребность, которая побуждает юношу охотно и свято исполнять то, что велит Церковь, – этого достаточно для того, чтобы с более или менее верным расчетом держать юношу на пути, ведущем к священству и сообщать ему образование, необходимое для пастыря Церкви.

4. Телесные недостатки, препятствующие принятию священства

При выборе кандидатов священства нельзя совершенно опускать из вида и телесные качества избираемого. В Ветхом Завете от священника требовалось некоторое внешнее благообразие, и к служению в скинии или к исполнению священнических обязанностей не допускался тот из сынов Левиных, который имел на теле видимый телесный порок. В книге Левит мы читаем: *рече Господь к Моисею, глаголя: рцы ко Аарону, глаголя: человек от рода твоего в родех ваших, Аще коему будет на нем порок, да не приступит приносить дары Бога своего. Всяк человек, ему же Аще будет на нем порок, да не приступит: человек слеп, или хром, или корносый, или ухорезан, или человек, ему же есть сокрушение руки, или сокрушение ноги, или горбат, или гноеточив очима, или вельмоочен, или человек, на немже суть красты дивия, или лишаи, или единойтрный. Всяк, ему же Аще будет на нем порок от семени Аарона жерца, да не приступит принести жертв Богу твоему, зане порок на нем: даров Божиих да не приступит приносить. Дары Бога седею святая святых, и от святых да снесет. Обаче к завесе да не приступит, и ко олтарю да не приблизится, яко порок имать: и да не осквернит святилища Бога своею (Лев. 21:16–23).* Новый Завет снисходительнее смотрит на телесные недостатки, замечаемые в том или другом человеке. По воззрениям новозаветной Церкви, телесный порок или недостаток, не зависящий от воли человека, не может считаться скверной, не допускающей человека до принятия священного сана. *Аще кто лишен ока, или в ногах поврежден (говорит 77-е апостольское правило), но достоин быти епископ: да будет. Ибо телесный недостаток его не оскверняет, но душевная скверна.* Телесный порок или недостаток церковными правилами тогда только поставляется в числе условий, препятствующих к достижению священного сана, когда он мешает или не дает возможности человеку совершать, как следует, то или другое из действий, возлагаемых на служителя Божия. Когда Церковь ограничивает прием людей с телесными недостатками в состав церковного священноначалия, она имеет в виду не внешнее благообразие, а удобство или совершенство выполнения всех обязанностей и действий, возлагаемых на священника. *Глухий же и слепый (постановляет 78-е апостольское правило) да не будет епископ, не аки бы осквернен был, но да не будет препятствия в делех церковных.* По смыслу этого правила, не может быть допускаем к священству человек, у которого

повреждены члены тела и органы чувств, необходимые для совершения таинств и вообще богослужебных действий. Не только слепой или глухой не должен быть включаем в список кандидатов священства, но и тот, у которого повреждена правая рука и нет хотя одного из пальцев, слагаемых для преподавания обыкновенного священнического благословения, а также и тот, у которого заикающийся или слишком картавый язык, не могущий внятно произносить слова, какие влагает в уста священника Церковь при богослужении, и какие мог бы внушить ему долг пастыря-учителя. Нельзя допускать к священническому служению человека, одержимого падучей болезнью: хронический припадок этой болезни может случиться во время совершения Литургии или другого таинства, и тогда невольно нарушается чин таинства; застигнутый внезапно болезненным припадком может выбросить из рук Св. Чашу и разлить Св. Дары, и этим будет оскорблена святыня, пред которою с благоговением преклоняется всякий верующий. Бывают люди (хотя таких немного), которые не могут выносить курения ладана, и у которых кружится голова от фимиама кадильного, особенно при обильном его употреблении; бывают и такие, которым не приятен и противен вкус виноградного вина. Эти недостатки сами по себе незначительны; но от них может быть препятствие в служении для того, в ком они замечаются. Потому имеющему их не следует искать священства. Мы не имеем в виду со всей полнотой и точностью перечислять все телесные недостатки, могущие служить препятствием к достижению священнического служения. Но мы считали неизлишним несколькими примерами разъяснить то начало, каким руководится Церковь, когда предписывает обращать внимание и на телесную сторону предизбираемого в священники.

Желательно в кандидате священства более или менее удовлетворительное здоровье, которое бы делало для него возможной напряженную работу и давало ему возможность выдерживать продолжительные бдения, часто требуемые тем служением, к которому он готовится. Но слабое телосложение не может быть препятствием к достижению священного сана: слабое телосложение можно укрепить, и его может заменить, как часто и заменяет, духовная энергия.

III. Образование кандидатов священнического служения

Каково должно быть воспитание и образование людей, предназначенных к служению Церкви в звании пастырей? При настоящем порядке вещей, по-видимому, нет нужды предлагать такой вопрос. Он решен уже жизнью. У нас, для приготовления и образования священников, существует духовная школа с утвержденной программой наук и с известными педагогическими правилами. В этой школе, созданной историей и церковной властью, указан надежный путь, которым должны пройти кандидаты священства, чтобы запастись знаниями, необходимыми и полезными для священника.

Но духовная школа, ныне существующая, не есть учреждение вековечное, и не может считаться таким средством приготовления и образования кандидатов священства, которое бы не возбуждало никаких возражений, и лучше которого нельзя было бы ничего и представить. В древней Церкви не было школы специально-духовной; а между тем на служение Церкви выступали и избирались люди, владевшие широким образованием, и в частности хорошо ознакомленные со всем, относящимся к существу веры Христовой и к кругу обязанностей пастырских. Нынешняя духовная школа существует уже издавна; но от влияния времени и обстоятельств меняется программа наук, в ней преподаваемых, меняются и порядки, в ней заведенные. И в то время, когда к духовной школе прилагают наиболее забот, и тратят на нее наиболее средств, весьма нередко слышатся нарекания на нее, нарекания в том, что она не достигает своей цели, что выходящие из нее деятели, после долгого учения, на практическом поприще пастырского служения оказываются часто хуже людей, не проходивших школьного курса, но обильных духом веры и благочестия и усердием к Церкви. Притом не одинакова постановка духовной школы в существующих ныне христианских государствах: наша школа, готовящая пастырей Церкви, не такова, какова школа в обществах римско-католических, а школа римско-католическая в свою очередь отличается от школы в обществах протестантских. Значит, и при существовании утвердившейся духовной школы, весьма возможно и уместно суждение о способах и размере образования, какое получают и должны получать кандидаты священства, и вместе с тем о целесообразности духовной школы в нынешнем ее устройстве и о возможно лучшей постановке института, приготовляющего пастырей Церкви.

1. Необходимость специальной школы для образования кандидатов священства

Странно было бы возражать против необходимости и целесообразности устройства особой школы, имеющей своим назначением воспитывать и готовить достойных пастырей для Церкви, и только люди эксцентрического образа мыслей решаются высказывать смелые мысли против устройства нарочитых духовных школ. Опыт жизни привел Церковь к удовлетворению своей насущной потребности путем устройства нарочитых школ для кандидатов священства. Общее образование, как бы оно ни было широко, не может быть достаточным для приготовления кандидатов священства, вооруженных всем запасом необходимого для них знания. Есть свой удельный предмет, и предмет широкий и в высшей степени важный, точное и полное знание которого совершенно необходимо пастырю, учителю и руководителю душ. Есть искусство, и искусство самое трудное, которым должен научиться владеть священник, если хочет быть достойным своего звания. Предмет этот богословие или то учение о Боге и Его святом законе, которое пастырь Церкви обязан преподавать душам, вверенным его пастырскому попечению. Это искусство – искусство уметь управлять душами человеческими, успешно вести их по пути спасения и из сынов греха делать чадами благодати. Школа, назначенная для общего образования, не может посвящать много времени тому предмету, на котором должно быть сосредоточено внимание человека, имеющего в виду для себя в будущем звание пастыря Церкви; и знание богословия у человека, прошедшего курс общей школы, хотя бы и до самых высших ее степеней, не может отличаться полнотой и точностью, и человеку одного общего образования на poste руководителя и учителя душ трудно дать ответ всякому, вопрошающему словес о нашем уповании. В тоже время было бы большой смелостью и самонадеянностью со стороны человека браться за труднейшее из занятий, возлагаемое на пастыря душ, без уроков опытности, которых можно искать только в духовной специальной, а не общей школе. И Церкви, возлагающей обязанность руководить пасомых на священника, естественно заботиться о том, чтобы в учреждениях, ею содержимых, он нашел все нужные средства, могущие облегчить для него дело его служения. Кроме того, что у общей школы есть своя задача, отличная от задачи школы духовной, – самый дух ее может неблагоприятствовать воспитанию пастырей Церкви. В ней могут быть допускаемы вольности мысли и вольности нравов, не

предосудительные со светской точки зрения, но нежелательные и нетерпимые со строгой церковной точки зрения. Может ослабеть и даже совсем иссякнуть дух благочестия в человеке, предназначающем себя в священническому званию, когда он в годы воспитания будет возвращаться в среде, руководимой началами, далекими от церковного духа; можно нажать равнодушие к званию, предизбранному человеком, и, пожалуй, совершенно потерять уважение к нему и охоту стремиться к нему, когда кругом себя он будет слышать презрительные отзывы о нем и насмешки над тем, к чему он привык относиться с благоговением; наконец, самой вере угрожает нападение науки, когда эти науки в своих определениях больше следуют стихиям мира, чем Христу и Его слову. Правда, знаменитые отцы IV века, как например св. Василий Великий, св. Григорий Богослов и св. Иоанн Златоуст, и в языческих школах не теряли духа веры и благочестия, и по выходе из них выходили великими борцами за слово истины и образцовыми пастырями Церкви, Но эти отцы были избранными из людей: их пример не может быть законом для всех; что безопасно было для них при силе их духа и таланта, то едва ли будет таким для людей обыкновенного уровня, на каких нужно рассчитывать при суждении об устройении порядка жизни.

2. С какого времени духовная школа может и должна начинать дело специального приготовления кандидатов священства?

Если для образования священников необходима особая специальная школа, то должна ли эта школа начинать дело образования с первоначальных элементарных основ его и потом особым путем вести его далее, отделяясь от общей гуманной школы? Или она может брать к себе юношей, уже прошедших более или менее значительный курс общей школы?

Нам кажется, нет нужды и достаточных оснований расширять и удлинять специальную духовную школу и вести в ней особым путем дело образования от первых, так сказать, азов до последних высот его. Духовная специальная школа не только не должна включать в себя низшую элементарную школу, но может устраниваться от доброй половины той заботы, какая составляет задачу общеобразовательной гуманной школы. Начальное образование будущие кандидаты священства могут получить в общих школах. В первые годы образования, – годы отрочества, – когда еще не успели определиться характеры и настроения начинающих развиваться душ, преждевременно замыкать человека в тесный круг, приурочивающий его к известному специальному служению. Еще неизвестно, какие расположения откроются в молодой душе, и куда склонится ее желание. Может понапрасну пропасть труд, слишком рано предпринимаемый для приготовления человека к священству, когда с образованием характера и с укреплением в нем самоопределяющей воли он решительно не будет чувствовать склонности к тому служению, для коего начали его воспитывать. Или он уйдет с той дороги, на которую его поставили, или, если останется на ней по стечению обстоятельств и недостатку решительности, из него не выйдет преданного своему делу полезного деятеля. Строгая педагогика, при настойчивости и заботливости о детях, может привить к их душам известные желанные расположения, или возбудить и раздуть дремлющие в них стремления. Но не всегда кончается благоприятными следствиями это настойчивое склонение человека в известную сторону. Природу нельзя слишком насиловать; при энергии в душе, она может дать отпор насильственным на нее воздействиям. Бывали примеры, в особенности в обществах римско-католических, где с малых лет часто отрывают от семейства мальчика, готовимого в служители

церкви, что юную душу с первых пор развития ее сознания усиленно старались напитать духом благочестия и направить на путь строгого аскетизма, – занимали ее сказаниями о святых подвижниках и возбуждали подражание им, приучали ее к долгим бдениям и налагали на нее аскетические упражнения, которые могут выносить только люди зрелые, удаляя от всех, даже невинных, развлечений. Казалось, из лиц, так воспитываемых, должен бы выйти строгий монах и ревнивый до фанатизма служитель церкви. Но далеко не всегда так бывает. Часто душа, преждевременно односторонне воспитываемая и подвергаемая насильственным ограничениям, впоследствии оказывает реакцию или бурное противодействие тому давлению, которому ее подвергали, и из того человека, которого слишком рано начали готовить в подвижники, и в котором преждевременно возбуждали дух ревности, выходил нечестивый вольнодумец и дерзкий отрицатель основных истин религии и христианства. Шмидт¹¹ приводит в пример ненадежности и непрактичности одностороннего воспитания, слишком рано начинаемого, некоего Игнатия Фесслера, который с четырех лет начал носить одежду иезуита, слушал жития святых и в своем поведении должен был подражать аскетам: его ревность ко благочестию доведена была до фанатизма, но природа не выдержала преждевременного напряжения в одном исключительном направлении, и Фесслер не только не остался верным монашеству, но и бросил католичество и сделался протестантом и даже франкомассоном. Сам Вольтер был воспитанник духовной римско-католической школы, и его неверие, его нападки на христианство были усиленной реакцией его разнузданной души тому насилью или тому не сродному ей напряжению, какому подвергали ее в годы воспитания. И Вольтер представляет далеко не единственный пример в этом роде.

Начальная школа для детей младшего возраста, в размерах курса, прогимназий или наших низших духовных училищ, могла бы и должна бы быть общей для всех без различия, независимо от того, к чему каждый из них впоследствии будет готовиться. И Церковь напрасно бы обременяла себя заботами об устройении низших училищ. Первые элементы образования для всех одинаковы и для всех равно обязательны. У нас нет и, надеемся, никогда не будет таких антирелигиозных стремлений, какими воодушевляется нынешнее французское правительство, усиливающее изгнать религию из школы и устрояющее лаическую, как говорят, или часто светскую, безрелигиозную школу. В начальной школе, к какому бы разряду она ни принадлежала, должно быть все, что соблюдается и должно соблюдаться в каждом благочестивом семействе. По требованию здравой

педагогии, религии должно быть отведено в ней широкое место, и дух веры должен заправлять всем строем школы. Закон Божий должен быть поставлен в ряду самых важных предметов преподавания, и от учеников должно требоваться усердное посещение богослужения в воскресные и праздничные дни, участие в домашней молитве, соблюдение других церковных уставов. Дисциплина должна отличаться духом любви, но вместе и строгости, чуждой послаблений. Грубые шалости и выходки ребяческого своеволия, конечно, будет преследовать всякий начальник или надзиратель школы, хотя бы она состояла из детей лиц светских, из коих ни один впоследствии не предназначит себя к духовному званию. Пока соблюдаются строгие порядки в начальной школе, и она не отделяет себя от законного влияния Церкви, могут смело и безопасно получать в ней первоначальное образование юноши, имеющие впоследствии выступить служителями религии. Не принимая на себя излишнего бремени заведывания низшими школами в видах приготовления священников, Церковь может только заботиться, чтобы не оскудевал добрый христианский дух в общей начальной школе, и законными мерами нравственного влияния поддерживать в ней то доброе направление, какое желательно для блага общества.

Наши порядки и предания не благоприятствуют мысли о слиянии начальной школы, – духовной и светской, – в одну общую школу. У нас издавна существует самостоятельная духовная школа, совершенно отдельная от светской, не только средняя и высшая, но и низшая в виде так называемых духовных училищ. В этих училищах особая программа преподавания, отличная от программы преподавания в других параллельных светских училищах, и эти училища на практике являются у нас подготовительными школами, которые проходят люди, поступающие, по выходе из них, в семинарии. Но в существе дела в наших низших духовных училищах нет прямой задачи готовить людей к пастырскому служению, и по мысли, лежащей в их основании, они не специально-духовные или богословские школы, а общеобразовательные. Их задача дать и положить начало общего образования, и при выполнении этой задачи немного применения к специальной цели, преследуемой школою духовною. Собственно говоря, наши духовные училища не школы для воспитания и образования будущих священников, а скорее общеобразовательные школы для воспитания детей духовенства. Устроением и содержанием их преследуется первее всего цель благотворительная, имеющая в виду оказать вспомоществование духовенству в трудном деле воспитания его детей. По духу школы и по

обычаю, в ней утвердившемся, ученики ее, получая в ней образование, этим образованием могут быть приготавливаемы к разным профессиям, и это образование сколько может быть пригодно для священника, столько же, пожалуй, годно и для человека, имеющего избрать для себя какую-либо светскую карьеру. И мы видим, что из наших духовных училищ не десятки, а целые сотни оставляют с течением времени служение Церкви для того, чтобы искать себе счастья и находят приложение своим знаниям и способностям на других поприщах, – в мире чиновном, юридическом, врачебном или ученом. Значит, слияние их с общими школами могло бы быть произведено без особенных затруднений. Стоит только объединить их программу, и все духовные училища обратить в прогимназии. Они при этом могли бы не утрачивать своего особого существования и своего особого управления. Содержась на средства духовенства, они могли бы быть в полном его заведывании. Только они перестали бы быть тем, чем не могут, хотя, по-видимому, и стараются быть, – школами, приготавливающими кандидатов священства, а были бы просто образовательными школами, в которых можно бы было получить твердые начала образования, необходимые для всякого человека, имеющего в виду какую-либо высшую либеральную профессию.

3. Причины, требующие выделения духовной школы от светской для юношей, избирающих для себя в будущем служение Церкви

Если для начального образования, для детей младшего возраста могло бы не быть особых духовных школ, которые бы уже от первых азов приготавливали мальчика к священническому служению, то совершенно другие отношения возникают, когда речь идет об образовании среднем, об образовании лиц, выходящих из отроческого возраста и вступающих в период юности. С возрастом больше определяются способности, расположения и настроения людей; с возрастом лучше и безошибочнее может быть намечена будущая карьера учащегося, или им самим или его родителями и воспитателями. И вот для тех людей или юношей, у которых более или менее определяется характер, и которые, при некоторой доле самоопределения, предназначают себя в будущем к духовному званию, и этим предизбранием выделяют себя из общей массы учащихся, непременно должна быть своя отдельная школа, имеющая своим назначением приготовление и образование будущих священников. Эта школа принимает к себе лиц, уже наметивших себе в будущем священническое служение, и она ведет дело их образования применительно к той цели, какая поставлена у них пред глазами. Она сообщает им в возможной полноте и подробности все то, что необходимо знать священнику для достойного и плодотворного выполнения своего служения. Она приучает их к той практической деятельности, которая требуется от служителя Церкви. Общая гуманная школа, как бы представители ее ни уважали религии, не может брать на себя этой задачи, и если только в ней одной будет учиться будущий священник, у него будут существенные пробелы в самом необходимом для него знании, и он, собственно говоря, нисколько ее будет приготовлен к своему служению. Сообщая подробные сведения по богословию, уча всему относящемуся к церковности, специальная духовная школа не может оставлять без внимания и общего гуманного образования. Ее воспитанники, вступающие в нее с достаточным запасом первоначальных гуманитарных знаний, должны вести далее начатое дело образования. Священник не должен быть только церковным начетчиком или односторонним богословом. Для успеха в его деле, для поддержания его авторитета, от него требуется широкое и твердое общее образование, и все, что способствует развитию и

укреплению мысли, что входит в круг общего образования, не должно быть опускаемо без внимания специальной духовной школой. Общеобразовательный курс в ней должен быть проходим с возможной полнотой и тщательностью. Но преследуя свою удельную задачу, духовная школа самому общеобразовательному курсу постарается дать направление, наиболее гармонирующее с духом, каким она одушевлена, и с целью, ею преследуемой. Знакомя, например, с классическими языками и с классической литературой, она будет читать не одних языческих авторов, – греческих и латинских, – но и отцов восточной и западной церкви. Изучая всеобщую и русскую гражданскую историю, она, следя развитие человеческих естественных сил, вместе с тем будет стараться указывать в течении событий жизни народов явные следы Божественного промысла о людях. Где в изучении законов природы ученые останавливаются на одних вторых причинах, там она, будет возводить мысль наблюдателя естественных явлений к причине первой, без которой вторые причины не могли бы оказывать свое действие и поддерживать удивительный строй вселенной, нами созерцаемой.

Не одна особенность задачи, не одна необходимость теоретическая заставляет Церковь заботиться об устройении особых школ для приготовления священников. Вместе с теоретическими побуждениями здесь имеют значение и побуждения нравственные. Церковь не может довольствоваться одними общеобразовательными школами не потому только, что общеобразовательная школа не может сообщить полных сведений по специальному предмету, составляющему предмет первой необходимости для священника, но и потому, что она не может надеяться сохранить во всей чистоте и неприкосновенности в кандидатах священства то чистое церковное направление, какое она желает воспитать в них, если они до конца останутся в общей школе, среди людей разных направлений. С развитием характеров, с утверждением большей самостоятельности в юношах могут быть замечаемы вольность мысли, вольность и распушенность слова, пожалуй, вольность поведения. От этой вольности необходимо предохранить юношей, предназначенных к священнейшему из служений, именно пастырскому. Но это сделать трудно, когда ежедневно делят время и делятся мыслями и чувствами юноши разных предрасположений, собранные в одно место. Эта вольность может быть и не предосудительна со светской точки зрения. Но для людей, предизбравших жребием своим служение Церкви, она не может быть безопасна. Вот одни из юношей увлекаются общественными зрелищами и увеселениями; другие уклоняются от посещения Церкви; третьи любят

нескромные, несколько цинические разговоры и ищут веселого общества; четвертые позволяют себе острить на счет тех предметов, пред которыми с благоговением преклоняется благочестивая душа. Зараза невольно сообщиться может и юношам, готовящимся к священническому служению, если они будут поставлены в необходимость делить жизнь и общество вместе с юношами разнообразных направлений, смотрящими не в ту сторону, куда они направляются. Невинное в других явится предосудительным и вредным для них. Пожалуй, малое действие произведут на них те частности, о каких мы упоминаем. Но и капля пробивает камень, если постоянно падает на одно место. – Кроме мелочей нельзя опускать из вида возможности прямых антирелигиозных проявлений в юной среде. Дух неверия слишком быстро распространяется в наши дни, и он очень рано овладевает молодыми умами. На наших глазах не только студенты университета, но и гимназисты высших классов не прочь похвалиться отрицанием самых священнейших пунктов веры, и поглумиться над Церковью, ее уставами и ее служителями. И это не ныне началось, не ныне и кончится. Мир, как начало, противоположное Церкви, существовал не в одном язычестве; он существует и ныне, в христианских обществах, и заявляет, то скрытно, то явно, свое противодействие ограничивающим своеволие началам веры и божественного закона. Господь изъял от мира своих учеников, которым поручил дело распространения и хранения веры, и Он предрекал им, что мир не перестанет их ненавидеть (Иоан. 15:18, 19; 17:14–16). Не нужно ли и ныне изъять из мира продолжателей дела учеников Христовых, чтобы удалить их от соблазна и сохранить чистыми от зла?

Из существующих христианских обществ наименьшее отделение духовной школы от светской мы видим в протестантстве. Там нет заведений среднего уровня, соответствующих нашим семинариям, и обыкновенным местом приготовления пасторов служит богословский факультет, существующий при университетах, на который поступают, как на другие факультеты университета, кончившие курс в общеобразовательных учебных заведениях (гимназиях) и имеющие аттестат зрелости. Слушая курс богословских наук, студенты живут наравне с другими студентами, и подчиняются общим правилам, обязательным для студентов других факультетов. Это слияние духовной богословской школы со светской вызвано в протестантстве противодействием строгой римско-католической системе, которая совершенно отрывала от семейства юношу, готовимого в священника, и подчиняла его особенной монастырской дисциплине. По требованию этой

дисциплины, воспитанники духовной школы носили особенную одежду, жили в закрытом заведении и не имели свободного выхода из стен этого заведения, были постоянно на глазах своих надзирателей, и кроме молитвы утром и вечером, кроме ежедневного слушания мессы, им назначались часы для благочестивых размышлений, и после каждого такого размышления они должны были возыметь в уме какое-либо благое намерение, о котором должны были, по требованию, сообщать каждый раз своему начальнику и руководителю. Им не дозволялись светские развлечения; напротив, их старались приучать к разнообразным благочестивым упражнениям. Воспитанники все делали по указке и по раз заведенному, строго соблюдаемому, правилу, не имея права и возможности заявлять в своей деятельности какую-либо самостоятельность. Показалась насильственным стеснением природы, вредным для образования характера, такая система воспитания, приготовляющая из воспитанника хорошо выдрессированного, послушного автомата. И вот не захотели иметь никаких клерикальных воспитательных заведений со своеобразным строгим характером, и будущих пасторов стали воспитывать также, как и юношей, готовящихся к другим светским профессиям, не выделяя их из общего круга учащихся и подчиняя их одинаковым условиям с воспитанниками, не имеющими в виду церковного служения. Но далеко не все довольны результатами такой системы воспитания кандидатов священства. При таких условиях школьного воспитания не укреплялся, а оскудевал дух благочестия в юношах, готовившихся к служению пастырскому, и наживалось у них какое-то равнодушие к делу веры и своему званию. Вместе с тем на почве, лишенной тщательного ухода, беспрепятственно возростала свобода мысли, которая доводила протестантских богословов до отрицания многого существенного в христианстве, и свобода жизни, не стеснявшаяся поступками, унижающими знание служителя Церкви. И благонамеренные и благонастроенные люди в самом протестантстве находят совершенно не идеальным, а прямо опасным такой порядок воспитания будущих кандидатов пастырства. Пальмер, например, один из лучших представителей в немецкой литературе по вопросам, относящимся к пастырству, находит, что университет, в котором учатся студенты разных факультетов, вовсе ненадежное место для образования пастырей, и он замечает, что это не его только мнение, но мнение многих нынешних представителей протестантского духовенства. Доказывая это, он ссылается на то, что «теперь университет со всеми своими традиционными принадлежностями, – с трактиром и фехтовальной залой, с коммержами и

выездами, – юношу, предназначенного в служители Божии, глубоко оскверняет прежде, чем он получит освящение. Для нас (говорите он) не может быть никакого сомнения в том, что кто живет, подчиняясь студенческим традиционным привычкам, кто предаётся студенческим шалостям с увлечением, или по легкомыслию и не желанию трудиться, и при этом теряет из глаз цель своего студенчества, тот во всяком случае, если после и отстанет от этих шалостей, должен жалеть о потере значительного времени, – кроме многого другого, им чрез то утраченного¹²». Лучшим местом для воспитания кандидатов священства и в протестантстве признается не гимназия и не университет, а совершенно отдельная семинария. В этой семинарии наука может быть преподаваема в той широте, какой она достигает при университетском, преподавании, и по научному теоретическому строю она может не отличаться от богословского факультета при университете. Но иной строй ее должен быть педагогический. Пусть будет эта семинария при университете, пусть студенты, в ней находящиеся, чувствуют и сознают себя студентами. Но она не должна предоставлять студента в его жизни самому себе: строгими дисциплинарными регулами она ограничивает и упорядочивает его свободу, и приучает его к более правильной жизни и более правильным занятиям. Она не сообщает только знания, как университетский факультет, но в интересе Церкви, в интересе будущего служения молодых богословов, преследует строгие педагогические цели. Эта семинария предполагает общежитие (конвикт), где собранные юноши подчиняются строгому порядку, какой не может быть соблюдаем при разрозненной жизни на частных свободных квартирах.

К типу тех семинарий, какие признаются лучшим местом для приготовления пасторов в протестантстве, подходят наши духовные академии, в которых с широтой факультетского преподавания соединяется особый педагогический строй, ограничивающий и направляющий свободу студента известными дисциплинарными правилами. Но и наши семинарии, будучи средними учебными заведениями и уступая в широте образования семинариям факультетским или университетским, достаточно могут удовлетворять цели приготовления образованных пастырей Церкви. Пастырю Церкви нельзя довольствоваться одним знанием веры и закона Божия и умением совершать возлагаемые на него требы. Чтобы держать авторитет священника-учителя народа и общества на надлежащей высоте; и быть в состоянии отвечать на все запросы, к нему обращаемые, он должен владеть умом, логически развитым, и пером, достаточно обработанным для правильной и солидной речи, и ему нельзя

быть невеждой в предметах, входящих в область общих гуманитарных знаний, например в истории литературы, в истории народа. Наши семинарии не опускают из вида этого общего образования, необходимого для пастыря. Они не менее гимназий дрессируют и развивают мысль и приучают владеть словом; они сообщают знания обо всем, входящем в курс общего гуманитарного образования, в такой мере, в какой признается то нужным для человека среднего образования, имеющего право на получение аттестата зрелости. Вместе с тем наши семинарии в достаточной полноте знакомят своих воспитанников со Священным Писанием, главным источником и руководительным началом нашей веры, раскрывают учение о догмате и нравственности христианской в размере, превышающем степень среднего образования, сообщают сведения по церковной истории, имеют в своем курсе гомилетику – наука о проповеди, литургику – науку о богослужении и практическое руководство для пастырей, излагающее права и обязанности пастырей Церкви.

4. Чего нужно желать нашим семинариям, готовящим священников?

Казалось бы, что в курсе семинарском все есть, что необходимо знать священнику, и даже более того, что необходимо; при той полноте знания, какое получается в семинарии, из нее должны бы выхолить пастыри, вполне просвещенные и вполне приготовленные к своему делу. И мы не можем сказать, чтобы не было таковых, не можем осуждать наших пастырей, получивших образование в семинарии, за недостаток знания и просвещения.

Между тем, как мы замечали уже, весьма нередки заявления недовольства по отношению к семинарскому образованию. Многие находят его не вполне достигающим своей цели, и указывают в подтверждение этого на то, что воспитанники семинарии, поступая во священники, очень часто не заявляют ни духа благочестия, ни усердия к своему пастырскому делу и оказываются людьми, мало приготовленными к надлежащему исполнению своего служения, главной цели семинарского образования.

Такие отзывы иногда высказываются голословно, с чужого голоса, иногда слишком поспешно обобщают частные факты. Но нельзя отвергать совершенно их относительного значения и силы.

В нашем семинарском образовании есть две вещи, которые могут возбуждать вопросы.

Во-первых, наша семинария не есть заведение, строго приспособленное к одной цели – воспитания пастырей Церкви, и устроенное по одной идее. Если не устав ее, то практика к указанной главной цели ее присоединяет другую, благотворительную, послужившую основанием для устройства низших духовных училищ. Приготовляя пастырей для Церкви, семинария вместе с тем дает даровое образование детям духовенства, годное не для одной пастырской службы. Наши юноши, поступая в семинарии для получения образования, не обрекают себя через то на служение Церкви. Многие из них, и учась в семинарии, имеют в виду для себя в будущем светские профессии, и многие в течение курса выходят из семинарии для поступления в другие учебные заведения, а другие, и по окончании семинарского курса, поступают не в то звание, к какому должна готовить семинария, а в какое-либо светское. Нельзя запретить выхода из семинарии в другое звание молодым людям, не чувствующим в себе расположения к священству. Но не должны бы быть

принимаемы в семинарии и не должны бы поступать в нее люди, вовсе не имеющие в виду избрать целью своей жизни священническое служение. А как скоро это существует у нас ныне, волей или не волей семинария должна считаться с этим фактом, и в системе ее воспитания происходит некоторое раздвоение. Отсюда светский или мирской элемент в ней заявляет себя в большей мере, чем в какой это требуется идеей заведения чисто духовного. Отсюда в ней и ее дисциплинарных порядках не выдерживается тот дух церковности, какой должно воспитывать в кандидатах священства. Отсюда во многих из ее воспитанников недостаток того духа, каким отличаются воспитанники католических семинарий. И это, не к выгоде нашей, заметно отражается на практической деятельности нашего пастырства.

Для воспитания духа церковности и благочестия, необходимого и желательного в кандидате священства, семинарская дисциплина должна отличаться своим специфическим характером, и порядок жизни воспитанников семинарии, имеющих в виду священническое служение, должен быть устроен соответственно их будущему назначению. От них должно требоваться строгое выполнение всех церковных постановлений, и им так нужно вести себя, чтобы они сами, по движению своего религиозного чувства, не дозволяли себе ни малейшего уклонения от исполнения христианских обязанностей, независимо от того, требуют ли от них того или другого, предписываемого Церковью и верою, прямо и официально, или нет, наблюдают ли за ними или нет. Над всем в их поведении должно господствовать и всем заправлять сознание того, что они призываются быть служителями Божиими и учителями других в том, как нужно жить по закону Христову. Долг молитвы, предписываемый христианскою совестью, – их первейшая обязанность. Они неопустительно являются к богослужению во все воскресные и праздничные дни, и это должны делать не *ex officio*, а по охоте и усердию, так чтобы не только опущение того или другого праздничного или воскресного богослужения, но и поздний приход к какому-либо из них уже тяготил их совесть. Они все вместе обязательно присутствуют при чтении утренних и вечерних молитв, и без молитвы не садятся за стол и не встают от стола. Им нельзя позволять канун воскресного или праздничного дня осквернять какой-либо светской забавой или участием в каком-либо развлечении мирского характера, что очень часто бывает в нашем светском обществе. Они строго держат пост по уставу церковному, и малейшее отступление их в этом от устава церковного и нарушение поста, не вызываемое нуждой или предписаниями врача, должно быть вменяемо им в вину, как дело, для них

особенно неприличное. Кто не исполняет христианских обязанностей и установлений церковных или, по крайней мере, затрудняется их исполнением и обнаруживает желание по возможности уклоняться от их исполнения, тот тем самым устраняет себя от священства. Что будет за священник, который должен быть молитвенником пред Богом за других и ревнителем исполнения закона христианского и устава церковного, из того юноши, который в период приготовления к священству пренебрегает существенными требованиями своего будущего звания, не исполняет, как следует, долга молитвы, нарушает посты и не находит никакого удовольствия в том, чтобы присутствовать при богослужении в дни воскресные и праздничные? И в порядке общежитийском воспитанники семинарии, готовящиеся к священству, должны подчиняться некоторым ограничительным условиям. Им не может быть дозволено все то, что не запрещается воспитанникам светских заведений, готовящимся к какой-либо светской профессии. Им, например, не прилично посещать рестораны, театры и другие места общественных увеселений. Едва ли кто признает согласных с порядком вещей, если будущий священник станет являться на вечерах и принимать участие в танцах и других играх. Тем более унизительны, несообразны с назначением семинаристов и должны быть запретны для них грубые чувственные удовольствия, например, распущенный разгул, участие в какой-либо веселой пьяной компании, беспорядочные пирушки, нечуждые цинического характера. Семинаристам, имеющим быть служителями Божиими и образцовыми руководителями в жизни других, слишком не пристало напоминать своим поведением подгулявших рабочих или мастеровых. Замечаемые в подобных нарушениях порядка, унижающих звание семинариста, должны быть изгоняемы из духовного заведения без всякого снисхождения. Кандидаты священства всегда и везде должны являться юношами скромными, благородными, соблюдающими приличие и сдержанность в поступках, словах и даже телодвижениях.

Говоря так, мы не налагаем на семинаристов какого-либо неудобноносимого бремени, не предписываем для них слишком сурового закона. Они должны быть приучаемы к такому порядку жизни, какой обязаны будут соблюдать, когда, по выходе из семинарии, сделаются священниками. И что не дозволяется священнику, то и им не должно быть дозволяемо. Они так должны быть воспитываемы, чтобы по выходе из заведения не видели нужды значительно изменять свой образ жизни. Во внимание к этому мы не рекомендуем для семинаристов, готовящихся во священники, монастырского заключения и наложения на них каких-либо

аскетических упражнений, не обязательных для них в будущей, когда они сделаются священниками. Наши священники живут в обществе, живут жизнью открытой и семейной. Нет нужды отрывать совершенно от семейства и общества и воспитывающихся кандидатов священства. В положенное время они могут иметь выход из заведения, могут бывать у родных и знакомых, если только эти знакомые не известны начальству семинарскому с какой-либо дурной стороны, и если дозволенные выходы, при учащенном повторении их, не влекут за собой рассеяния и отвлечения от дела. Нельзя запрещать им и развлечений, лишь бы эти развлечения не нарушали приличия и благородного тона. Юношей нельзя вести и заставлять жить так, как живут старцы или люди, прошедшие более половины своей жизни; иначе насилуемая природа может или не выдержать напряжения и ослабеть – или отмстить за себя беспорядочным выступлением из той колеи, по какой направляли ее.

Венец воспитательное дело в семинариях получает тогда, когда воспитанники их и положительные и отрицательные правила благоповедения, приличного кандидатам священства, предписывающего одно делать, а другого избегать, исполняют не вследствие дисциплинарного принуждения, а добровольно, по сознанию необходимости их исполнения в их положении и в виду их будущего назначения. Тот еще не обещает из себя хорошего священника, кто не отступает от порядка, принятого в семинарии, единственно потому, что боится взысканий, угрожающих за нарушение его. Такой человек, вырвавшись на свободу, по выходе из учебного заведения, может позволить себе многое, что может совершенно скомпрометировать его. Нет, пусть порядки заведения, предписываемые его духом и назначением, войдут, так сказать, в плоть и кровь воспитанника, пусть они сделаются его привычками и второй его природой; пусть, не глаз начальника или надзирателя, а его собственная совесть удерживает его от разных поползновений и неприличий. Тогда можно ручаться, что кандидат священника окажется достойным того поста, какой его ожидает, и его поведение не вызовет ни в ком слова хулы и осуждения. Не строгость, не суровая дисциплина воспитывает такой характер, а нравственное влияние учителей и воспитателей. Общий высокий христиански-нравственный строй дух заведения, живой пример достойной жизни и нравственного приличия, видимый в лице людей, приставленных к делу обучения и воспитания, согласное и единоедушное действие их, направленное к одной цели, теплое, сердечное отношение к питомцам и постоянная заботливость об их благе – вот что может создать людей, которые были бы украшением

пастырства и чести заведения, их воспитавшего.

Другой недостаток, за который обращаются с упреками к семинарскому образованию, указывают в том, что в наших семинариях забыт или заброшен практический элемент. Нашим кандидатам священства в семинариях (говорят) читают теоретические науки, много разных наук, сообщают довольно широкое и обильное знание, но очень мало обращают внимания на то, что прямо относится к их будущей практической деятельности, мало приучают воспитанников к тому, что они должны делать, когда, быв призваны к священству, приступят к исполнению обязанностей, возлагаемых на них их должностью, не дают им умения вести свое дело, как следует. И выходят часто из наших многознающих семинаристов священники неумелые, путающиеся при исполнении воспринятого на себя долга, уступают в практической деятельности людям простым, не проходившим длинного школьного курса.

Справедлив ли упрек этот нашему семинарскому образованию?

При беспристрастном отношении к делу и по внимательном обсуждении существующей системы образования, сообщаемого нашим кандидатам священства, мы не можем не сознаться, что он указывает частью на действительное опущение в системе приготовления священников. Но в тоже время не можем не заметить, что часто упрекающие наши семинарии за недостаток практического приготовления кандидатов священства к их будущей должности возлагают на школу требования неудобноисполнимые.

Полное умение во всех отраслях человеческой деятельности не дается школой, как бы тщательно школа ни выполняла свое назначение. Медик, юрист, агроном, инженер, технолог, как бы долго и усердно ни учились в школе, на первых порах практической деятельности, будут действовать робко, в неуверенности, и легко могут допускать более или менее важные ошибки. Школьное образование и практического характера дополняется жизнью, заставляющей прилагать к делу добытые в школе знания. Врач, юрист, инженер делаются хозяевами в своей отрасли только после нескольких лет более или менее усердной практики. Тоже самое нужно сказать и о том роде деятельности, к которому готовится кандидат священства.

Но сила упрека, обращаемого к семинарскому образованию, в том, что по сравнению с другими специалистами, готовящимися к известной профессиональной деятельности, воспитанники наших семинарий получают гораздо меньше практической подготовки к ожидающему делу.

Так ли это?

Наша семинария много занята общеобразовательными целями, и за служением этим целям как бы отступают на второй план ее заботы о практическо-специальной стороне образования кандидатов священства. Она не оставляет без внимания и практической подготовки к своему делу кандидатов священства, хотя, нужно сказать правду, могла бы делать это с большей полнотой и тщательностью.

На три части разделяется долг, возлагаемый на пастыря Церкви: он учитель народа, он совершитель богослужения, он нравственный руководитель и воспитатель своих пасомых.

Для приготовления к исполнению учительского долга в семинарии существует кафедра гомилетики. Гомилетика сообщает правила о составлении и произношении проповедей и уясняет тот, внутренний и внешний, характер, каким должна отличаться церковная проповедь. С изучением формальных правил гомилетики соединяются и практические занятия. Ученики пишут проповеди; эти проповеди подвергаются критическому разбору, произносятся иными в классе, а другими и в Церкви. Но зная ведение этого дела в семинарии, мы не можем считать совершенно достаточными практические занятия по гомилетике или проповедничеству, существующие в наших семинариях. Написать одну или две проповеди в год, написать около трех проповедей в течение всего семинарского курса – это ли все, надлежащее приготовление к исполнению учительской обязанности, возлагаемой на священника, *первейшей* и *главнейшей* из всех его обязанностей, по выражению книги *«О должностях пресвитеров приходских»*¹³? Тем менее можно довольствоваться такой мерой практических занятий по проповедничеству в семинарии, что проповеди, составляемые в семинариях, пишутся на общие темы, без всякого почти отношения к запросам тех лиц, перед которыми кандидат священства впоследствии явится учителем, пишутся больше для голых стен, чем для живых людей. При составлении и разборе этих проповедей главное внимание обращается на логический строй, пожалуй, еще на изложение. Но это далеко не все, что требуется для умелого ведения дела проповеди. Даже произношение, и то не заслуживает особенного внимания наших гомилетов, и от того наши проповедники в этом отношении значительно уступают проповедникам других христианских Церквей и обществ. Между практическими занятиями в семинариях является импровизация проповедей. Дело полезное; оно дрессирует слово и делает его развязным. Но и эта импровизация не имеет повсюдного и широкого распространения, и

ссылкой на нее нельзя успокаивать себя при мысли о том, все ли делается у нас, что нужно, для практического приготовления умелых учителей народа. В других странах, где есть проповеднические и катехизические семинарии, в которых проповедь является одним из самых главных предметов заведения, к делу приготовления проповедников прилагают гораздо больше заботы, чем у нас. В протестантстве и католичестве каждый, поступающий на приход, несравненно более практикован в деле проповедничества, чем наш семинарист,

Другая обязанность священника состоит в совершении богослужения. О богослужении трактует особая наука, преподаваемая в семинарии, известная под именем литургики. Но литургика не содержит в себе ничего практического. Содержанием ее служит историко-археологическое и теоретическое учение о богослужении. Можно прекрасно знать литургику и не уметь должным образом совершать богослужение. Практическим приготовлением кандидатов священства к достойному совершению богослужения служит непосредственное участие в нем посредством чтения и пения, которые в нашей Церкви составляют главные богослужебные действия. Воспитанники семинарии приглашаются к такому участию в богослужебных действиях. Но у нас оно является для них больше делом свободы и усердия, чем обязательного долга, и многие из семинаристов совершенно устраниваются от непосредственного участия в богослужении, долженствующего служить для них лучшим приготовлением к исполнению того, что потребуется от них, как от священнослужителей, когда они примут священный сан. От того и бывает, что иные из священников, вышедших из семинарии, хорошо знакомы с Гомером и Гезиодом, с Цицероном, Горацием и Виргилием, но не знают, при поступлении на должность, церковного устава, не умеют внятно и вразумительно читать положенные на службе молитвы и избранные отделы из священных книг, не могут ни петь, ни руководить других в церковном пении и совершенно не понимают различия гласов, или напевов, из которых слагается нотный церковный обиход. От того между прочим так много небрежного и неудовлетворительного в отправлении нашего богослужения. В особенности страдает пение, которое в нашем богослужении составляет слишком важный элемент, – более важный, чем в богослужении других христианских вероисповедных обществ. Выходят из употребления старые умиленные напевы, пропадают отличительные оттенки гласовых напевов, и многие из священно-церковно-служителей все готовы петь на один глас; лучшие из церковных праздничных или воскресных песнопений выполняются монотонно и при этом выполнении

теряют свою священно-величавую прелесть, полную разнообразного движения звуков, и приятным образом услаждающую религиозное чувство (например догматики, ирмосы на Воздвижение, на праздник Пятидесятницы, на Сретение и т.п.). Школа, готовящая служителей Церкви, к этому делу почти совершенно равнодушна и как будто считает это мелочью, на которую не стоит обращать большого внимания. Слышно, впрочем, что в последнее время на этот предмет обращено надлежащее внимание, и в новом уставе семинарий пению отведено довольно широкое место, и оно сделано предметом обязательным, чего прежде не было.

Самое трудное дело, возлагаемое Церковью на священника, – это пастырская попечительность о своих прихожанах, или пастырское руководство пасомых на путях спасения. Как добрый воспитатель и отец, каким называют священника его прихожане, он должен бдеть над душами вверенных ему духовных овец, чтобы не заблудилась и не погибла ни одна из них, помня то, что с него взыскана будет кровь каждой овцы, погибшей по его небрежности или вине. Он должен смотреть за тем, чтобы не заболела нравственно какая-либо из них, и если видит начало или развитие болезни той или другой из них, любовь и долг побуждают его принять меры и средства к излечению этой болезни, и он должен уметь лечить душевные болезни, по крайней мере, не хуже того, как врач обыкновенный лечит болезни телесные.

По примеру апостола Павла, он должен каждого из вверенных ему прихожан, *как отец детей своих, просить и убеждать и умолять поступать достойно Бога, призвавшего нас в Свое Царство и славу (1Фес., 2:10–12), должен внимать всему стаду (Деян. 20:28), и всякого человека вразумлять – научать всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе (Кол. 1:28)*. К этому труднейшему и ответственному делу нравственного пастырского воспитания и руководства пасомых наша духовная школа не дает практической подготовки. Но нельзя винить школу за это опущение: едва ли возможны в школе практические занятия по этой отрасли деятельности. У школы нет лиц, над которыми она могла бы показывать примеры пастырской попечительности. Она может и должна возбудить в кандидатах священства сознание необходимости для них бдительной заботливости о нравственной целостности и чистоте своих будущих прихожан, по поступлении на место, может и должна возбудить и утвердить в них любовь и усердие к этому делу, может и должна сообщить советы и правила касательно возможно лучшего ведения этого дела. Но все это – дело теории, а не практики. Практически это дело может начаться только

тогда, когда кандидат священства будет иметь перед собой лиц, поставленных под его непосредственное попечение, т.е. уже по принятии им священного сына. В германской пастырской литературе, более богатой, чем наша литература, высказывались разные проекты и предположения касательно практической подготовки юношей, имеющих в виду церковное служение, к делу нравственного пастырского воспитания людей. Но эти проекты и предположения оказывались утопическими, неосуществимыми на деле, и не было никакой пользы от попыток к их осуществлению. Высказывали, например, мысль о том, чтобы при богословских факультетах университетов или при богословских семинариях, воспитывающих будущих пастырей, учредить духовную поликлинику, в параллель клинике, существующей при медицинских университетских факультетах, в которой бы преподаватель пастырского богословия практически над живыми людьми, в виду кандидатов священства, показывал, как нужно обращаться с нравственно больными, требующими наставления от служителя религии, подобно тому, как это делает клинический профессор-медик, руководитель молодых врачей в их специальности. Или предлагали обратить для практически-пастырских занятий ту же больницу, которая существует при университете для практического приготовления медиков: эту больницу мог бы ежедневно обходить руководитель студентов богословия вместе с ними; они слушали бы и замечали бы, как и что говорит он, в видах назидания, с тем или другим больным, и потом профессор вел бы со своими слушателями беседу о разных духовных средствах к нравственному действию на сердца людей, по поводу того или другого случая, представившегося их наблюдению. Мог бы (предлагали еще) профессор поручить известных больных или требующих религиозно-нравственного воздействия тому или другому студенту, и приставленные к этим лицам, служащим для пастырской практики, могли бы передавать профессору, что они замечают в них, и как действуют и думают действовать на них, и потом выслушивать от профессора или одобрение образу своей деятельности, или советы, направленные к исправлению или дополнению его. Нужно ли говорить, как не практично такое чересчур практическое приготовление кандидатов священства к делу нравственного воспитания пасомых! Духовные болезни, врачевать которые должен священник, не то, что болезни телесные: они не так видны, как эти последние, и по отношению к ним неуместны такая диагностика и такой наглядный анализ, какие возможны и уместны по отношению к болезням телесным. И трудно предположить, чтобы кто-либо из людей добровольно согласился быть

моделью, над которой бы практиковались юноши, желающие научиться тому, как лучше лечить духовные болезни, и как успешнее действовать на людей, уклоняющихся от пути добродетели. Раны телесные всем видны, и их не скрывают. Но внутреннее содержание души – это наше потаенное или сокрытое достояние, и выставлять напоказ десяткам и сотням свои духовные раны, свои сокровенные немощи едва ли кто согласится. Готовый побеседовать искренно, по душе с руководителем, которому доверяет, нравственно больной тотчас же прячется в тайник своего сердца, как улитка, когда замечает, что его хотят наблюдать десятки и сотни глаз. Да и самая мысль о выставлении напоказ внутреннего безобразия чужой души и о публичном раскрытии сердечных ран того или другого несчастного лица как-то претит чистому нравственному чувству, Сам пастырь-руководитель в присутствии десятков студентов не может говорить со своим духовным пациентом с той простотой и искренностью, с той сердечной теплотой, какие наиболее важны в деле обращения людей, требующих нравственного исправления, когда должны подмечать каждое его слово приведенные им на беседу с пациентом руководимые им кандидаты священства. Внимание его разделено между субъектом, им нравственно наставляемым, и между молодыми людьми, учащимися из его примера лучшему способу действия на сердца других: последними даже он занят более, чем первым; для них, для их научения он говорит со своим пациентом, и благо последних для него важнее, чем обращение пациента. При этом неизбежна натянутость и искусственность наставлений, адресуемых случайному субъекту, подвергающемуся опыту для практики других. При том средства и способы нравственного действия не могут быть подведены под известные технические формулы. Здесь невозможны такие определенные рецепты, какие употребительны в медицинской практике, и в каких видят утвердившиеся средства лечения против тех или других недугов. При личной свободе, имеющей решающее значение в деле нравственной жизни, при разнообразии характеров, подпадающих нравственному действию пастыря Церкви, при бесконечном разнообразии нравственных болезней неуловимы и неопределимы те средства, к каким может прибегать усердный воспитатель народа, и годное в одном месте, оказавшее благотворную силу над одним субъектом, может быть неприложимо в другом месте, может оказаться нецелесообразным и вредным по отношению к другому субъекту. Часто одно простое слово, одно напоминание, кстати сказанное, производит благотворную перемену в ожесточенном сердце; другой раз ничего не действуют и нисколько не

помогают самые убедительные доводы, самые красноречивые слова, самые сердечные и теплые обращения.

Искусству управлять душами человеческими и с успехом вести их по путям нравственной жизни научают не внешние механические регулы, не школьная методика и практика, а сердце, полное любви и ревности о спасении братьев. Опытности в этом деле не дает школа, как бы ни была она хорошо поставлена, а одна жизнь. Если нужны здесь какие-либо вспомогательные средства, могущие подготавливать способного и влиятельного деятеля, то пусть юноши, готовящиеся быть пастырями душ, ищут их не вне, а внутри самих себя. Пусть они приучают заботиться о себе и о своей душе, пусть внимательно наблюдают над своим собственным сердцем, пусть испытывают свою совесть, пусть борются с соблазнами и страстями, уклоняющими их от пути добра и закона, пусть стараются воспитать в себе человека по духу Божию. Собственный опыт, усердные заботы о собственном нравственном очищении и усовершенствовании – лучшая наука, лучшая практика, из которой можно почерпнуть умение успешно и благотворно действовать на умы и сердца других людей. Кто умеет управлять своею душою, тот через то самое сумеет хорошо действовать и на души других людей. Такой приступает к делу нравственного воспитания пасомых с богатством нужного ему для этого опыта. Душа человеческая есть как бы многосложный инструмент: кто научился играть на этом инструменте и владеть им у себя дома, тот совладеет с этим инструментом, когда приставят его к нему среди чужого собрания.

Кроме собственного опыта здесь много может помогать внимание к опыту других, в особенности внимание к опыту лиц, заявивших себя сильным и благотворным нравственно-воспитательным влиянием на других. У кого учиться умению вести дело нравственного воспитания пасомых юношам, готовящимся к пастырскому служению, как не у тех пастырей, которые славятся своей пастырской деятельностью и могут служить в этом отношении образцом для других? В этом отношении весьма полезны и могли бы быть рекомендуемы – нарочитые путешествия кандидатов священства в те местности, где есть усердные деятели-пастыри, с целью ознакомления с ними и ближайшего наблюдения над их деятельностью, в видах извлечения практической пользы для себя из их примера. Так делали в древней вселенской Церкви люди, глубоко принимавшие к сердцу долг пастырского служения, ими на себя воспринимаемого. Такая практика встречалась и встречается на Западе со стороны лиц, полных благочестивой ревности и желания послужить благу

и спасению ближних.

IV. Кандидат священства, по выходе из школы до поступления на место

1. Взгляд на порядок вещей, узаконивший переходное время для кандидатов священства, окончивших курс школьного образования

Прежде, лет двадцать назад, для кандидатов священства у нас не было узаконенного среднего времени между окончанием ими школьного курса, и поступлением их на приход или рукоположением во священника. Кончивши курс семинарии, молодой человек, имеющий в виду священническое служение, спешил как можно скорее занять какое-либо место, и нередко еще в семинарии намечал себе приход, на который просился тотчас же по получении семинарского аттестата. Такой порядок вещей, дававший кандидатам священства возможность и право прямо со школьной скамьи переходить на священническое место, считался совершенно нормальным, и ему следовали не только молодые люди, предназначавшие себя к священству, но и епархиальные власти, в введение которых поступали кончившие курс семинарии. Если же кому из кончивших курс семинаристов не удавалось получить скоро священнического места, за многочисленностью кандидатов священства, во многих епархиях далеко превышавших количество открывающихся священнических вакансий, то в жизни таких людей, принужденных ждать себе места более или менее продолжительное время, открывалась пустота, которую они не знали как наполнить, – наступал период, в течение которого они почти никуда не прилагали своих знаний и сидели, сложа руки, в ожидании своей счастливой судьбы. Дни, месяцы и годы проходили большей частью в полной праздности. Кандидаты священства забывали то, что давала им школа, и от безделья, от нежелания или неумения взяться за что-нибудь полезное доходили до апатии и нравственной запущенности. Мы знали нескольких юношей-богословов, которые в школе обещали из себя бодрых деятелей, преданных долгу звания, их ожидающего, но которые в промежуточный период томительного ожидания места совершенно, так сказать, запустили свою духовную природу, нажили себе грубоватые не похвальные привычки и понизились нравственно. Душа их своим состоянием напоминала стоячую воду, покрытую плесенью, или заброшенное поле, заросшее разными сорными травами.

Законоположениями 1869 года изменен прежде существовавший порядок вещей, и для кандидатов священства установлен довольно

значительный промежуточный период между окончанием курса школьного учения и поступлением на место священника, – период, которого прежние богословы-семинаристы так же боялись, как природа боится пустого пространства. По новым законоположениям не дозволяется рукополагать во священника только что кончившего курс семинарии. Требуется от кандидата священства достижение известного возраста для того, чтобы он имел право получить священный сан, и соблюдение должной постепенности в восхождении по степеням церковно-иерархических должностей. Ныне, по Высочайше утвержденным положениям 16 апреля 1869 года, богослов не сразу, со школьной скамьи, делается священником, а сначала должен прослужить несколько лет в звании псаломщика; по достижении двадцатипятилетнего возраста он может быть посвящен в диакона; а к священству должен допускаться уже по достижении тридцатилетнего возраста. Изъятие из этого закона допускается по отношению к кончившим курс духовных академий, которые тотчас по окончании курса могут быть рукополагаемы во священники, и по отношению к тем из окончивших курс семинарии, которые не менее трех лет с одобрением прослужат учителями в духовных, народных или церковно-приходских училищах. Закон этот не выполняется со всей строгостью; но при всех послаблениях, с какими он приводится в исполнение, для кандидатов священства им созданы определенные условия, с которыми они не могут не считаться в жизни. Для них существует переходное время, которого они не могут миновать, по выходе из школы, предназначая себя к священническому служению.

Тяжелым показался этот новый порядок вещей, в особенности при первом его введении в жизнь, свыкшуюся с прежними льготными условиями. Он усложнял и удлинял прежний путь приготовления к священству, установившийся с образованием духовной специальной школы, и ставил на этом пути такие затруднения; каких не испытывали кандидаты священства, вышедшие из семинарий до шестидесятих годов. Богослову в особенности неприятно чувствовалась необходимость проходить к священству через должность псаломщика. Должность эта у нас обставлена не совсем выгодно, и небольшим почетом пользовалась в нашем общественном мнении. Прежде люди, занимавшие эту должность, назывались дьячками и пономарями, и всем известно, какой невысокой репутацией пользовались люди, носившие это имя. Лестно ли было богослову быть дьячком или пономарем, хотя бы под новым облагороженным названием псаломщика? И отправления, связанные с этой должностью, так малозначительны, что для выполнения их не нужно

особенного образования. Для того ли (думали окончившие курс кандидаты священства) мы учились более десяти лет, и слушали разные науки, чтобы быть дьячками? Для этого могут быть пригодны люди, получившие образование дома, или вышедшие из низшего училища.

Не отрицаем того, что на практике новый порядок вещей привносил с собой много жесткого и шероховатого, вследствие нажитых историей условий, подвергавшихся изменению. Не легко стать в низменное и неказистое положение дьячка человеку, привыкшему много думать о своем образовании и смотреть свысока на низшие церковно-служительские должности. Но в идее этот порядок вещей имеет за себя слишком много оснований. Он, собственно говоря, не есть новый порядок, а восстановление старого порядка, существовавшего в древней Вселенской Церкви. Прежде, в древней Церкви, избираемые или желающие быть служителями Церкви, по обыкновенному порядку вещей, не ставились прямо священниками, а начинали свое церковное служение с низшего знания чтеца или анагноста, соответствующего званию нашего псаломщика, и в этом звании пребывали несколько лет; затем их рукополагали в дьяконы, и в этом сане Закона они оставались не два дня и не неделю, как это бывает с нынешними кандидатами священства, а опять несколько лет; и уже после более или менее продолжительного служения на низших степенях клира людей зрелых и испытанных возводили на степень пресвитера. Этому порядку вещей подчинялись не простые только люди, не имевшие никакого авторитета и не отличавшиеся образованием, но и люди высоких фамилий, с большим успехом кончившие курс в высших учебных заведениях, усвоившие себе все богатство современного знания и имевшие имя в литературе. Например, св. Василий Великий принял звание чтеца, побывав в нескольких высших учебных заведениях и окончив блистательно курс в знаменитой тогда афинской школе, когда пред ним, при его знатном происхождении, открывалась видная карьера, и в этом звании пробыл до пяти лет. Будучи чтецом, он приобрел известность в Церкви, как сильный защитник Православия: в звании чтеца им написаны славные слова его против Евномия. В пресвитеры он рукоположен, когда ему было тридцать пять лет от роду. Другой знаменитый отец Церкви, св. Иоанн Златоуст еще с большей постепенностью, чем св. Василий Великий, шел по лестнице церковно-иерархических должностей. Окончив курс в школе Ливания, отличавшийся большими талантами, св. Иоанн предназначался своим учителем в преемники себе, и учитель, ценивший его талант, предсказывал ему блестящую будущность. Но после нескольких успешных опытов на

поприще ораторском и адвокатском, св. Иоанн Златоуст оставляет светское поприще и будучи двадцати трех лет поставляется на должность чтеца церковного, и не стыдится носить это звание более десяти лет; затем более пяти лет он служит дьяконом при антиохийском епископе, и сан пресвитера принимает, когда ему было уже около сорока лет. Возраст весьма почтенный, дающий право на занятие высоких должностей, Особенно при той силе духа, какою отличался св. Иоанн Златоуст, при той высоте таланта, какою он ущедрен был от Бога, и при той широте образования, какою он превосходил своих сверстников. Между тем св. Иоанн в первой беседе, сказанной по руположении в пресвитера, называет себя убогим юношею, и выражает большое смущение и изумление по поводу того, что он, слабый и неопытный юноша, *вознесен на толикую высоту начальства*¹⁴. Подобное медленное восхождение по степеням иерархической лестницы замечается и в жизни других отцов Вселенской Церкви.

Эта постепенность возведения служителей Церкви по степеням иерархической лестницы, и возведения неспешного, – не дело только благочестивого обычая христианской древности. Она предписана и правилами св. Соборов, которые желали и постановили, чтобы на высшие степени церковные возводимы были только лица испытанные, доказавшие свою способность проходить известную церковную должность добрым, более или менее продолжительным, прохождением низшей должности. Такое постановление св. Соборы простирали не на простых только людей, но и на ученых. Так мы читаем в 10 правиле Сардикийского собора: *«Подобает со всякою точностью и тщанием наблюдать, да богатый кто-либо, или ученый, от светского служения, удостоиваемый епископом быти, не прежде поставляется, разве когда совершит служения чтеца, и диакона, и пресвитера, дабы проходя чрез каждую степень, Аще достойным признан будет, мог взыти на высоту епископства. Очевидно же, что для каждой степени чина должно быть предоставлено не слишком малое время, в продолжение которого могли бы усмотрены быти его вера, благонравие, постоянство и кротость, и он, быв признан достойным божественнаго священства, получил бы величайшую честь. Ибо не прилично, дерзновенно и легкомысленно приступати к тому, чтобы поспешно поставляти или епископа, или пресвитера, или диакона: и ни знание, ни поведение не даст на сие права. Понеже такового по справедливости почли бы весьма новым (1Тим. 3:6) и не утвержденным, наипаче, когда и блаженнейший Апостол, который учителем языков был, является возбраняющим скорыя поставления в церковныя степени:*

поелику дознание в должайшее время достовернее показати может и поведение и прав каждаго. Рекли все, яко им сие угодно, и сего нарушати отнюдь не должно. Тоже самое постановлено и на Константинопольском соборе, именуемом, двукратным, который, прилагая попечение о соблюдении во всем церковнаго благочестия, и видя, что некоторые из монашествующих или мирских, по требованию нужды, были вскоре, без испытания прежде в церковных степенях, удостоиваемы епископския чести, определил (17 правило) отныне сему уже не быти: но правильно рукополагаемый да пройдет чрез все степени священства, исполняя в каждом положенное законом время.

Далее, соборами прямо определено, какой возраст должны иметь люди, удостоиваемые священного сана, именно соборными правилами возбраняется рукополагать в священники ранее достижения тридцатилетнего возраста ищущих священства, а в дьяконы ранее достижения двадцатипятилетнего возраста. Наши новые законоположения не новую тягость налагают на кандидатов священства своими требованиями, а восстанавливают бывшее в древней практике Церкви и потом забытое в последующей жизни. Так в 14 правиле шестого Вселенского Собора мы читаем: *Правило святых и богоносных отец наших да соблюдается и в сем: дабы во пресвитера прежде тридесяти лет не рукополагати, Аще бы человек и весьма достоин был, но отлагат до уреченных лет. Ибо Господь Иисус Христос в тридесятое лето крестился, и начал учити. Подобно и диакон прежде двадесятипяти лет... да не поставляется.* К этому 15 правило того же Собора, определив двадцатилетний возраст для иподьякона, прибавляет: *Аще же кто, в какую бы то ни было священную степень, поставлен будет прежде определенных лет: да будет извержен.* Вселенский Собор не вновь постановил это правило: он только утвердил то, что гораздо раньше (в начале IV века) было постановлено на поместных соборах, – касательно лет рукополагаемого во священники на соборе Неокесарийском (11 правило) и касательно лет дьякона на соборе Карфагенском (22 правило). Эти соборные правила приняты были и подтверждены нашею русскою Церковью. Так на Владимирском соборе 1274 года постановлено возводить на церковные степени постепенно: сначала постричь в причетника, с установленными молитвами. Впоследствии уже он может быть рукоположен в дьякона, когда достигнет 25 лет, и в священника, когда будет 30 лет. Такие постановления, согласные с определениями древней Вселенской Церкви, долгое время были руководственными началами в нашей церковной практике. Изменения в этой практике последовали,

когда учреждены были духовные школы, и когда Духовным Регламентом определено было *не ставить в священники и диаконы ни единого, который в школе дому архиерейского не наставлен есть*¹⁵. Исключение из правил, т.е. возведение в церковные степени дьякона и священника ранее определенного соборами срока допущено было только по отношению к людям, кончившим курс духовной школы, приготовлявшей к священству, и это сделано было в тех видах, чтобы расположить к поступлению в духовные школы лиц, желающих посвятить себя пастырскому служению. Когда мало было лиц, получивших в школе образование, требуемое для достойного выполнения священнического служения, льгота для обучавшихся в школах кандидатов священства, соединенная с отступлением от древнего церковного правила, могла иметь свое значение. Но нужно ли удерживать эту льготу, когда всеми признана нужда образования, и когда есть вполне достаточное количество образованных кандидатов священства?

Конечно, не совсем приятно положение человека, кончившего курс семинарии и принужденного несколько лет ожидать себе священнического места. Но мы не должны думать, что в других странах легче достаются места, соответствующие нашим священническим местам: сразу, вслед за окончанием курса школы, нигде не делают молодых людей пастырями. В Германии, например, каждый кандидат на место пастора обязательно должен кончить курс в богословском факультете какого-либо университета; но и этот, окончивший курс университета, кандидат богословия, должен пройти несколько мытарств в ожидании себе пасторского места. Если он окончил курс в университете, выдержал факультетский экзамен и получил степень кандидата богословия, он через то еще не получил права на занятие прихода. У него впереди еще несколько экзаменов. Прежде всего, он должен выдержать экзамен перед супер-интендентом епархии, к какой принадлежит он по своему происхождению. Главное дело супер-интендентского экзамена – проповедь: кандидат богословия должен сказать проповедь, во исполнение требований этого экзамена, на указанный ему текст; но кроме проповеди полагается и устное испытание в знании предметов, входящих в круг богословской специальности. После удовлетворительной сдачи экзамена перед супер-интендентом окончивший курс студент богословского факультета вносится в список кандидатов на занятие какого-либо пасторского места, и начинает практически подготавливаться к сану священника или у избранного им настоятеля прихода, или в особой проповеднической семинарии. Через два года, по окончании курса,

кандидату богословия предстоит новый экзамен *pro ministerio*. Он входит с прошением в консисторию о том, чтобы его допустили к экзамену на должность; консистория может требовать от него этого экзамена и раньше. И вот он держит новый экзамен перед консисторией: экзамен этот ограничивается теоретической областью и мало имеет отношения к будущему званию и обязанностям пастора. За этим экзаменом следует поставление в пастора или посвящение (*ordinatio*). Но это посвящение не соединяется с поступлением на приход и дает только титул священника и право на занятие какого-либо прихода. Этого прихода ищет сам кандидат на пастора, хотя и получивший уже посвящение. И община, ищущая пастора, не прямо принимает к себе того, кто к ней является, или кого к ней посылают: она тоже подвергает кандидатов на место пастора некоторому испытанию. В присутствии ее ищущие места кандидаты должны произнести нечто вроде пробных проповедей, и она избирает из них достойнейшего или того, кто ей покажется лучше. Если кандидат долго не получает места, на которое приобрел право, его могут подвергнуть новому полному испытанию, или по крайней мере потребовать от него, чтобы в особом коллоквиуме перед консисторией он доказал свои достаточные познания в области богословских предметов.

Таким образом, в протестантстве у студента богословия очень значительный промежуточный период между окончанием университетского курса и водворением на место. В этот промежуточный период положение кандидатов богословия, не обеспеченных независимым состоянием, каких в Германии громадное большинство, – очень незавидное. Многие из них живут в чужом доме в качестве домашнего учителя какого-либо зажиточного человека; другие поступают учителями в приходскую или народную школу, и за свои занятия в школе получают довольно скудное вознаграждение; третьи заводят школу в каком-либо бедном городке или селении, и эти частные школы далеко не всегда удаются, большей частью еле влачат свое существование. Четвертые, после испытания перед коллегией учителей гимназии, получают место ректора или правителя в городской школе, – место, не очень щедро вознаграждаемое, и если ректор школы семейный человек, то он чувствует себя большей частью в крайне стесненном положении. Иные из кандидатов богословия, получивших посвящение, до получения прихода, поступают в викарии к какому-либо пастору, который желает иметь себе помощника или потому, что за слабостью сил затрудняется исполнять свою обязанность, или просто потому, что не желает отягощать себя излишними трудами и, пользуясь хорошими доходами и бенефициями,

предоставляет наемному человеку делать возложенное на него дело, за что удаляет ему небольшую часть из своего содержания. Викарии получают около 800 рублей на наши деньги, и, будучи в совершенной зависимости от пастора, находят себя вынужденными подчиняться не только справедливым их требованиям, но и капризам.

Кандидаты богословия, ожидающие себе прихода, находятся под наблюдением декана округа, – должность, соответствующая должности нашего благочинного. Декан наблюдает за их поведением и научными занятиями; каждую четверть года они должны представлять ему по проповеди, и, по крайней мере, раз в год проповедовать в его присутствии. Декан в конце каждого года представляет консистории ведомость о кандидатах своего округа с аттестацией об их поведении, занятиях и способности к делу, к какому они готовились.

Независимо от соборных постановлений, практики древней Церкви и примера других стран, самая сущность дела не располагает к утверждению обычая возводить в священники молодых людей прямо по окончании школьного курса. Священнику издревле присвоено название пресвитера, что в переводе с греческого значит старейший или старейшина. Прилично ли это почтенное звание молодому двадцатилетнему юноше, каким является выходящий из семинарии кандидат священства? Священник отец, учитель и руководитель всех в своем приходе. Кроме знания, выносимого из школы, необходим нравственный авторитет в лице священника, который бы мог внушить почтение к нему и малым и старым, и этот авторитет скорее может быть у человека более или менее зрелых лет, чем у только что начинающего жить самостоятельной жизнью. Может ли быть отцом и для людей, убежденных седидами, человек, у которого почти не опушились еще ланиты, хотя бы он и надел рясу? И не будет ли он чувствовать некоторой неловкости, когда его будут называть батюшкою люди, по летам могущие быть не только его отцом, но и дедом? Наставительный голос пастыря будет всегда внушительнее, если он выходит не от школьника, а от человека, более или менее умудренного летами и опытностью.

Мы приведенными выше соображениями хотели примирить кандидатов священства с новым положением, отдаляющим для них время получения священства, так часто возбуждавшим ропот против себя. Не знаем, убедительны ли были наши показания для тех, которые чувствуют некоторую тяжесть нового порядка вещей в сравнении с прежним, не так давно существовавшим. Но нам кажется весьма ясной его законность и естественность. Впрочем, как бы то ни было, как скоро существует

промежуточный период для вышедшего из семинарии до получения священнического места, волей или не волей нужно подчиняться этому порядку вещей, и сам собой при этом возникает вопрос: как должен проводить этот период кандидат священства, поставленный в такое или иное положение, в звание ли псаломщика или дьякона, или в звание учителя народного или церковно-приходского училища?

2. На что лучше употреблять время кандидату священства в промежуточный период?

Где бы ни был кандидат священства по выходе из школы, везде и всегда он должен помнить свое будущее назначение и продолжать то приготовление к нему, о каком прежде заботилась школа. Он не должен забрасывать и скрывать под спудом тот умственный капитал, каким снабдила его школа: он должен всячески беречь и по возможности приумножать его. Было бы в высшей степени дурно и не достойно его, если бы он оставил книгу, как вещь, ему уже не нужную и надоевшую в школе, как это иногда случалось видеть. Его долг вести далее дело научного образования по тому пути, какой указала ему школа: только теперь самостоятельно и по собственному усердию он должен заниматься тем, чем прежде занимался под руководством наставников и по требованию школы. Не оставляя общего образования, следя по возможности за важнейшими явлениями литературы, главное внимание он должен сосредоточить на той богословской специальности, знакомство с которой существенно важно в деле будущего его служения, в которой он каждому вопрошающему должен будет дать надлежащий ответ. В школе он мог не иметь времени прочитать много замечательных произведений по разным отраслям богословской науки. Теперь, в свободное время, он должен принять меры к тому, чтобы непосредственно ознакомиться с этими сочинениями, и если представляется ему случай иметь их под руками, он не должен опускать этого случая. Слышал он о великих отцах, вселенских учителях Церкви, но не знаком непосредственно с их творениями. Прямой долг его восполнить это знакомство: отеческая литература, по своей важности в церковной жизни и по ее руководительному значению для позднейших богословов, должна быть для него предметом особенного внимания. Ему могут быть неизвестны в подлиннике Правила апостольские, Правила Вселенских и поместных соборов и Святых отцов; а между тем они имеют законодательное значение в нашей Церкви, и знание их необходимо для пастыря Церкви, желающего право править слово истины. Пробелов в знании очень много и у усердного студента семинарии. Время по выходе из школы должно быть употреблено на то, чтобы восполнить эти пробелы и запастись всем, нужным для успешного и плодотворного служения Церкви и пастве. Едва ли кандидаты священства свое уклонение от самообразования и продолжения учения могут оправдывать ссылкой на то, что трудно достать

им потребные книги. Ныне книга получила большое распространение, и даже в захолустье она не является редкостью. Если у него самого нет средств на приобретение книг, к его услугам могут быть открыты библиотеки церковные, благочиннические, епархиальные и библиотеки частных лиц, рассеянные по разным уголкам нашего отечества. Нам кажется, горячее усердие к умственному труду, – лишь бы оно было у кандидата священства, – всегда найдет и сумеет достать необходимое для себя.

С особенной пользой можно воспользоваться кандидату священства промежуточным периодом для практического приготовления к исполнению обязанностей, возлагаемых на пастыря Церкви, которого в надлежащей полноте не может дать школа. Проповедь, – одно из главных дел пастыря-учителя, – не делается у нас обязательной для кандидата священства, по выходе из школы, как это делается в Германии, где, как мы говорили, каждый кандидат священства, имеющий в виду занять место пастора, должен представить до четырех проповедей в год, а наш семинарист, по окончании курса до поступления на место, может не сказать и не написать ни одной проповеди, хотя бы промежуточный период длился до пяти, шести или даже десяти лет. Но так не должно бы быть, и если в этом отношении наши порядки и обычаи освобождают кандидатов священства от всяких обязательств, то сознание их долга и важности этого дела должно бы побуждать их не оставлять без внимания проповеднического или учительского искусства. Мог бы проповедовать кандидат священства в Церкви того места, где приходится ему жить, с благословения настоятеля прихода; мог бы вести с народом внебогослужебные или частные домашние беседы о предметах веры и благочестия. Мог бы изучать он лучших проповедников, из примера которых можно научиться достойному ведению учительского дела, у которых можно заимствовать добрый дух и истинное направление христианского учительства и умение говорить словом незастенчивым, но в то же время сильным и действительным. Не без значения здесь для него могло бы быть ознакомление с нуждами народа, с его воззрениями и понятиями, с его суевериями и заблуждениями, с его языком и образом понимания. Живя среди народа, он без особенного труда может добыть такое знание, какого не в состоянии дать ему школа. Между тем это понимание нужд народа и образа его воззрения весьма важно и необходимо для того, чтобы уметь говорить то, что наиболее для него пригодно, и говорить близко и понятно его сердцу. Наши школьные проповеди большей частью отвлечены и формальны, и часто бьют по

воздуху, но не ложатся на сердца народа. От этого недостатка может освободить их тот живой опыт, какой каждый кандидат священства может иметь, вращаясь в кругу тех людей, для которых со временем он будет пастырем.

Можно воспользоваться промежуточным периодом для приготовления к лучшему исполнению обязанности нравственно-религиозного руководителя и воспитателя народа, возлагаемого на пастыря. Опыт лучший учитель в этом случае, и кандидату священства нужно заботиться обогатить себя разносторонним опытом до времени принятия на себя трудных обязанностей священства. Душа народа та почва, которую будет призван воздвигать кандидат священства. Заблаговременно нужно узнать эту почву, чтобы уметь справиться с нею, чтобы видеть, чего она требует, что в ней можно насаждать, что нужно искоренять, и какие орудия и средства потребны для ее обрабатывания. И вот пусть кандидат священства, вышедши из школы, поставленный на поприще жизни, изучает народ, с которым ему придется жить, и который нужно будет воспитывать для Царствия Божия, пусть знакомится с теми условиями, какими обставлена жизнь его, и с теми чувствами, какие он питает в душе своей. Без этого знакомства с народом нельзя ожидать от него умелого и благотворного действия на него. Но опыт, каким он может себя обогащать, не должен ограничиваться одной стороной, – изучением почвы, которую придется ему воздвигать. Не менее важно и полезно для него ознакомление с теми деятелями, которые ранее его выступили на дело пастырского служения, и с успехом подвизаются на ниве Божией, вверенной их попечению. Сношение с пастырями, снискавшими себе любовь и уважение своей паствы и умеющими действовать на народ, изучение их духа, внимательное присматривание к методу их пастырского обращения, – это не могло бы остаться без пользы для молодого человека, имеющего в виду выступить на тот же путь, по которому твердой и испытанной поступью идут его предшественники. Большое счастье для кандидата священства, если в период ожидания прихода он видит перед собой пастырей сильных и опытных, преданных всецело делу своего служения, заботящихся о нравственном благе своего народа, и видящих плоды своих трудов. Еще большее счастье для него, если эти опытные, энергические и влиятельные пастыри готовы делиться с будущим собратом своим своими наблюдениями, замечаниями и советами. Беседы такого пастыря значительно могли бы восполнить тот пробел в практическом приготовлении к священству, какой более или менее заметен у всякого кандидата священства, довольствующегося одним

ШКОЛЬНЫМ званием.

3. Кандидат священства в должности псаломщика

По намерению законодателя, самое пригодное место для кандидата священства место псаломщика. У нас избегают этого места кончившие курс семинарии, считая его унижительным для себя. Но мысль законодателя, желавшая призвать образованных людей к исполнению должности псаломщика, к тому направлена, чтобы облагородить и возвысить эту должность. И можно надеяться, что образованный человек, заняв псаломщическую должность, своим личным характером и достоинствами, своим образованием и разумной деятельностью заставит уважать себя и на этом месте. Если образованные молодые люди целыми десятками или сотнями будут являться на местах псаломщиков, и будут вести себя на них, как прилично вести себя людям образованным, то сам собой переменится взгляд на место, которым ныне пренебрегают, и на которое смотрят свысока. Тяжело первым решиться вступить на пост, считавшийся прежде непривычным и казавшийся унижительным для образованного человека. Второму поколению будет легче идти по проторенному уже пути, и мы думаем, вовсе не стыдно было бы нашим семинаристам поступать до времени священства в псаломщики, если бы, как в древней Церкви, принимали эту должность люди с образованием, равным образованию Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Нисского. Не должно пугать место псаломщика кандидатов священства скудостью содержания. На первых порах можно довольствоваться и малым обеспечением. Притом человек с образованием и на должности псаломщика найдет себе занятия, например педагогические, которые к прежнему содержанию псаломщика прибавят нечто новое, чего не могли иметь не имевшие образования дьячки. Впрочем с идеальной точки зрения эти материальные расчеты не должны бы иметь слишком большого решающего значения у того человека, который, по званию пастыря, должен будет учить народ заботиться больше о душе и ее спасении, чем о внешних выгодах, и в жизни уметь довольствоваться малым и спокойно переносить разные лишения в надежде на благое Провидение, неусыпно о всех пекущееся.

Образованный кандидат священства в должности псаломщика не должен пренебрежительно относиться к тем обязанностям, какие соединяются с этой должностью, считая их как бы ниже себя и своего образования. Напротив, вследствие своего образования и развитого сознания долга, он будет исполнять их со всевозможным рачением и

усердием, чтобы не показаться хуже неученых дьячков и не подать повода к нареканию на себя и к осуждению того образования, которое не сделало его лучше простого дьячка. В нашей Церкви нет толкового и разумного чтения, чему виной необразование наших чтецов церковных. Можно надеяться, что это дело будет поставлено совершенно иначе, когда к нему будут приставлены люди развитые и понимающие. При ученых псаломщиках совершение богослужения должно быть приличнее и достойнее, чем каково оно при псаломщиках простых, часто не понимающих того, что они должны читать.

Образованный псаломщик не ограничит своего дела одним пением и чтением в Церкви при богослужении и при совершении разных треб приходских. Он будет искать приложения своих знаний, будет искать деятельности для своих развитых и умелых сил. От чего не заняться ему школой? Если в приходе нет церковно-приходской школы, он может позаботиться о ее основании. Если есть школа, он может предложить свои услуги для этой школы, и явиться в ней или самостоятельным учителем или помощником священнику. Может он сам завести свою частную школу или давать уроки в домах частных лиц, нуждающихся в учителе. Может он явиться помощником священнику и в деле церковного учительства, – с согласия священника он может проповедовать в церкви, может открывать и держать религиозно-нравственные чтения и беседы в каком-либо месте, например, в здании школы или в каком-либо поместительном доме, летом под открытым небом, хоть на погосте церковном.

Важный вопрос для кандидата священства в звании псаломщика установить и сохранить надлежащее отношение к священнику, настоятелю прихода. Это отношение – отношение зависимости и подчинения. В силу этого подчинения он должен с готовностью исполнять все его распоряжения, следовать его указаниям и спокойно принимать его замечания, касающиеся служебной деятельности, на него возлагаемой. В силу того же отношения он должен оказывать подобающее уважение служителю Божию, заступающему для него место начальника, и соблюдать внешние формы почтения, какие приняты при обращении с людьми, облеченными священным саном. Ныне, например, выходит из употребления древний благочестивый обычай, по которому, при встрече со священником, люди светские или миряне и церковнослужители просили у него благословения. В современном цивилизованном обществе место благословения священнического во имя Отца и Сына и Святаго Духа, при приветственных сношениях светских лиц с духовными, заступило простое рукопожатие, и сами священники как будто уже стесняются давать

благословение, когда к ним подходит лицо, одетое не в костюм простолюдина, считая сообщение благословения в этом случае как бы уклонением от модного светского тона. Образованный псаломщик, конечно, не последует этому требованию модного тона, и когда будет встречаться со своим настоятелем и приветствовать его, не поставит его в затруднение своим явным намерением уклоняться от принятия от него благословения: с его стороны было бы большой бестактностью и неприличием подавать священнику руку для пожатия при приветствии, а не просить от него благословения. Если он, будущий священник и подчиненный член клира, не будет воздавать должного почтения пастырю Церкви и не будет считать важным и нужным священническое благословение, то чего требовать после этого от людей светских?

Здесь, в установлении надлежащих отношений к священнику со стороны окончившего курс псаломщика, – первое свободное приложение того дисциплинарного воспитания, какое дает школа. Человек благовоспитанный и выдержанный всегда поймет свое место и значение и сумеет повести себя, как велит ему сознание своего положения. Пренебрежение к желаниям и распоряжениям священника со стороны псаломщика было бы своеволием и непростительным уклонением от своего долга; а обращение со священником без соблюдения должного почтения было бы грубостью. То и другое не обещало бы в молодом человеке такого усердного и приготовленного деятеля, какого ищет Церковь на важный и трудный poste пастыря.

Многие молодые люди, только что кончившие курс школы, и не испытавшие жизненной борьбы, бывают слишком самонадеянны и самомнительны. Голова их наполнена идеалами, из которых многие совершенно разлетаются и обращаются в воздушную мечту при столкновении с суровой действительностью. Такие мечтательные юноши, встречая в жизни не то, что носится в их воображении, бывают расположены слишком критически относиться к явлениям, их окружающим. Быв поставлены в соприкосновение со священником того или другого прихода, или даже в прямое подчинение ему в качестве псаломщиков, они, надменные своим новым образованием, могут смотреть на старого пастыря, как на человека уже отжившего, потерявшего энергию и богатство добрых намерений, и могут считать себя гораздо выше и умнее его. В таком настроении они выискивают в нем разные недостатки, и в его пастырской деятельности то находят не хорошим, другое совершенно не соответственным духу новых требований, третье излишним. Там им не понравится близость священника к прихожанам, в котором они увидят

унижение священнического достоинства; другой раз они замечают требовательность и придирчивость его к прихожанам, обнаруживающую корыстолюбие; третий раз увидят неосмысленное следование дедовским обычаям; им может показаться еще, что священник мало делает во исполнение прямого пастырского долга, на него возложенного, ограничиваясь большей частью совершением треб церковных. Свои чувства, наблюдения и замечания касательно деятельности священника и его поведения молодой псаломщик, недовольный встреченным им порядком в приходе, в который он послан, может высказывать другим, может входить в беседы о нем с прихожанами. Он может разглагольствовать с ними о том, что священник не так дело ведет, как бы следовало, и что другой на его месте то бы оставил, другое бы предпринял, о том-то приложил свои особые заботы, и приходская жизнь пошла бы гораздо лучше. Прихожане или сторонние люди, слыша подобные отзывы о деятельности приходского пастыря со стороны псаломщика, будущего священника, могут с сочувствием и одобрением встречать пересуды и планы молодого человека: иных может расположить в его пользу новость и пыл стремлений, им высказываемых, и доброе желание видеть больше жизни и движения в среде, их окружающей; другие будут вторить ему по недовольству на священника, который подвергается его пересудам (каков бы ни был священник в своей жизни и деятельности, у него в приходе и вне прихода найдутся люди, им не довольные).

Но пусть не спешит со своими строгими приговорами молодой человек, поставленный в прямое соприкосновение с приходской жизнью. В том положении, какое достается ему при выходе из школы, его дело не учить других, раньше его вступивших в жизнь и занимающих более высокое иерархическое положение, а учиться у них, не ломать и перестраивать существующие порядки и обычаи, а присматриваться к ним и изучать те условия, какими обставлена текущая перед его глазами жизнь. Он должен сознавать, что в жизни он совершенный новичок, не имеющий за собой никакого опыта, и это сознание должно сдерживать его от смелых и заносчивых критических замашек. Может быть, то, с чем не мирится его чувство, не может быть иным вследствие исторических условий, которым волей или неволей должен подчиниться приходской священник, и, может быть, молодой псаломщик, по поступлении на место, умудренный опытом, сам будет поступать не так, как подсказывает ему его пылкое воображение, а как велит жизнь, с которой не совладать нашей хрупкой воле. Если же будут видны ему какие-либо действительные недостатки в окружающей его действительности и в частности в священнике, – его

настоятеле, его скромность и благоразумие, его благовоспитанное нравственное чувство не должны позволять ему трубить о них встречному и поперечному, чтобы не очутиться в положении Хама по отношению к тому, кого он называет своим отцом. А если другие будут указывать на них и, пожалуй, громко кричать о них, его долг извинять их и взывать к чувству снисхождения, с каким нравственные люди должны относиться к обыкновенным человеческим слабостям.

Согласие со священником – одна из главных вещей, о которой более всего должен заботиться псаломщик. Свое дело он должен вести так, чтобы не подать повода к неудовольствию на себя со стороны священника, и нигде и никогда не должен идти наперекор желанию священника. Он может высказать свои желания касательно некоторых изменений в порядках приходской жизни, но эти желания он выскажет в скромной почтительной форме, и если священник выразит несочувствие этим изменениям, неблагоразумно подчиненному члену клира настаивать на проведении своих желаний. Он может предложить пастырю прихода свои услуги в облегчение его занятий, например, по школе, по наставлению прихожан в учении веры и нравственности христианской, по устройению каких-либо внебогослужебных чтений. Добрый священник с готовностью даст место усердию молодого богослова и обратит юные силы ко благу общества. Но если бы молодой богослов-псаломщик встретил противодействие себе со стороны настоятеля прихода, ему не следует во чтобы то ни стало добиваться осуществления своих желаний, чтобы не вызвать себе неудовольствия и неприятности со стороны священника.

К священнику ближе, чем к кому другому, должен стоять псаломщик, и с ним чаще, чем с кем другим, должен совещаться о делах, его интересующих. Не к добру ведет, если молодой богослов чаще заходить в дома прихожан, чем того требует должность, и в домах прихожан является гораздо разговорчивее, чем в доме священника. Особенно худо, если эти разговоры вращаются около пересудов о священнике. Участие в сплетнях деревенских вещь недостойная молодого богослова, имеющего в виду высокое звание священника. Безтактно и не нравственно псаломщику поселять и раздувать неудовольствие на своего духовного отца в его духовных детях: этим самым он себя унижает в глазах добрых людей. Пусть он будет осторожен, если иные и с одобрением относятся к его пересудам. Кроме раздора ничего хорошего не может выйти из такого поведения псаломщика. Никакого добра нигде не принесет это пустое и неуместное чесание языка. Слова, бросаемые на ветер, рано ли, поздно ли, дойдут до священника, и тогда испорчены отношения его к псаломщику, и

откроется неиссякаемый источник мелких и крупных неприятностей, какие первее всего обрушатся на голову неумеющего вести себя псаломщика.

4. Кандидат священства в должности учителя

Если кандидату священства, в промежуточный период до получения прихода, придется занять должность учителя в какой-либо школе, он и тогда не должен забывать и опускать из виду своего главного назначения, к какому готовился. Не привязанный к церкви своей прямой должностью, подобно псаломщику, он, если серьезно сознает свое положение, не будет отстранять себя от всякого участия в церковном служении. Он не только усердно будет являться в церковь на богослужение, но по возможности будет принимать участие в совершении богослужения пением и чтением на клиросе. Он будет располагать и учеников своих к этому делу, и если его ученики хором будут петь в Церкви положенные песнопения, – это с его стороны было бы добрым делом, за которое все относились бы к нему не только с сочувствием, но и с благодарностью. Будет ли школа, где кандидат священства является учителем, церковноприходская или светская, будет ли она в заведывании Церкви или светского начальства, кандидат священства первой своей заботой положит возможно тщательное охранение, развитие и утверждение религиозного чувства и прояснение веры в Бога в юных душах. Если эта забота должна быть началом всякого элементарного народного образования, то в особенности она должна быть близка к сердцу того, кто готовится воспитывать людей для Царства Божия. Служение его в школе – это первый опыт учительской деятельности, который потом он должен будет продолжать, когда примет священный сан, – и теперь, как и тогда, он должен быть одушевлен одним и тем же духом Церкви. Обязательных занятий пастырски-богословского характера никаких не возлагается на наших кандидатов священства, когда они состоят в должности учителей народных или других каких-либо училищ. Но было бы делом естественным и не бесполезным, если бы они по временам брались за те работы, какими их упражняли в семинариях в видах приготовления к священству, чтобы не забыть по крайней мере того, чему их учили прежде. От чего бы, например не написать иногда, а если будет благословение настоятеля Церкви, и не сказать проповеди? От чего бы не завести каких-либо благочестивых бесед или чтений для взрослых в той же школе в какой они состоят учителем, в праздничные, свободные от работ, дни, если к этому ни с чьей стороны не будет препятствий. Приобретенные знания и развитые силы нужно обращать ко благу общества тем более, что в занятиях, подобных указанным нами, – подготовительная практика к лучшему выполнению обязанностей

будущего служения.

Но заботясь о других, учитель-кандидат священства не забудет своего собственного самообразования, и будет вести его в духе, соответствующем его будущему званию. Любимым его чтением должны быть не светские журналы и повести, как это часто бывает, а книги, сообщавшие серьезное знание и имеющие ближайшее отношение к его специальности. Самым желанным для него обществом должно быть для него общество священников. Относясь к ним с подобающим уважением, он из общения с ними постарается извлечь полезное для себя и для своей будущей деятельности. Входя в их интересы, усвоив добрый дух, каким проникнуты уважаемые пастыри, присматриваясь к их практике, он тем самым приобретает знакомство с предлежащим ему служением и осваивается с условиями избранного ими рода жизни и деятельности.

5. Поведение кандидата священства, окончившего курс школьного образования

Что касается поведения кандидата священства, то где бы ни был он, по выходе из школы до поступления на место священника, был ли бы он на должности, или жил дома у родственников, или в каком-либо чужом семействе в качестве домашнего учителя, – всегда и везде в своем поведении он должен следовать строгим правилам. Всегда он должен помнить, к чему он готовится, и сознание этого должно управлять его волей, и указывать ему, что он должен делать и чего он должен избегать. Будущий священник, конечно, всегда и везде станет свято исполнять то, что предписывает каждому долг христианина. Он должен быть человеком высокого благочестия, и в силу своего религиозного настроения не может позволять себе тех послаблений по отношению к требованиям церковных заповедей, какие ныне входят в обычай у людей светских под влиянием нового нехристианского духа времени. У себя ли дома, или в обществе с другими, он никогда не решится на такое дело, при виде которого другие могут спросить: законно ли это? прилично ли это будущему священнику (что всегда возможно, когда например он вместе с другими станет разделять скоромную трапезу в постный день, или не пойдет в церковь к воскресному или праздничному богослужению)? Может он входить в беседы с разными лицами, но при всякой беседе его случайные или постоянные собеседники должны видеть и чувствовать, что это человек верующий и религиозный, который не дозволит унижать и попираť святую веру и Церковь. В его словах должно сквозить твердое убеждение в том, что носит в себе христианство и Православие, и полная горячая преданность христианству и Православию, готовая с самоотвержением защищать эту дорогую святыню. Ныне часты нападения на святые верования и церковные учреждения; материализм и безверие открыто проповедуют свои отрицательные учения и в публичных и в частных местах. Многие с услаждением выслушивают бойкие речи дерзких отрицателей. Но такого, хотя бы и немного, услаждения нельзя предположить в кандидате священства. Он не будет скрывать своих святых убеждений перед дерзкими проповедниками безверия; ревность его верующего сердца заставит его отражать дерзкие нападения на Церковь словом истины. А если его скромное положение не позволяет ему занять выдающейся роли в беседе, или сознание своих сил не обещает ему победы в борьбе с искушенной диалектикой неверующих, ему приличнее оставить

то общество, где слышится много гнилых нечестивых слов, чем молча выслушивать их безумные глумления.

Кандидату священства нет нужды и не естественно чуждаться общества. Молодая натура желает делиться с другими своими мыслями и чувствами, и ей не может быть запрещено искать того, чтобы с кем-нибудь в приятной беседе провести час, другой. Но то общество, искать которого естественно молодому человеку – будущему священнику, должно быть общество, ему более или менее единомысленное и благонастроенное, среди которого он ничего бы не мог потерять, а напротив кое-чему мог бы научиться. Бывают такие кружки и компании, попасть в которые опасно молодому кандидату священства, например компания молодых гуляк, с разнузданной чувственностью, любящих разгул, хвастающихся своими непохвальными интрижками и т.п. или кружок людей, утерявших веру и порвавших связи с Церковью, воспитавшею, если не их, то их родителей. Таких людей нужно избегать кандидату священства, помня то, что *тлят обычаи благи беседы злы*, и что дурное сообщество набрасывает в высшей степени неблагоприятную тень и на чистого человека: стоя среди грязи, трудно соблюсти себя незапятнанным, как бы ни был человек далек по внутреннему своему расположению от всего нечистого. И что за необходимость человеку иметь общение с людьми, с которыми у него по настроению нет ничего общего? Счастлив кандидат священства, когда вблизи его есть добрые люди христианского настроения, могущие поддерживать его своим сочувствием, или когда с любовью и готовностью открывают перед ним свои двери тихие благоустроенные семейства, в которых виден порядок, соблюдаются чистые нравы, и господствует христианское настроение. С такими людьми делить время кандидату священства – не потеря, а приобретение. Среди них он освежит и укрепит свои добрые чувства; общение с ними, при его житейской малоопытности, даст ему существенное дополнение к его образованию, и у людей строгого порядка он сам научится доброму порядку жизни.

Обращение кандидата священства в обществе должно быть свободное, но скромное, спокойное и степенное. Светская излишняя развязность и любезность не к лицу ему. Если он является изысканным кавалером, ловким угодником дам и девиц и неутомимым танцором, если он старается позабавить и посмешить общество, то этим у благонастроенной части общества он заслужит не похвалу, а осуждение. Не его дело блистать на паркете и пожинать дешевые лавры среди гостинных. При участии в светских удовольствиях его такт должен предписывать ему возможную сдержанность.

Но если неуместна в лице кандидата священства излишняя светскость, то еще более предосудительна в нем деревенская грубость. В высшей степени не сообразно с его положением и достоинством, если он знакомится с увеселительной чарочкой и готов разделять мужицкие попойки, если его видят на деревенских вечеринках, и если он принимает участие в тех не облагороженных забавах, каким предается деревенская молодежь. Что скажут эти участники его забав, если через несколько времени увидят его в рясе священника. Они с изумлением посмотрят на него, и странным покажется им новый вид человека, ниспускавшегося до камрадства с ними, и им трудно будет иметь к нему такое чувство уважения и почтения, какое каждому должен внушать вид служителя Церкви.

Отделение второе. Жизнь священника

I. Основное правило, какого должен держаться священник в своем поведении

Вот кандидат священства, о которых мы доселе говорили, определен на место, принял рукоположение и является пастырем на приходе. Как теперь он должен вести себя и устроить свою жизнь?

Если нужен один краткий и определенный ответ на этот вопрос, то мы не можем ответить на него иначе, как напоминанием слов св. апостола Павла Тимофею: *образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою (1Тим. 4:12)*. В этом наставлении св. апостола выражено основное правило, которым священник должен руководиться в своей жизни.

Закон нравственный для всех один, и начала христианской жизни, положенные в откровенном законе и раскрытые в Евангелии, равно обязательны, как для священника, так и для мирян. Пусть священник строго выполняет в своей жизни то, что требуется от каждого христианина или от каждого благочестивого человека, – пусть все освящает молитвою, пусть с благоговением относится ко всякой святыне, пусть не опускает ничего из повеленного нам Господом или Церковью, и пусть избегает всякого дела, могущего соблазнить других и навлечь на него осуждение, – и он будет верен своему званию. Но вдвойне худо в священнике уклонение от христианских обязанностей или невнимательное отношение к ним. К священникам по преимуществу относится слово Христово: *вы есте свет мира: не может град укрытись верху горы стоя (Мф. 5:14)*, Они, по тому же слову Христову, светильники, поставленные на подсвечнике, чтобы светить всем, *иже в храмине суть*, и свет их должен светить пред людьми, чтобы они видели их добрые дела и прославляли Отца небесного (*Мф. 5:15, 16*). Поставленный пастырем стада Христова и руководителем словесных овец, священник должен идти впереди этих овец, *и овцы по нем идут (Иоан. 10:4)*, как говорит евангельская притча. Не словом только, но и жизнью священник должен учить других, служа для всех примером в исполнении нравственных обязанностей христианина. На служителя Церкви все смотрят, – добрые прихожане смотрят с почтением, с желанием найти в нем для себя образец в жизни; в нем хотят видеть олицетворенное выражение христианства, осуществленное выполнение на практике того, что носится в идее христианской, и чему должен учить других пастырь Церкви. Не все, в особенности в настоящее время религиозной теплохладности, с такими почтительными чувствами

относятся к служителю Церкви. Иные, по преимуществу из лиц, принадлежащих к образованному классу и утерьявших прадедовскую веру, смотрят на священника свысока и не хотят признавать его своим руководителем. Но и у тех есть сознание того, что пастырь Церкви должен быть чист и безупречен в своей жизни, и по своему нравственному характеру возвышаться над другими. Такие со злорадством замечают не только крупные недостатки, но и малейшие погрешности в священнике, не стесняются осуждать его за то, что себе ежедневно позволяют, нарушая евангельский закон, и вместе с тем готовы оправдывать себя в своих недостойных поступках примером священника, если видят, что он по жизни не стоит на высоте своего призвания. Всегда должен помнить это священник, всегда должен сознавать, что и в частной жизни он лицо публичное, Жизнь его – открытая книга, по которой другие должны учиться жить. *Vita clericorum*, говорит латинское изречение, *liber est laicorum*. Если священник дозволяет себе что-либо незаконное, он двойную вину навлекает на себя, – во-первых, тем, что сам грешит, во-вторых, тем, что соблазняет других, которых должен направлять на добрый путь своим примером.

В силу такого значения священника, вследствие того, что на него обращено внимание других, для которых он служит олицетворенною христианскою совестью, действующею пред их глазами, ему следует быть крайне осторожным и осмотрительным в своем поведении, чтобы не подать соблазна другим. Он не может пользоваться христианскою свободою так, как другие. Он не только в точности должен выполнять все, повеленное законом, не только должен отстать от всего недозволенного, но должен сдерживать и ограничивать себя в области дозволенного. Своєю жизнью он должен назидать других; а многое дозволенное не назидает, когда видят то в священнике. Отсюда поведение священника, определяемое законом, обязательным для всех, должно выдерживать свой строгий и твердый характер.

Св. апостол Павел, уясняя тот нравственный характер, каким должен отличаться священник, указывает несколько частных свойств, какие желательны и необходимы для священника. *Подобает* (говорит он) *епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвену, целомудру, благоговейну, честну, страннлюбиву, учительну, не пиянице, не бийце, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку, не завистливу, не сребролюбцу, свой дом добре правящу, чада имущу в послушании со всякою чистотою, не новокрещену... Подобает же ему и свидетельство добро имети от внешних: да не в поношение впадет и в сеть неприязненну* (1Тим. 3:2–7).

Ср. Тит. 1:6–9). Частные черты, указанные апостолом, хорошо рисуют образ и поведение священника и с положительной и с отрицательной стороны, и во все последующие времена к характеристике, сделанной апостолом Павлом, обращались, когда хотели определить, каков должен быть пастырь Церкви. Но частные черты, при исчислении нравственных свойств священника, служа определением и уяснением образа доброго пастыря, какой носился пред боговдохновенною мыслью апостола, можно сказать, случайно поставлены одна подле другой. Апостол не имел в виду передать всю совокупность свойств, какие желательны в священнике, и не считал нужным своему образу давать вид замкнутого логического определения. Мы не погрешим против богодухновенной мысли святого апостола, если, вникая в смысл его слов, постараемся найти между частными свойствами пастыря, указанными у апостола и определяющими его поведение, одно свойство, которое может иметь преобладающее значение и которое составляет, если можно так выразиться, коренную нить в ткани жизни священнической.

Из исчисленных у апостола нравственных свойств, составляющих образ доброго пастыря, наиболее широкий круг обнимает и более общий характер имеет то свойство, на которое он указывает, когда говорит: *подобает епископу быти благоговейну, честну*. Этими словами определяется и внутреннее настроение пастыря, и такт его внешнего поведения, и ими указывается основной тон, какой должен выдерживать пастырь Церкви в своей жизни всегда и везде, и они поэтому могут быть поставлены во главе других частных определений, упорядочивающих нравственное поведение пастыря. Два слова нашего славянского текста (*благоговейну, честну*) заменяют собою одно слово греческого подлинника, – $\chi\acute{o}\beta\mu\omicron\nu$. В латинском тексте это слово $\chi\acute{o}\beta\mu\omicron\nu$ переведено словом *compositum*, а в русском вместо слов: *благоговейну, честну* мы читаем: *епископ должен быть благочинен*. Слова апостола и в подлиннике и в переводах указывают на особенное благоприличие или благочиние в поведении, требуемое от священника.

Чтобы соблюсти это благоприличие, священнику всегда и везде нужно быть и являться серьезным, степенным, более или менее сосредоточенным, сохранять и выдерживать во всех возможных положениях важность, подобающую сану. Этому священническому благоприличию противно все легкомысленное: оно не допускает в священнике ни рассеянности, ни беспричинной веселости, ни излишнего фамильярничания в обращении с другими, тем более никакой пошлости и цинизма. Оно требует от священника самообладания, при котором бы он

всегда держал себя с достоинством и не позволял себе никаких увлечений, ни выходок грубой страсти. От всякого человека, занимающего видное положение в обществе, требуется твердый такт, необходимый для соблюдения достоинства, соответственного его положению. От священника этот такт требуется более, чем от кого другого вследствие его призвания, вследствие того, что к его сану все относятся или, по крайней мере, должны относиться с почтением. Представьте, что священник где-либо не выдерживает достойного тона: вот он в своем доме кричит и ссорится со своими домашними, сердитым и бранчивым голосом говорит со слугой, с гневом обращается к каким-либо работникам и спорит с ними о плате, – и это видят и слышат сторонние люди или кто-либо из его прихожан; или вот он балагурит на улице и тараторит о пустяшном среди людной компании; или вот он в Церкви размахивает руками и кричит на пономаря или церковного сторожа, заметив какую-либо их неисправность, и нетерпеливо выражает свою досаду. Если увидят с его стороны возбуждение, горячность, дикий жест, беспокойную речь, вообще какую-либо несдержанность и распушенность в слове и телодвижении, тотчас же подумают и скажут, что это не священник, а мужик или чернорабочий, одним словом, человек низшего общественного слоя. Люди достойные заслуживают уважение себе в обществе своим серьезным характером и нравственной выдержкой. Но что у других является свободным нравственным достоинством, то для священника составляет обязательное требование. Если не находят в нем черт и действий, заслуживающих почтения, соблазняются его поведением и находят противоречие между идеей и действительностью, между тем, что он есть, и между тем, чем он должен быть. Когда идет священник среди селения, в котором живут его прихожане, перед ним встает и стар и млад, и все скидают шапки и воздают почтение его сану. Когда он входит в какой-либо дом, ему предоставляют первое место, и при нем умолкают вольные беседы. Когда говорить он, его все слушают, и слова его принимают, как слова вестника Божия. Чтобы отвечать такому положению, нужна особенная выдержанность, особенная внимательность к себе.

При общем нравственном законе, обязательном для всех, есть различие между духовным и светским, и священник, чтобы соблюсти свое достоинство, должен удаляться от многого, допущенного и принятого в свете. Какие-либо недостатки, незаметные в человеке светском, священнику ставятся в позор. Иная житейская мелочь, безразличная в нравственном отношении, роняет священника и подвергает его осуждению, когда священник, забыв свой духовный сан и характер, не

остережется разделить ее с людьми светскими, что может быть, например, тогда, когда он явится на место какого-либо общественного гулянья, где раздастся музыка и собравшиеся предаются разным светским развлечениям. Значит, на почве общего закона нравственной жизни нужно искать особых требований, которые бы имели специальное отношение к священнику, и строй жизни священника, соответственно его особенному призванию, должен быть несколько иной, чем у людей светских, не стоящих на виду Церкви и не носящих никакого звания церковного.

Для уяснения особенного строя жизни, приличного священнику, мы не считаем нужным перечислять те добродетели, о стяжании которых должен заботиться пастырь Церкви, и те грехи или недостатки, каких особенно он должен избегать, как это сделано в Пастырском богословии Кирилла и Антония. У того и другого излагаются требования общей нравственности, – указываются добродетели, необходимые не для одного священника, но и для всякого христианина, и грехи против обязанностей христианина к Богу, к ближним и к самому себе, ни у кого не терпимые. При обилии правил, направленных к урегулированию жизни священника, в них нет собственно пастырской морали, тех специфических требований, какими должна определяться жизнь священника в отличие от жизни мирских людей, и рисуется в них идеал не священника собственно, а всякого доброго христианина. Само собой понятно, что всякий священник должен быть добрый христианин, и не для чего предъявлять ему требований, для всех равно обязательных, в роде того, что он должен иметь любовь и благоговение к Богу, любовь к ближним, кротость ко всем, трезвенность, воздержание, целомудрие и т.п. и что ему несвойственны отречение от веры и Церкви, кощунство, небрежение о богослужении, клятвопреступление, похищение святыни, сварливость, дерзость, буйство, нарушение целомудрия, пьянство, скверноствательность, гордость и т.д.¹⁶... Вопрос в том, что еще должен иметь в виду священник, при соблюдении общих христианских обязанностей, и о чем особенно он должен заботиться, чтобы отвечать своему званию.

Ответ на этот вопрос не может быть сложен. Удельных специфических требований, адресуемых пастырю Церкви, не может быть особенно много, когда все существенное и главное дано в общем христианском нравственном законе. Все требования, какие можно предъявлять священнику в силу его звания, как особый частный закон, должны вытекать из сознания важности пастырского служения и предписываемого этим сознанием священнического благочиния.

Священнику, помнящему и блюдущему важность и святость своего

звания, необходимо вести не рассеянную, а более или менее самососредоточенную жизнь. Ему не нужно совершенного уединения и уклонения от жизни общества, как это требуется от иноков, отрекающихся от мира и удаляющихся в пустыни или монастырское уединение. Совершенное уединение – особый аскетический подвиг, возлагаемый на себя людьми по обету. Священник не может взять на себя этого подвига и не может прервать все связи с обществом. Он поставлен среди общества, как его учитель и руководитель и совершитель религиозных треб для своих ближних, окружающих его. По долгу своего звания, он должен иметь частые и непосредственные соприкосновения с миром и в частности со своими прихожанами. Но не разрывая связи с обществом, не имея возможности, ни даже права по своим должностным обязанностям совершенно удалиться из мира, священник не должен позволять миру поглощать себя и свое время. Его сану противна, с его служением несовместима рассеянная жизнь, – такая жизнь, которая боится домашнего уединения, которая вся тратится вовне и постоянно ищет себе внешних развлечений.

Более или менее сосредоточенная жизнь необходима священнику, как для него самого, так и для других, – для сохранения и восполнения внутреннего содержания его души, и для сохранения и возвышения его авторитета в глазах других.

Как учитель и руководитель народа, священник должен сообщать другим от полноты своей веры и своего звания то, что им нужно для их научения. Школа могла дать достаточное содержание его душе из области богословия. Но и это содержание может иссякнуть, если он не будет стараться обновлять и оживлять его, и вместе с тем его может быть и недостаточно для удовлетворения тем потребностям, с какими обращаются к нему ищущие религиозного назидания и просвещенного слова веры, если он будет пробавляться только тем, что вынес из школы. Время несет с собой постоянно нечто новое, и иные вопросы, даваемые течением жизни, могли быть и не намечены в школе; а между тем на них требуется ответ от религиозного руководителя народа. Старое и новое должен выносить священник из своей внутренней сокровищницы знания. А для хранения и восполнения этой сокровищницы необходимо беречь время, и употреблять его для себя самого, а не тратить на внешние рассеяния, – необходимо иметь свободные часы тишины и спокойствия для размышления, для чтения и вообще для удовлетворения потребности внутреннего самоусовершенствования. Священник страж народа; а страж должен быть бдителен и не может позволять себе развлекаться разными

сторонними вещами. Он молитвенник пред Богом, обязанный с благоговением совершать тайны Божии. Но дух молитвенный, дух благоговейный сохранится ли в том, кто мало входит в самого себя и любит рассеиваться то тем, то другим, то третьим, не имеющим отношения к прямому делу его служения?

С другой стороны, и для поддержания авторитета своего звания священнику необходимо избегать всякого вида рассеяния. Если он хочет, чтобы его чтили, как служителя Божия, он по возможности пусть реже является среди светского или мирского общества, когда его не призывают к тому его прямые обязанности. Иначе, привыкши его встречать за забавами и развлечениями, свойственными светскому человеку, или за занятиями сомнительного нравственного достоинства, сторонние люди не будут видеть в нем того, что нужно, и при исполнении им высоких священнических обязанностей. Если его ныне встречают, положим, в гостинной, среди людей разнообразных возрастов, положений и характеров, а завтра в другом месте среди другой компании; если при том, может быть, видят в нем забавного и веселого товарища и шутника, усердного участника во всех удовольствиях, принятых в свете, или суетливого хлопотуна по делам, совершенно чуждым цели его служения: то находят странным и невольно поддаются смешанному чувству недовольства и изумления, когда этого участника в светских играх, этого забавного собеседника и весельчака видят пред престолом Божиим в священническом облачении, с руками воздетыми к небу. Внутренний голос будет говорить им, что не на своем месте теперь этот человек, взявший на себя звание служителя Божия. Когда такой священник будет совершать богослужение или говорить проповедь, им волей или неволей будет припоминаться тот легкий и игривый образ, какой он оставляет по себе чрез то, что разделяет рассеяния света и принимает участие в его забавах, – и у многих при этом могут слышаться шутливые и насмешливые возгласы. И светскому человеку трудно представить в одном лице благоговейного служителя Божия и товарища веселой компании.

II. Удовольствия и развлечения, приличные священнику

1. Благоразумное пользование удовольствиями, дозволенными священнику

Строгая жизнь, предписываемая священнику пастырским благоразумием, не исключает развлечений и удовольствий, какими мы можем разнообразить время, данное нам в распоряжение, не закрывает пред ним тех земных утешений, какие не запрещены нам Господом для нашего услаждения. Суровый подвиг, изгоняющий все обыкновенные житейские радости, один непрерывный труд был бы непосильным бременем для обыкновенного человека, и этого бремени не налагает на священника его служение, для которого вовсе не нужно отречение от удовлетворения добрым естественным потребностям нашей души в пределах умеренности и закона. Как сон необходим человеку после долговременного бодрствования для восстановления и освежения его сил, так точно необходимо развлечение и отдохновение после более или менее напряженной, продолжительной деятельности в одном определенном направлении. Не все время для дел высокого и трудного служения, не все дни от утра до вечера на серьезные, изнуряющие духовный организм, занятия. Священник не будет красть время у себя, у Церкви и своей службы и у Господа, если, по требованию своей природы, будет употреблять попадающиеся ему свободные часы на благородные развлечения для освежения и ободрения своего духа, погруженного в служебные дела и занятия. Ему невозбранено то, что свойственно человеку при добром направлении его стремлений и желаний.

Но если где, то в этой области дозволенного нужна особенная осторожность и осмотрительность со стороны священника, чтобы, предаваясь тому или другому роду удовольствий, не нажить себе какой-либо предосудительной привычки, или не подать кому-либо повода к соблазну и к осуждению самого себя.

Трудно указать точные и неизменные правила, которые бы ясно решали вопрос об удовольствиях и развлечениях, доступных для священника, которые бы показывали, как проводить ему и чем наполнять часы, могущие служить ему для отдохновения и освежения сил, что нужно ему избирать при этом, и чего избегать. Ни в Священном Писании, ни в канонах соборов и отцов нет подробных указаний того, что прилично священнику в этом отношении, и что не прилично ему. Притом понятие приличного довольно растяжимое понятие, и не так неизменно, как понятие чисто нравственного, предписываемого положительным законом.

Если не в общем и главном, то в частности, с изменением мест и времен, замечается изменчивость во взглядах на приличное, не стоящая в противоречии с законом. За отсутствием точных канонических постановлений, регулирующих пользование со стороны священника доступными ему удовольствиями, здесь решителем дела должен быть его *пастырский такт, его благоразумие*, никогда не опускающее из вида высоты и святости того звания, какое он носит.

Если далее мы будем разъяснять предмет, поставленный в заголовке настоящей главы, то мы будем говорить то, что, по нашему мнению, должно подсказывать священнику его собственное благоразумие. Но чтобы наши замечания не показались произвольными, мы не опустим из внимания тех немногих указаний в священных документах, какими можно воспользоваться, и на каких можно опереться, при уяснении вопроса об удовольствиях и развлечениях, доступных священнику.

Первое и главное правило, какое должно быть предписано, священнику касательно пользования удовольствиями его собственным благоразумием, требует от него, чтобы *он по возможности ограничивал себя в этом случае, и не позволял себе всего того, что позволяют люди светские*. Добровольное самоограничение в деле удовольствий для священника важное средство к тому, чтобы сохранить свое священническое достоинство и избежать от соблазна и нареканий. Если в Св. Писании можно указать места, касающиеся предмета, нами обсуждаемого, то все они клонятся к возможному ограничению в области дозволенного. Наставляя Тимофея, а в лице его и всех последующих пастырей, как вести себя, ап. Павел между прочим предписывает ему: *похотей юных бегай (2Тим. 2:22)*, т.е. бегай удовольствий юности. В другом послании тому же Тимофею он пишет: *никтоже о юности твоей да нерадит: но образ буди верным словом, житием... (1Тим. 4:12)*, т.е. так веди себя, чтобы никто не соблазнился твоею юностью. Здесь же вполне может быть приложимо признание или наставление того же апостола Павла, указывающее различие между дозволенным, и предписывающее пользоваться не всем дозволенным, а избирать из него лучше и достойнейшее, и этим пользоваться с умеренностью. *Все мне позволительно (говорит апостол), но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною; все мне позволительно, но не все назидает (1Кор. 6:12, 10, 23)*. Этими словами или своим примером апостол указывает нам из позволительного выбирать только полезное, – в настоящем случае из невинных удовольствий такие, которые могут способствовать освежению и ободрению душевных сил

после более или менее напряженной деятельности. Он не запрещает предаваться удовольствиям, но не желает, чтобы мы увлекались ими, и предостерегает нас, чтобы мы от частого повторения того или другого вида удовольствий не нажили пристрастия к ним, порабощающего себе нашу волю и не дающего ей возможности противиться нажитому стремлению к известного рода развлечениям. Этого мало. Апостол желает, чтобы и в области дозволенного мы не теряли из виду цели назидания. Это в особенности должны помнить пастыри Церкви, жизнь которых должна быть образцом для других. Если кто-либо соблазняется, видя священника, предающегося какому-либо, хотя бы самому невинному, удовольствию, священнику его благоразумие должно предписывать воздерживаться от этого удовольствия. К речи о дозволенных священнику удовольствиях могут иметь полное приложение рассуждения апостола о пище. Употребление той или другой пищи может быть безразлично в нравственном отношении. Но и в этих безразличных и не предосудительных в существе вещах апостол советует быть осторожным, в виду возможного соблазна со стороны немощных. *Пища (говорит апостол) не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. Берегитесь однакоже, чтобы сия свобода ваша не послужила соблазном для немощных. Если пища соблазняет брата моего, не стану есть мяса во век, чтобы не соблазнить брата моего (1Кор. 8:8, 9, 13).* В особенности молодым священникам следует помнить правило благоразумия об ограничении своей свободы в пользовании дозволенными удовольствиями. Молодые люди, легко поддавшиеся внешним впечатлениям, более склонны к рассеянию и развлечениям, чем люди, вступившие в другую половину жизни и уже более или менее охладевшие, и им более, чем последним, может угрожать опасность нажить какую-либо непозволительную страсть к предметам невысокого нравственного достоинства. Кроме того и сторонние люди более взыскательны к молодости, когда она является в таком важном звании, каково звание священника, и более расположены замечать в ней уклонения от высокого священнического идеала, чем в людях старых, по самой природе более спокойных, и степенных, внушающих почтение к себе своими летами и сединой. Совет бегать юных похотей или удовольствий юности, какой мы читаем в послании апостола Павла к Тимофею, дан был именно в виду относительной молодости Тимофея, в какой он призван был к управлению Церковью. Этим советом Апостол хотел внушить Тимофею, а в лице его и другим людям, рано призванным в предстоятели Церкви, по принятии высокого звания, вести себя не так, как ведут себя другие

молодые люди, и не предаваться наравне с ними разным, хотя бы и невинным, развлечениям. Иначе его сочтут несоответствующим высокому званию, им на себя принятому, могут потерять уважение к нему, а вместе с тем и к его сану, и не будут слушать его слово с таким вниманием и доверием, какого должно заслуживать слово пастыря, облеченного особенными полномочиями от св. Церкви.

Войдем в более подробное обсуждение предмета, нами поставленного.

2. Знакомство священника и времяпрепровождение в обществе близких людей

Самое невинное развлечение из доступных священнику – это *обращение в обществе близких и знакомых людей*. Хорошие знакомства могут быть источником многих добрых удовольствий. Разделить час-другой в непринужденной беседе с человеком, нам сочувствующим, – это может доставить нам немалое облегчение от тяжелых должностных занятий, напрягающих душевные силы в одну сторону, и может послужить к полезному обману чувствами, наблюдениями и соображениями.

Но знакомства священника не могут и не должны быть слишком обширны. Широкие знакомства могут повести его к рассеянию, и могут отнимать у него много времени, необходимого ему для тщательного исполнения своего долга и для домашних занятий, способствующих внутреннему самоусовершенствованию. Далее священнику не прилично сводить знакомство со всяким встречным человеком, а нужно быть осмотрительным в выборе знакомых. Иное знакомство может совершенно скомпрометировать его в глазах других, может повредить чистоте его мысли и вовлечь его в круг занятий, несвойственных священническому званию (1Кор. 15:33). Священнику нужно искать знакомств в среде людей единомысленных, в среде людей доброго христианского направления, полных духа веры и уважения к Церкви и сочувствующих званию священника. Апостол Павел прямо и настоятельно советует Тимофею, а в лице его и всем преемникам его служения, удаляться от людей недоброй славы, дурного характера и предосудительного образа жизни. *В последние дни (говорит он)... будут человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, родителем противящиеся, неблагодарны, неправедны, нелюбовни, непримирительны,... клеветницы, невоздержницы,... неблаголюбцы, предетеле, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися. И сих отвращайся* (2Тим. 3:1–5). Что подумают о священнике прихожане и другие сторонние люди, если он будет иметь частое общение с людьми сомнительной нравственности, недоброго образа мыслей? Не повредит ли он через то своей славе и не унижит ли авторитета своего звания? Может ли он еще будет при этом поступиться своими убеждениями? Или не потерпит ли какого ущерба его твердая вера, если в беседах и спорах то и дело будут делать напор на его верующую мысль воззрения не церковного склада, пожалуй, прямо антихристианские? Не прирадется ли

к нему, помимо его воли, примесь нечестия, с которым носятся и которое распространяют люди, подобные тем, каких описывает св. апостол Павел? Строгие нравы предписывает священнику его звание. Но не будет ли сопровождаться нарушением и ослаблением этих строгих нравов согласие или охота священника вести знакомства и делить время с людьми легких нравов, боящимися тяжелого подвига добродетели и серьезного труда, и ищущими больше рассеяния и разгула? С большой заботливостью предостерегает от неосмотрительных знакомств пастырей Церкви св. Амвросий Медиоланский в своей книге «О должностях священнослужителей» в видах их блага. «Целомудренная скромность священнослужителей (говорит он) имеет камни преткновения, которые хотя и не сама она подставляет, но, по несчастью, нередко нападает на них: это – товарищества и сообщества с людьми невоздержными и распутными, которые под видом приятного дружества вливают яд в сердца непорочных. Знакомство и обращение с таковыми людьми, особенно на пиршествах, в забавах, играх и разного рода увеселениях, среди разгульного препровождения времени, незаметно подрывает и самое прочное основание доброй нравственности. Поэтому надлежит нам всячески бороться и остерегаться, чтобы в то самое время, когда думаем в обществе и сообществе найти некоторый отдых, необходимые для нашей природы, ослабевающие от постоянного напряжения сил душевных и телесных, не подвергнуться нам опасности расстроить гармонию в правильном образе жизни и добрых делах, ибо, привыкнув к чему бы то ни было, нам уже не легко бывает отставать от своих привычек».¹⁷

Св. Амвросий советует священнослужителям иметь «знакомство с людьми испытанных нравов честности и заслужившими всеобщее одобрение.» Ближе всего к священнику его собратья по служению. С ними и еще с людьми, по своему направлению примыкающими к церковному кругу и заботящимися о благочестии, он должен более всего делить часы, свободные от насущных обязательных забот... Если в местности, где живет священник, есть несколько его собратий по служению и людей, близких к нему по духу и направлению, они могут устроить взаимные, более или менее периодические собрания. Эти собрания должны и не могут быть слишком часты. Частые собрания послужили бы к рассеянию и праздности, а не к отдохновению и освежению духа. Да и нет в распоряжении священника столько свободного времени, чтобы собираться у знакомых или собирать к себе знакомых чуть не каждый день.

Мы не думаем, чтобы священники находили приличным и полезным для себя на своих взаимных собраниях предаваться какой-либо игре

сомнительного нравственного достоинства, например игре в карты. Ныне игра в карты в нашем обществе слишком широко распространилась; в светских собраниях и на вечерах она является главным времяпрепровождением, и многие нарочито ходят в клубы или к знакомым, чтобы за карточным столом просидеть долгий вечер, а иногда большую половину ночи. Но несмотря на это общее распространение карточной игры, священникам следует воздерживаться от нее. Уже то одно должно сдерживать их в этом случае, что многие не благоприятно смотрят на священника, позволяющего себе эту забаву, и часто слышится слово осуждения на пастыря, не чуждающегося карточной игры, даже со стороны тех, которые готовы предаваться этому развлечению каждый день, и которые приглашают священника разделить с ними компанию. Это явный знак, что в глубине нашего общественного сознания гнездится представление о несовместимости строгого и высокого звания пастыря с таким легким, малосодержательным и несерьезным развлечением, нередко сопровождающимся недобрыми последствиями. При виде такого отношения общественного сознания к священнику, не чуждающемуся карточной игры, священник, чтобы не соблазнить брата своего и не ввести его в осуждение, должен отказаться от этого развлечения, помня пример апостола Павла, который, говоря об идоложертвенных яствах, давал слово или обет не есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата своего (1Кор. 8:18). Кроме этого есть другие побуждения для священника к уклонению от карточной игры. Пристрастие к этой игре в наших общественных слоях получило чрезвычайное, можно сказать, болезненное развитие, и от одного слоя к другому, от прежнего поколения к последнему, переходит, как зараза. Очень много дорогого времени тратится на эту бездельную игру у людей деловых, часто крадущих у настоятельной работы нужные часы для этой забавы, и человек, не могущий просидеть трех-четырёх часов за серьезным трудом, готов просиживать ночи напролет за карточным столом. К этой нерасчетливой трате времени присоединяются другие вредные следствия излишнего пристрастия к карточной игре, – расстройство здоровья от частых бессонных ночей и расстройство состояния. Предстоит нужда бороться с заразой, охватившей наше общество, и принять меры к ограничению страсти, готовой овладеть большей половиной общества. Церковь не может оставаться совершенно равнодушной к явлению, принимающему ненормальные размеры, и на пастырях лежит долг напоминать обществу о вреде страсти, его обуявшей. Может ли же священник при этом со спокойной совестью предаваться тому, к ограничению чего нужно всячески стремиться, против чего его

долг призывает иногда говорить слово осуждения? Если он и не имеет страсти к этой игре, но изредка только в доброй компании разделяет ее, он этим своим участием в ней как бы узаконяет ее. После этого участия ему трудно ратовать против господствующей страсти. Иначе ему могут сказать: *врачу, исцелися сам*. Независимо от этого, карточная игра сама в себе не есть особенно достойное занятие: в ней, как и во всякой игре, есть нечто детское, что не вполне приличествует серьезному характеру, какой предполагается в священнике. Вместе с тем она представляет из себя опасное занятие: в ней есть немало увлекательного для человека. Производя некоторое раздражение в нашем чувстве, давая возможность провести время легко и приятно, вдали от всяких забот о серьезном, она вызывает в воле желание повторения раз испытанного раздражения; отсюда рождается потребность, влекущая человека к этому роду развлечения, и незаметно для самого человека, часто даже против его воли и расчета, наживается страсть, которая подчиняет себе слабую волю, и делает человека своим невольником. А тогда создается положение, унижительное для священника и несообразное с его достоинством. Тогда он не будет знать меры в развлечении, к которому будет влечь его нажитая страсть. Тогда не отдохновение, а утомление он будет выносить из тех часов, которые должны быть назначаемы для восстановления сил.

В Правилах апостольских и соборных, по которым священник должен устроить свою жизнь, нет прямого запрещения той игры, которая составляет ныне обычное времяпрепровождение нашего общества в свободные часы, и не могло быть; потому что в то время, когда составлялись эти правила, не существовало такой игры. Но тот дух, который руководил составителями этих правил, не мог благоприятно относиться к подобным явлениям, и не мог допускать в священнике страсти к занятиям вроде карточной игры. Есть апостольское правило (42-е), которое хотя не называет по имени нынешней игры, но своим смыслом и содержанием запрещает ее священнику. Оно гласит: *Епископ, или пресвитер, или диакон, игре, и пиянству преданный, или да престанет, или да будет извержен*. К какой игре может иметь ближайшее отношение это правило в наше время, если не к той, какой предаются в нашем поколении люди разных возрастов, состояний и положений? Могут сказать, что здесь разумеется преданность игре, доходящая до страсти. Но игра в карты, раз допущенная человеком, так заохочивает его, что он и не заметит, как из простой, случайной забавы она вырастет до размеров привычки, а потом и страсти.

Приведенное нами апостольское правило осуждает, священника, как

преданного игре, так и пьянству. Отсюда в тех собраниях, какие могут быть устрояемы для развлечения священниками или людьми, им более или менее сочувствующими, и в каких, без нарушения своего достоинства, могут принимать участие священники, не должно быть ничего, хотя мало-мальски напоминающего разгул. Конечно, не для попойки или шумного веселья священник может являться в дом своего знакомого или близкого человека и принимать его к себе. Развлечение, соединенное со всякими излишествами, а в особенности сопровождающееся неумеренностью в употреблении спиртных напитков, – дело, в высшей степени компрометирующее служителя Божия. Могут быть собрания без отяготительных угощений, и таковыми они должны быть, если они повторяются периодически, и если хотят иметь характер дружеский или товарищеский. Гораздо более свободы будет чувствовать хозяин, открывающий свой дом для близких людей, если обычай не будет налагать на него обязанности заботиться об угощении их и предлагать им больше, чем сколько для них требуется в своем углу. И гости, собирающиеся к священнику или доброму мирянину, само собою разумеется, собираются не с тем, чтобы на чужой счет удовлетворить потребности своей природы более той меры, какая предписана им благоразумием.

Приятная, непринужденная беседа, обмен мыслей, наблюдений, сведений и чувств, свободное обсуждение вопросов, выдвигаемых временем, литературой, состоянием и направлением общества, жизнью церковною или политической – вот что должно наполнять часы, свободные от обязательных занятий, в которые священник может видеть себя среди кружка сочувствующих себе лиц. В таком общении мысли и любви можно отвести душу и найти себе успокоение, приводящее в равновесие расстроенные или утомленные силы. Вместе с тем такое общение мысли может быть не только приятным, но и полезным времяпрепровождением: при нем мы можем увеличивать запас своих сведений; через него мы можем получать больше света и ясности в суждении о делах, нас интересующих; при нем могут зарождаться добрые замыслы, благотворные для нашего личного положения или для исправления той или другой стороны приходской или общественно-церковной жизни; через него наконец могут скрепляться связи, способствующие успешнейшему проведению в жизни того или другого предприятия.

3. Участие в пиршествах

Можно ли священнику принимать участие в пиршествах, устрояемых по случаю свадьбы, именин или другого подобного торжества, и бывать на званых обедах и вечерах, общественных или частных?

Нет необходимости священнику отказываться от приглашения на какой-либо праздник или домашнее торжество к тому или другому близкому лицу, и устраняться от всякого участия в обедах и собраниях, бывающих в том или другом почетном кругу общества. В особенности, если видит священник, что приглашающий его с надлежащим уважением относится к званию священника, и считает за честь иметь его в числе своих гостей, то по долгу любви он с полной готовностью может принять доброе приглашение и удовлетворить желанию человека, выражающего к нему искреннее расположение. Многие из прихожан, привыкшие чтить в священнике своего духовного отца, считают не полным свое домашнее торжество, если не видят среди себя своего пастыря, и при всяком удобном случае просят его оказать им честь своим посещением. От чего священнику не посетить своих духовных детей, к нему расположенных, если они того желают, и если он имеет свободное время? Чем больше случаев представляется священнику для откровенной беседы с людьми, видящими в нем своего духовного отца, тем более могут скрепляться его связи с ними, и тем более он может простирать на них свое влияние. И Господь Иисус Христос являлся на званых собраниях, принимал угощения от лиц, желавших оказать Ему, вместе с другими, свое расположение, и разделял трапезу любви. Так мы видим Его на брачном торжестве в Кане Галилейской, на которое звана была Его Пречистая Мать, Сам Он и ученики Его, и при котором Он сотворил первое чудо, чтобы доставить хозяину дома возможность угостить, как требует приличие, собравшихся его знакомым (Иоан. 2:1–11). Мы видим Его в доме одного из начальников фарисейских, куда Он был приглашен в субботу вкусить хлеба, причем было много званых, и где Он, замечая, как званые выбирали лучшие места, предложил возлежащим с Ним и разделявшим трапезу несколько назидательных притчей, в которых вечеря послужила основным образом для уяснения учения о Царствии Божиим (Лук. 12:1–24). Еще молил Его один фарисей (Симон прокаженный), чтобы Он пришел к нему разделить с ним хлеб, и Господь не отказался, и с Ним было несколько возлежащих, и Он на вечере хозяину дома и его гостям преподавал поучительный урок, когда жена грешница явилась в дом фарисея

с алавастровым сосудом драгоценного мира, чтобы почтить великаго Учителя, возливала миро на ноги Его, отирала их волосами головы своей, чем возбудила недоуменные мысли в самом Симоне и его гостях (Лук. 7:36–50). В древней христианской Церкви были агапы, или трапезы любви: то были общественные вечера, составлявшиеся из приношений верующих, и предстоятели Церкви не находили для себя неприличным принимать в них участие. При высоком духе благочестия, каким отличались пастыри первенствующей Церкви, они благосклонно смотрели на эти общественные вечера, как на выражение любви, связующей членов Церкви, и поддерживали их потому, что через них укреплялся союз любви, долженствующий соединять всех верующих во Христа.

Но являясь по приглашению разделить трапезу любви или на званый вечер, священник не должен забывать требований особенного приличия, налагаемых на него его саном, и среди собраний, в особенности больных и смешанных, должен так вести себя, чтобы ничем не подать никакого повода к осуждению себя. Можно принимать приглашения на обед или вечер от доброго прихожанина, близкого знакомого, уважаемого кружка и учреждения. Но это не значит, что можно сколько угодно бражничать, когда представляется случай. Боже сохрани, если священник позволяет себе переступить границы умеренности и воздержания среди общественной трапезы. Тогда доброе дело любви превратится в дело предосудительное. Худо и в высшей степени неприлично, если священник, долженствующий своим присутствием напоминать другим о правилах долга и чести, и обязанный служить примером для мирян, сам среди собрания обнаружит свою слабость и допустит хотя малейшее нарушение трезвости и воздержания. Этим он унизит сан свой, и в своем лице вызовет нарекание на служителей Церкви. Можно быть на вечере, устроенном по случаю брака, именин или другого семейного торжества. Но не нужно долго засиживаться на них, не нужно принимать участие в тех удовольствиях и играх, какими увеселяет и забавляет себя на них светское общество, в особенности молодежь. Соборное правило (53-е правило Лаодикийского Собора) всем христианам предписывает брачные торжества, вслед за ними и другие подобные, совершать с возможным приличием и скромностью. *Не подобает (заповедали отцы Лаодикийского Собора) христианам, на браки ходящим, скакати и плясати, но скромно вечеряти и обедати, как прилично христианам.* Если скромное поведение на брачных торжествах предписывается христианам и из мирян, то тем более оно обязательно для священников. Когда торжество или вечер в том или другом семействе ведется так, как предписано этим правилом,

священник без стеснения совести может присутствовать на нем. Но наши брачные торжества и другие вечера устроятся весьма часто не по этому правилу, а по обычаю, не принимающему в расчет строгих предписаний Церкви. Они тянутся часто не только за полночь, но почти до самого рассвета; на них одни предаются танцам и пляске, другие карточной игре и т.п. Священнику нужно быть слишком бестактным и не понимать своего положения, чтобы присутствовать при подобных увеселениях и глазеть, как одни танцуют, а другие играют в карты, третьи предаются какой-либо иной забаве. (Мы не говорим уже о том, как вещи, трудно допустимой, чтобы он принимал участие в той или другой забаве). Между увеселениями юности, здесь допускаемыми, и строгим характером служителя Божия такой контраст, что нельзя не видеть несовместимости этих явлений. Потому священник, идущий на вечер, на котором предполагаются удовольствия, неприличные для него в его положении, пусть сидит на нем полчаса-час, пока еще не начинаются увеселения и забавы, допускаемые обычаями света. Но как скоро открываются удовольствия юности, вроде танцев и пляски, как скоро раскрываются карточные столы, его такт должен предписывать ему оставлять гостеприимный дом, хотя бы даже ко времени его ухода еще не собрались все гости. Да и не один такт это предписывает священнику. К этому обязывает его положительное правило. Так мы читаем в 24-м правиле шестого Вселенского Собора: *Аще кто из клира зван будет на брак: то при появлении игр, служащих к обольщению, да встанет, и тотчас да удалится: ибо так повелевает нам учение отец наших. Аще же кто обличен будет в сем: или да престанет, или да будет извержен.* Тот же смысл имеет и 54-е правило Лаодикийского Собора: *Не подобает освященным или причетникам зрети позорищныя представления на браках или на пиршествах: но прежде вхожденья позорищных лиц вставати им, и отходити.* Устроители русской жизни в древнее время, руководясь соборными и отеческими правилами, не возбраняли священникам ходить к мирянам на пиры и разрешали им благообразно и с благословением вкушать предлагаемое на этих пирах, но в тоже время они заповедывали им внимательно охранять достоинство своего сана, и предписывали им, когда начнется игра, плясание и гудение, тотчас вставать, да не осквернятся их чувства видением и слышанием, и вообще, отнюдь не чуждаясь таких пиров, уходить, когда будет соблазн¹⁸.

4. Можно ли священнику посещать театры, цирки и места общественных гуляний и увеселений?

Обычай, давно установившийся в Православной Церкви, затворяет для священника двери в подобные места общественных увеселений, и с церковной точки зрения явление священника в театре, цирке или на общественном гулянии было бы делом предосудительным, и подвергало бы его не только нареканию, но и церковному суду и наказанию. Между тем в настоящее время нередко заявляется протест против этого строгого обычая, и люди нового направления желали бы отворить для священника двери и в театры, и в цирки, и в другие места общественных увеселений. Там-де предлагается благородное наслаждение и даже даются представления, имеющие в себе много поучительного. Туда невозбранно ходят, нисколько не унижая своего достоинства, люди почтенные, занимающие высокое общественное положение и отличающиеся серьезным характером и добрым религиозным настроением. Представители духовенства в других христианских вероисповеданиях позволяют себе посещение театров и других подобных мест, и в этом-де не находят ничего дурного, и этим они не подают другим никакого соблазна.

Рассуждающие так и желающие расширения свободы священнику в пользовании общественными удовольствиями не хотят знать положительных узаконений Церкви касательно этого предмета, или стараются обходить их. Между тем вопрос, нами поставленный, не может быть решен на основании одних общих соображений. Руководительной нитью при его решении должно быть положительное правило, постановленное и принятое Церковью, и вместе с тем суждения отцов, заботившихся о благоустройении Церкви Христовой. Но здесь мы можем найти основания только для отрицательного решения вопроса.

Церковь всегда очень неблагоприятно смотрела на театральные зрелища, и от тех, которые по своему званию должны были отличаться строгой нравственностью, она требовала удаления от этих зрелищ. Отцы шестого Вселенского Собора определили запретить ходить на конские ристалища или на позорищные игры числящимся в клире. *«Никому из числящихся в священном чине, ни монаху (читаем мы в 24 правиле этого Собора), не позволено ходити на конския ристалища, или присутствовати на позорищах играх... Аще же кто обличен будет в сем: или да престанет, или да будет извержен».* Этого мало. Карфагенский поместный собор (18-м правилом) повелевает и *детям священников не*

представляти мирских позорищ, и не зрети оных. Сие же и всем христианам всегда проповедуемо было, да не входят туда, где бывають хуления. В основании таких правил лежит то, что, по воззрениям отцов древней Церкви, театральные и другие подобные зрелища – удовольствие мало того, что не серьезное, но и опасное для нравственности, не согласное с истинным благочестием. У древних писателей и отцов, когда ни заходит речь о театральные или циркаческие зрелищах, всегда высказываются неблагоприятные суждения о них. Известен трактат Тертуллиана о зрелищах (*de spectaculis*). В нем строгий нравоучитель развивает и доказывает такую мысль, что посещение театра дело в высшей степени недостойное христианина и опасное для него, и при этом разбивает все возражения или доводы, какими любители зрелищ желали бы извинить или оправдать свою страсть к театрам, «Наши глаза (замечаете он) созданы не для страстных созерцаний, уши не для слушания худых бесед... Мы в Крещении отrekliсь от дьявола, всех дел его и всего служения. Но демон в идолослужении и вся суть театра основана на идолослужении"... В Священном Писании (говорили) нет запрета против зрелищ. На это отвечает Тертуллиан, что Спасителю и апостолам не было повода говорить об этом предмете, так как у иудеев не было театра. Но если внимательно поискать в книгах Священного Писания, то можно найти не одно место, осуждающее посетителей театра. Тертуллиан прилагает к вопросу о театрах первые стихи первого псалма и видит неодобрение посещения зрелищ в словах: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на седалищи губителей не седе (Псал. 1:1)*. Силу правил соборных, закрывающих для священника двери в театр, и силу резких и строгих суждений о зрелищах древних отцов и писателей, желающие изменения обычая, поддерживаемого в Православной Церкви, думают ослабить и устранить тем, что эти правила и суждения имеют в виду не наши нынешние театры, а древние языческие, которые с одной стороны тесно связаны были с языческой религией и составляли часть идолослужения, так как посвящены были Вакху или Дионису, и среди них устроен был жертвенник, на котором курился фимиам в честь бога, а с другой стороны они не заслуживали доброго слова от отцов потому, что на них было много вольностей и распутства, и допускались бесчеловечные, кровавые сцены, как например на гладиаторских играх. Но если это и так, если действительно соборные правила и отеческие суждения направлены против языческих зрелищ, то их нельзя опускать из виду при мысли о нынешних театрах; потому что между нынешними театральными представлениями и представлениями времен язычества слишком много

аналогического и сродного. То, что мы ныне видим на театрах, было и на театрах языческой Греции и Рима с несущественными изменениями, и если к тогдашним зрелищам законоположители церковные относились строго, то они не иначе отнеслись бы и к зрелищам наших дней, если бы жили среди нас. Правда, новоевропейский театр возник из мистерий и представлений религиозного характера, и ютился первоначально около Церкви. Но мистерии и религиозные представления сделались уже преданием старины глубокой, и нынешний театр совершенно порвал связи с тем религиозным началом, из которого вышел, и каждый, знакомый с историей театра, должен сознаться, что нынешний театр родной брат древнему греко-римскому театру, а не средневропейскому мистериальному. В древнем театре было много вольности и нравственной распушенности, так что император Юлиан запретил языческим жрецам присутствовать на театральных зрелищах. А ныне разве одно чистое художественное наслаждение предлагается на театрах? И если даются иногда пьесы поучительного характера и содержания, то разве в них интерес театральных зрелищ? Разве для поучений и назидания большинство ходит в театры? Не видим ли мы на театральных представлениях под фирмой искусства много пошлого, чувственного, чем более всего возбуждается и услаждается современный посетитель театра? Бывают серьезные вещи на театрах, как бывали они на театрах Греции и Рима. Но рядом с ними множество нравственного легкомыслия, грубые шутки, цинические выходки, грязные картины; средоточием обыденных представлений служит чувственная любовь с ее соблазнами, с ее увлечениями, с ее надеждами, иногда с ее мало прикрытой наготой. Подобные представления рассчитаны не на удовлетворение высшим потребностям нашего духа, а на удовлетворение нашим низшим инстинктам и страстям. Присутствие священника на таких зрелищах было бы узаконением той пошлости, какая на них видна и представляется, и оно делало бы его участником в тех легкомысленных безпутствах, какие довольно часто находят место на театрах.

Не в силу связи театральных зрелищ с языческой религией и языческими суевериями соборные правила и древние отцы воспрещали христианским священникам посещение театров. Они считали вообще несообразным с достоинством служителя Церкви, долженствующего всегда и везде выдерживать строгий, серьезный характер, присутствие на шумных общественных увеселениях, способствующих излишнему рассеянию духа, и выдвигающих его из той колеи, идя по которой он сохраняет приличную своему сану важность. Правила (21-е пр. шестого

Вселенского Собора) запрещают числящимся в клире не только присутствовать на позорищных играх, но и ходить на конские ристалища, – и запрещение соборное с одинаковой силой простирается как на то, так и на другое увеселение. Между тем конские ристалища не имеют никакого отношения к языческим суевериям, и даже их нельзя винить за ту нравственную распущенность, из-за которой-де отцы строго отнесли к древнему театру. Далее не в театре только правила соборов возбранят священнику смотреть на позорищные игры. Они заповедают ему удаляться и из собраний в частных домах, где не было жертвенника, напоминавшего в театрах о языческом идолослужении, когда там начинались сценические игры и представления. *Не подобает (говорит 57-е правило Лаодикийского Собора) освященным, или причетникам зрети позорищныя представления на браках или пиршествах: но прежде вхождения позорищных лиц вставати им, и отходити.* И по приведенному уже нами 27 правилу шестого Вселенского Собора, *аще кто из клира зван будет на брак: то при появлении игр, служащих к обольщению, да встанет и тотчас да удалится: ибо так повелевает нам учение отец наших.*

И древние церковные писатели не языческую заквасу преследуют, когда восстают против театров: они ратуют против них во имя чистоты и целости нравственного духа, какой они желали бы воспитать в христианах, ратуют потому, что видят в них много опасностей для доброй нравственности. Тертуллиан не на языческие только зрелища нападает, не за то только желал бы закрыть театр для благочестивых христиан, что он связан с идолослужением, – он порицает зрелища вообще. «В цирке и театре (говорит он) возбуждаются бурные и гневные чувства... Нет зрелища, которое бы не возмущало души. Там, где есть возбуждение души, есть страсть... Где страсть, там горячность; а горячность влечет за собою гнев, мщение и свиту других страстей, не мирящихся с учением христианским. Положим, что кто-нибудь на зрелищах сидит со скромным и важным видом, зависящим от его положения в обществе, возраста или характера: не верьте между тем, что душа его остается неподвижною и без всякаго скрытаго волнения. ...Могут рассказывать в театре вещи хорошия и скромныя. Но диавол всем пользуется. Он вливает смертоносный яд в самыя приятныя и дорогия творения Божия»... Честность, гармония, видимая на театре, – это частица, подслащающая яд, предлагаемый здесь. – Тертуллиан (могут сказать) был ригорист, преувеличивавший требования христианской нравственности до беспощадной суровости. Обратитесь к проповедям св. Иоанна Златоуста, которые говорились жителям таким городов, как Антиохия и Константинополь; его нравоучение нельзя

укорять в своеобразной исключительности. Между тем у него множество сильных нападений на театральные зрелища. Не священников только, а всех добрых христиан он просит «убегать сатанинских зрелищ и вредного посещения конских бегов»¹⁹. Какая выгода (говорил он) ходить на зрелища беззакония, посещать общее училище бесстыдства, публичную школу невоздержания, восседать на седалище пагубы? Ибо не погрешит тот, кто сцену, это пагубнейшее место, полное всякого рода болезней, эту вавилонскую печь, назовет и седалищем пагубы, и школою распутства, и училищем невоздержания, и всем, что ни есть постыднейшаго. Действительно, дьявол, ввергнув город в театр, как бы в печь какую, затем поджигает снизу, подкладывая не хворост, как некогда иноплеменник тот (Навуходоносор), не нефть, не паклю, не смолу, а что гораздо хуже этого, любодейныя взгляды, срамныя слова, развратныя стихотворения и самыя негодныя песни. Ту печь разожгли руки иноплеменников, а эту разжигают помыслы, неразумнейшие иноплеменников. Эта печь хуже той; потому что и огонь здесь пагубнее: он не тела сожигает, но разрушает благосостояние души; а еще хуже то, что горящие (в этом огне) даже и не чувствуют этого; ибо если бы чувствовали, то не производили бы громкаго смеха при виде того, что происходит»... Там можно видеть и блудодеяния, и прелюбодеяния, можно слышать и богохульныя речи, так что болезнь проникает в душу и чрез глаза, и чрез слух»²⁰. «Не все ли здесь соединено для того, чтобы губить душу? И безстыдныя женщины, и не целомудренныя песни, и страстная музыка. Смотри на все это, как ты можешь говорить, что ничего человеческого ты не чувствуешь? Разве тело твое камень? Разве железо? Или ты более успел в христианской жизни, чем те великие мужи, которые пали от одного возрениа²¹?» Театр, по возрениа Златоуста, приучает к жизни праздной и рассеянной, – порождает холодность к обязанностям семейным и к святому благочестию. «Не отсюда ли (спрашивает он в одном слове²², изобразив разные обольщения, каким подвергаются посетители театра) развращение жизни, разстройство брачных союзов, распри и ссоры в семействах? В самом деле, когда ты, разстроившись тамошним зрелищем, и сделавшись более сладострастным и похотливым, и совершенным врагом целомудрия, возвратишься домой и увидишь жену свою: тебе уже не так приятно будет смотреть на нее, какова бы она ни была. Распалившись возбужденною на зрелищах похотью и пленясь чужим обольстительным лицом, ты отвращаешься от целомудренной и кроткой жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячью упреков, не потому, чтобы было тебе за что винить ее, но потому, что стыдно выказать страсть и

показать рану, с которою ты возвратился оттоле домой; сплетаешь другие предлоги, безумно выискивая повод к ссоре; с отвращением смотришь на всех домашних, предавшись совершенно той гнусной и нечистой похоти, которою уязвлен, и нося в душе запавший в нее звук голоса, поступь, взгляд, движения и все образы блудные, ни на что домашнее не смотришь с удовольствием. И что говорю о жене и детях? На самую церковь будешь смотреть не так приятно, и слова о целомудрии и чистоте будешь слушать с неудовольствием. Слова эти будут тебе не поучением, а осуждением; мало-помалу ты уклоняешься и наконец совсем отстаешь от этого общепользнего учения. Потому прошу всех вас, – и сами избегайте губельнаго пребывания на зрелищах, и посещающих оныя увлекайте оттуда. Ибо все, что бывает там, ведет не к исправлению души, но к погибели, осуждению и наказанию. Что пользы в этом кратковременном удовольствии, когда из него раждается постоянная скорбь, и ты, днем и ночью уязвляемый похотию, для всех становишься тягостным и неприятным?» Слишком расслабляющее нравственное действие приписывает христианский нравоучитель театральным зрелищам, и он с крайним изумлением отнесся бы к суждениям тех, которые желали бы открыть доступ в театры и служителям Божиим.

Ссылаются на пример представителей духовенства других христианских вероисповеданий, которые-де невозбранно посещают театры и другие места общественных увеселений. Но этот пример не может иметь для нас никакого значения и нисколько не может говорить против обычая Православной Церкви, когда есть прямые и положительные правила, запрещающие для числящихся в клире вход в театр и на конские ристалища. Притом, если и допускается там посещение театров лицами, принадлежащими к клиру, то это допускается не как правило, а как уклонение от правила, за целостью которого перестали наблюдать. Из жизни инославного духовенства нам нужно брать для подражания то, что заслуживает одобрение, а не то, что может вызывать против себя нареkania, и в чем видно нарушение прежней церковной дисциплины. Да и там, где обычай дозволяет служителям религии посещать театры и места общественных увеселений, и где в практике жизни более или менее забываются древние строгие церковные правила, например в протестантских обществах, – и там очень многие соблазняются, когда видят в театре освященное лицо, долженствующее служить у престола Божия. Это явный знак, что в сознании христианского общества есть безотчетное представление о несовместимости в одном лице служения Богу и участия в общественных увеселениях. И когда там у людей,

желающих лучше устроить и направить жизнь духовенства, заходит речь о предмете, нами обсуждаемом, они, следуя внушениям благоразумия, дают такой совет²³ своим собратьям по служению: в виду воззрений общества на театры, и в виду того, что в них представляется, если не закон, то такт должен бы предписать служителям религии не посещать театров и других подобных мест, чтобы не подать повода к соблазну.

III. Внешнее приличие священника

1. Необходимость соблюдения внешнего приличия священнику

Священнику, всегда и во всем обязанному блюсти достоинство своего звания, нужно не только охранять внутреннюю чистоту своей души и быть образцом для других в исполнении нравственного закона, но и быть внимательным к своей внешности, чтобы не подать повода к осуждению себя. Внешность человека, – его видимая поступь, походка, телодвижения, образ ведения речи, одежда, – служит обнаружением его души и как бы дополнением его нравственной личности. При явлении человека в обществе, среди других, первое, что бросается в глаза и производит на других такое или иное впечатление, – это именно внешний вид его, и по этому внешнему виду слагается у людей выгодное или невыгодное представление об их собрате. Еще премудрый сын Сирахов сказал: *по виду узнается человек и по выражению лица при встрече познается разумный. Одежда и ослабление зубов и походка человека показывает свойство его* (Сир. 19:26–27). И эта истина, признанная всеми. На основании этой истины святой Амвросий Медиоланский советует клирикам и священнослужителям сохранять целомудренную скромность в своих телодвижениях (в книге «О должностях» священнослужителей». «В движениях тела (говорит этот святой отец) выражается состояние нашей души, так что из внешних действий телесной природы нашей, по тесной связи души с телом, мы заключаем и о внутренних свойствах духовной природы нашей. Посему-то мы, и не видя души человека, потому что она закрыта для нас, об одних говорим, что они ветрены, а о других, что они степенны, иных называем гордыми и надменными, а иных смиренными и кроткими, в одних подозреваем хитрость и лукавство, а в других усматриваем искренность и чистосердечие и т.п. Таким образом, душа наша отражается во всех телодвижениях наших, как в зеркале, и все они служат для нас как бы отголоском или вывескою души. Помните, дети мои, как я одного приятеля нашего, искавшего у нас места, не смотря на все его желание и усердие занять при нас должность, не принял в свой клир потому только, что приемы его телодвижения в обращении и действиях были очень непристойны, а другаго, котораго я застал в нашем клире, удалил от себя, приказав ему и на глаза не являться, по той именно причине, что он своею наглою и неистовою походкою и разными кривляниями, как бичем, поражал взор мой. И не обманулся я в своем о них мнении и распоряжении: ибо оба они впоследствии отпали от Церкви,

чем и доказали на самом деле, что какими они являлись по внешним телодвижениям своим, такими оказались чрез свое вероломство и по внутренним качествам души»²⁴.

Священническое служение есть служение высокое. По званию пастыря Церкви, священник есть отец для своих прихожан, каким именем они и величают его. Соответственно этому званию, и внешний вид его должен внушать почтение к нему. Как служитель Божий, он всегда и везде должен выдерживать строгий и степенный характер. Отсюда и во всех внешних приемах его не должно быть ничего резкого, ничего грубого и дерзкого, ничего, отзывающегося легкомыслием и обнаруживающего в себе недостаток меры и самообладания; но на всем внешнем виде его должна лежать печать серьезности, скромности и, если возможно, благоговейности, приличной сану священника.

2. Нарушения внешнего приличия, унижающие священный сан

Главная причина, могущая вести к нарушению внешней благопристойности, требуемой от священника, – не сдержанная страсть, и первые видимые признаки во внешнем поведении священника, роняющие его сан и могущие вызывать на него осуждение со стороны других, – это беспорядочные обнаружения какой-либо страсти, возобладавшей душою, лишаящей ее спокойного самообладания. В особенности в этом отношении опасна страсть гнева, или раздражительность. Кто поддается этой страсти, тот в минуту гнева не владеет собой и бывает непохож на самого себя: во внешнем виде его замечается такой же беспорядок, какой бывает виден на лице земли во время бури. Лицо его теряет спокойное, полное достоинства выражение, и во внешней поступи его возможны такие явления, каких он не допустил бы при твердом самообладании. Раздраженный выражает свое внутреннее волнение дикими угрожающими жестами, – неумеренно размахивает руками, топает ногами, голос его издает неистовые крики и теряет тон спокойной рассудительности. У человека, пришедшего в гнев, по изображению св. Василия Великого, «кровь в сердце кипит, бурля и клопоча, как на сильном огне; устремившись на поверхность тела, показывает она разгневаннаго в ином виде, обыкновенныя и всем известныя черты его заменив как бы личиною, употребляемой на позорище. У них не узнаешь тех глаз, какия им свойственны и обычны; напротив взор блуждает и сверкает огнем. У них зубы скрипят, как у вепрей, когда точат зуб о зуб. Лице бледно и налито кровию; все тело надуто, жилы готовы лопнуть, оттого что дух взволнован внутреннею бурей. Голос жесток и напряжен, речь несвязна, вдается в излишество, течет нераздельно, не в порядке, не вразумительно. А когда, как огонь при обилии сгораемаго вещества, человек воспламенен до крайней степени огорчительным для него; тогда, о! тогда увидишь такая зрелища, которых нельзя пересказать словами и стерпеть на самом деле»²⁵.

Неприличные в каждом благовоспитанном человеке, бурные проявления гневной страсти в особенности унижают и оскорбляют достоинство священнического сана. Священник – служитель мира, долженствующий научать других умерять и побеждать свои страсти. Вид его, увлеченного раздражительностью до забвения приличия и нарушения внешней благопристойности, – прямое противоречие тому понятию, какое

соединяется с его саном, и он подает невольный повод к осуждению священника, и если не к подавлению, то к умалению уважения, какое должно быть в сердцах людей по отношению к лицу, облеченному священным авторитетом. Потому св. Амвросий Медиоланский советует служителям Божиим «всячески воздерживаться от гнева и раздражительности, чтобы по возможности всегда сохранять приличие и благопристойность. Если же нельзя совершенно предостеречься от этого, то нужно по крайней мере стараться сдерживать и укрощать в себе гневливость. Необходимо нам прежде всего стараться о том, чтобы незлобие и спокойствие душевное, чрез возможно частое упражнение и привычку к ним, обратились в самую природу нашу. Потом, так как чувство гнева заключается в самой природе человека и, так сказать, прирождено ему, так что искоренить его, или совсем уничтожить, нельзя: то должно стараться о том, чтобы разум наш предотвращал причину гнева, когда это можно предвидеть. Но если уже гнев овладел нами прежде, чем мог разум наш предвидеть его, то нужно, по крайней мере, размышлять о том, как бы ослабить, успокоить в себе раздражительность, и умерить чувство гнева... Если гнев вдруг явится у тебя, предускорит твой разум, и овладеет твоею мыслию, то ты всячески противься чувству гнева, будь тверд и не падай духом; старайся терпением и благоразумием укрощать в себе порывы гнева. Но если нельзя удержаться от гнева, если противник твой непомерно дерзостью и злобою вызывает тебя на гнев, то старайся, по крайней мере, удерживать свой язык от злословия... Не гневаться нельзя. Не статочное дело, чтобы неправедность и коварство другого не трогали нас, не возмущали нашего духа! Это уже будет не добродетель, а безчувственность. Но гневайтесь так, чтобы не впасть в согрешение и не доводить себя до потери разсудка. Гневайтесь, но не согрешайте (Псал. 4:5), научает нас Давид. Вот наш учитель, который умел больше побеждать свои страсти благоразумием и благочестием, нежели совсем искоренять их»²⁶.

Есть другая страсть, которая может доводить священнослужителя до нарушения внешнего приличия, и которая, собственно говоря, никогда бы не должна встречаться в круге лиц, призванных к служению Церкви, – это страсть, ведущая человека к нетрезвости. Всякого вида нетрезвости следует избегать пастырям Церкви. Известно, какими печальными и унижительными последствиями сопровождается несоблюдение воздержания и умеренности, предписываемых священнику. Какое почтение будут оказывать священнику, если увидят сторонние люди, как он под влиянием винных паров теряет твердую походку и спотыкается,

если заметят, что у него язык прилипает к гортани, соловеют глаза, и в одежде замечается такая неряшливость, какой он не допустил бы, если бы был в обыкновенном трезвом состоянии? Мы не говорили бы об этом нарушении внешней благопристойности от нетрезвости. Но, к сожалению, действительность, хотя и редкая, делает нелишним напоминание об этом. Тем более нужно быть осторожным в этом случае, что суд светского общества любит обобщать явления, и замеченную неисправность в одном готов переносить на целое сословие пастырей Церкви.

3. Забота о соблюдении видимой благопристойности в вещах, по-видимому, безразличных в нравственном отношении

Этого мало, чтобы не нарушать внешней благопристойности каким-либо беспорядочным проявлением несдержанной страсти. Св. Амвросий Медиоланский советует священнослужителям всегда и во всем, во всех телодвижениях соблюдать благоразумную меру и выдерживать вид благородства и достоинства. Он желает, чтобы пастырь Церкви, насколько возможно управлял обычными движениями членов нашего тела, и силой своей воли исправлял и смягчал всякую резкую форму этих движений, и устранял всякое уклонение от правильной закономерности. Например, походка человека вещь не важная в нравственном отношении; она, по-видимому, не входит в область предметов, управляемых нашей волей, и, кажется, излишне заботиться о том, чтобы не нарушить здесь благопристойности. Но св. Амвросий находит возможным и считает нужным давать советы и касательно упорядочения этой вещи, на которую обыкновенно не обращают никакого внимания. И здесь воля, руководимая чувством меры, может оказывать влияние, клонящееся к соблюдению большего внешнего приличия.

«Походка в священнослужителе (по словам св. Амвросия Медиоланского) должна быть вообще скромная. Скоро ходить я не считаю для него приличным, разве когда этого требует какая-либо особая нужда; ибо поспешно идущие, запыхавшись, кривляют ртом, и при утомлении и рассеянности своей они обыкновенно спотыкаются или же и совсем падают. Но я говорю не о тех, которые редко и по нужде делают это, но о тех, у которых скорая походка, суетливая беготня от частаго повторения обращается в неисправимую привычку, делается как бы природою их. Впрочем бывают и такие, которые в тихой и плавной походке подражают телодвижениям комедиантов, или особенному колебанию статуй в церемониальных носилках (как это обыкновенно бывает в торжественных процессиях), так что в каждом шаге они как бы стараются наблюдать особенную меру, или такт. Я не одобряю ни надменной походки последних... ни суетливой побегушки первых... Хороша и благопристойна походка простая и естественная, без всякаго притворства, когда она выражает степенность и спокойствие духа. Всякое притворство и неестественность всегда и во всем неприятны. Телодвижениями нашими

должна управлять сама природа. Если есть какой-либо недостаток в природе, то его нужно исправлять посредством частых и тщательных упражнений, но так, чтобы при этом не было никакой искусственности или подделки под природу, а чтобы было одно только исправление»²⁷.

Во внешнем виде, по наставлениям св. Амвросия Медиоланского, священнослужители особенно должны заботиться о соблюдении требований целомудренной стыдливости. Пренебрежение к этим требованиям может подрывать уважение к человеку, облеченному священным саном и как бы отделенному из среды обыкновенных людей. Нас, по рассуждению святого отца, сама природа учит стыдливости. Расположив в совершенстве все части нашего тела, она некоторые низшие члены отчасти удалила от глаз и как бы скрыла, а отчасти научила покрывать их. Если обнаружится как-либо нагота нашего тела, мы приходим в смущение и стыд. Св. Амвросий указывает, на похвальный древний обычай, бывший в Риме и других городах, что взрослые дети и зятья не мылись в банях вместе со своими родителями, чтобы через это не уменьшалось уважение их к родителям²⁸. Нет нужды много распространяться о том, к чему обязывает священнослужителя естественное чувство стыдливости. Требования, отсюда вытекающие, понятны сами собой, без особенного разъяснения их. Но не излишне напомнить, что соблюдение стыдливости, обязательное для всех людей, в особенности необходимо для служителей Божиих. Они являются для народа вестниками и посланниками Божиими, совершителями великих таин и раздаятелями небесной благодати. Их недаром зовут людьми духовными. В силу такого их значения все низменное нашей животной природы в них должно быть более сокровенно, чем у других простых людей.

Самая большая опасность нарушения внешней благопристойности может угрожать от необузданности и несдержанности нашего языка. Наш язык стоит в большей связи с нашею душою, чем другой какой-либо орган нашего тела, и через него мы выражаем то, что есть внутри нашего духовного существа. Между тем в своем проявлении он похож на неукротимого коня, который, не будучи сдержан строгой уздой, может подвергать нас большим неприятностям. Будучи мал и незаметен, он скорее, чем какой другой член наш, может нарушать то приличие, о соблюдении которого мы должны заботиться, – скорее, чем другой член, может наносить безчестие человеку, не умеющему владеть им. Еще Господь, внушая особенную осторожность в слове, сказал некогда народу, собравшемуся слушать Его: *слышите и разумеете: не входящее во уста*

сквернит человека: но исходящее из уст, то сквернит человека (Мф. 15:11). И апостол Иаков, давая наставление братьям о воздержании языка, замечает, что язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам восплаем от геенны. Всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим (продолжает он, указывая на опасную силу языка), а язык укротить никто из людей не может: это неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда (Иак. 3:6–8). Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело (Иак. 3:2). Эти священные и богодухновенные слова побуждают служителя Божия быть крайне внимательными к своему слову. Одно неосторожное, срамное или бранное, слово может нарушить ту стройную гармонию, которую всегда и везде должен выдерживать священник в своем внешнем поведении.

У св. Амвросия Медиоланского есть несколько замечаний, предостерегающих священнослужителя от нарушения благопристойности словом. По его наставлениям, строго должны смотреть священники, чтобы как-нибудь случайно не сказать чего-либо не благопристойного или не скромного, чтобы из уст их не вышло ничего срамного. «Это и у простаго народа (говорит он) считается постыдным, безчестным; в нашем же духовном звании никакое неприличное, а тем более бранное слово не должно оскорблять и поражать чувства стыдливости»²⁹. Этого мало, что священникам никак не следует говорить ничего не благопристойного; им не прилично и слушать чужие беседы, обнаруживающие бесстыдство, полные грубости и цинизма. Как скоро услышит священник что-либо, оскорбляющее его благородный слух, привыкший к священным словам, его чувство должно побудить его оставить то место, которое оскверняется произношением неприличных слов.

Св. Амвросий Медиоланский в своих наставлениях идет далее. Он касается не одного содержания, но и тона речи, внешней формы ведения бесед или разговоров, даже самого способа произношения слов. И в этой, по-видимому, мелочной и безразличной в нравственном отношении области нельзя все предоставлять случаю или естественному движению своей природы, если священник хочет быть внимательным к сохранению своего достоинства. По словам св. Амвросия, «в обыденных беседах, – будет ли то простой дружеский разговор или разсуждение о вере, нужно наблюдать большую осторожность и осмотрительность. Вообще разговоры наши должны быть тихие и приятные, исполненные доброжелательства и чужды всякой неприязни. В дружеской беседе не должно быть упорного

спора; ибо такой спор больше обыкновенно возбуждает пустые вопросы, чем приносит какую-либо пользу беседующим. Разсуждение о спорных предметах должно быть без гнева и запальчивости, а советы и увещания без обиды и раздражения... Речь наша должна быть простая, ясная, раздельная и не сбивчивая, без притязаний на искусственное украшение, но вместе с тем и не грубая. Она должна сопровождаться спокойствием и степенностью... Самое произношение слов должно быть проникнуто и растворено у нас скромною учтивостию, дабы грубо выговоренная речь не оскорбила слуха другого... И голос наш должен быть естественный, не слишком громкий и не слишком тихий, сколько чужд деревенской или простонародной грубости, столько и театральности. Он должен быть вполне приличен важности нашего звания и святости служения. Шутки в разговоре о серьезных предметах нужно нам, служители Божии, всячески избегать. Неуместными шутками мы можем оскорбить и унижить, как предмет разговора, так и свой сан. Да и вообще шутливость нам не прилична»³⁰...

Как видит читатель, не сами от себя мы делаем замечания касательно соблюдения внешнего приличия священником. Мы заимствуем их у святого отца, который, излагая обязанности священнослужителей и научая их, как они должны вести себя, чтобы не уронить своего достоинства, счел полезным и нужным преподавать им подробные правила касательно благоустройства их внешности. Думаем, что приведенные нами замечания, подкрепленные авторитетом святого отца, не покажутся излишними и малозначительными служителям Божиим.

4. Одежда священника

К вопросу о внешнем приличии священника имеет ближайшее отношение *одежда*, в какой он является перед другим. Достоинство внешнего вида, о каком должен заботиться священник, требует от него не только скромности и сдержанности в телодвижениях и действовали членов нашего тела, но и особенного приличия в одежде и во внешнем убранстве.

Обычаем древности, наследованным нами из Греции, строго определена особенность священнической одежды и его внешнего вида, и нашим священникам остается с возможной точностью выполнять требования этого обычая. По требованию этого обучения, священнику нельзя, не прилично являться в обществе в одежде мирского или светского человека. Ему усвоена особая, ему исключительно принадлежащая, одежда, которую запрещено носить людям, не имеющим священного сана. Верхнюю священническую одежду служит длинная и широкая ряса, отличающаяся своим покроем от других одежд, употребляемых в нашем обществе, а нижнюю длинное полукафтанье, тоже не встречающееся в ряду одежд, носимых светскими людьми. Вместе с этим, к особенностям внешнего священнического вида относятся длинные волосы и борода: приличие не позволяет священнику стричь волосы на голове и брить бороду. Даже прическа волос на голове у священников не такая, какая у других людей светских. Это узаконение обычая особенной одежды и особенного внешнего убранства для священника имеет в своем основании разумные причины. Особая священническая одежда и другие особые принадлежности его внешнего вида – символ его особого звания, символ христианской серьезности, символ христианского отречения от мира, и возвышения над его обычной, изменной суетой. Она напоминает ему о его высоком служении, для которого избираются люди, отделяемые из среды мирян. Вместе с тем, отличая священника от людей светских, она и другим, не утратившим в себе духа веры и преданности Церкви, способна внушить почтение к ним и может побуждать встречающих людей смотреть на них, как на служителей Божиих. За то говорят обычаи нашей старины, донныне хранимые у нашего простого народа. Когда среди наших сел и деревень идет или едет священник, встречающие люди из простого народа, и не знакомые с ним, видя по одежде пастыря Церкви, одним этим видом располагаются к тому, чтобы скинуть перед ним шапку и поклониться ему, а некоторые еще и к тому, чтобы испросить себе у него благословения. Только для людей, воспитанных не на национальных

началах, и под действием заносной цивилизации утративших в себе дух церковный, перестал быть внушительным нынешний вид священника.

Между тем в наше время замечается стремление к изменению обычая, узаконившего особенную одежду для священника. Людям нового модного направления в духовном сословии противной кажется длиннополая ряса с развевающимися рукавами, – противны длинные волосы на голове. Противна была прежде и борода; но ныне люди узаконили ношение этого украшения мужчины и для людей светских, и потому борода перестала быть предметом отвращения и вызывать кислые недовольные гримасы у прежних ненавистников ее. Нередкость ныне слышать заявления, что пора бросить священникам их длиннополую одежду, и если нужно оставить ее, то разве для выхода в Церковь к отправлению богослужения, (как это принято у православных русских священников, служащих за границей), – что гораздо лучше носить им общеевропейскую одежду, употребляемую в образованном обществе, и одеваться в сюртук, а в более парадных случаях и во фрак. Модным священникам, тяготящимся своей одеждой, вторят в этом случае и многие из светских радетелей их блага. Лет пять, шесть назад был довольно оживленный спор по этому предмету даже в литературе. Органом новаторов, желавших одеть священника во фрак и сюртук и уничтожить резкое различие во внешнем виде между священником и представителями светского общества, был, как известно, *Церковно-Общественный Вестник*. Он с жаром защищал и проводил новомодные идеи касательно изменения священнической одежды, и хотя встретил серьезные возражения и должен был прекратить спор, но не считал себя побежденным в этом споре.

Мы отнюдь не сочувствуем новаторским стремлениям по отношению к изменению священнической одежды. В суждениях новаторов много важных недомыслов, и их желания возникают не из добрых, не из похвальных побуждений, и нигде не могут найти себе оправдания.

Одежда не есть случайное, произвольное, не имеющее никакого значения, облачение человека. Она связана с внутренней жизнью человека или народа. Ее характер определяется не одними климатическими условиями, но вместе с тем и еще более тем духом, каким живет тот или другой человек или народ, и какой, действуя внутри, создает такую или иную форму своего проявления и вовне. Одежда своего рода язык: как язык человека показывает принадлежность его к тому или другому племени, так точно и одежда показывает принадлежность человека к тому или другому кругу людей, живущих известными началами. Изменение ее человеком или народом свидетельствует об изменении начал их

внутренней жизни и является следствием этого изменения, и с другой стороны ведет к изменению внутреннего строя жизни. Недаром реформаторы, подобные Петру Великому, замышляя обновление народной жизни и привитие к ней новых чуждых начал, между другими средствами к тому считали нужным делать особые узаконения касательно изменения одежды и привычного убранства, употребляемого в народе, и даже с изменения костюма начинали проведение в жизнь своих реформаторских планов. Их инстинкт или государственный ум подсказывал им, что разрушение привычной привязанности в народе к своей одежде и к наследованному от дедов убранству внешнего вида непременно поведет к разрушению старых начал жизни и к изменению ее строя, и они не обманывались в своих надеждах и расчетах. Гонение Петра Великого на бороду и навязывание русским его подданным европейского костюма нельзя считать капризом гения, не имеющим для себя оснований. Недаром и люди, дорожащие внутренними основами жизни, не поддавались охотно воле реформаторов, нападавших на стародавнюю одежду, и готовы были скорее платить штрафы и терпеть гонения, чем расстаться с тем, с чем свыклись они, как со своею душою: им чуялось, и не совсем без основания, что душу их хотят выворачивать, когда заставляют изменять их внешнее облачение, служащее дополнением и выражением их нравственной личности. У каждого народа есть свои национальные одежды, и эти национальные одежды приятны, выразительны, своеобразны и характерны. Их создает народная эстетика или народная фантазия. Пока народ крепко держится основ своей народной веры и общественности, он не решится изменить своего национального костюма. Наши раскольники, где бы они ни жили, – в Румынии, Добрудже, Малой Азии, Австрии или Швейцарии, нигде не изменяют своего русского костюма и стоят за него, как за святыню, и собственно потому, что в них крепок национальный дух, создавший эту одежду, что они верны его заветам во внутренней своей жизни. Но как скоро привходят в жизнь народа чуждые, иноземные влияния, и начинает изменяться тип национальный, в обществе, образуемом из среды народа, и поддающемся наносному влиянию, является измена национальному костюму, и люди, усвоившие чужие начала, вместе с тем бросают свою народную одежду, и усваивают себе костюм тех, воздействие которых заметно в их внутренней жизни. Этнографы не только по покрою платья, но и по цветам, употребляемым в одеждах той или другой местности, определяют, и довольно безошибочно, те племенные наслоения, какие вошли в состав живущего там национального типа. Наблюдательная история замечает, что при

столкновении или совместном жительстве двух племенных рас перевес влияния одной расы над другой, прежде всего, обнаруживается в перенимании форм и цветов одежды побеждаемой слабейшей расой от сильнейшей. Когда великороссийский элемент сталкивается с каким-либо инородческим элементом, – мордовским, черемисским, и т.п. – первыми признаками подчинения инородцев русскому элементу во внутренней жизни служит то, что они оставляют свой покррой платья и начинают носить одежды русские, теряют пристрастие к прежним любимым цветам в одежде, и начинают отдавать предпочтение цветам русским, – красному, синему и белому. Очевидно, есть неразрывная связь между духовным началом, определяющим характер народной жизни, и внешним облачением, создаваемым народной эстетикой.

У нас ныне в употреблении несколько разрядов одежд, и каждый из них служит вывеской известного направления, известных начал жизни. Когда вы видите человека в русской, национальной одежде, – по этой одежде вы заключаете, что этот человек принадлежит к слоям народа, верным прадедовскому обычаю. Но есть одежда смешанная или переходная, какую носят торговцы средней руки: выделяясь из среды народа, вследствие каких-либо обстоятельств, и, хоть немного подвергаясь влиянию цивилизации, веющей сверху, люди как-то невольно и незаметно оставляют простоту прежнего костюма, и у них является нечто среднее между одеждой народной и одеждой европейской. Высшие слои нашего образованного общества, усвоившие себе начала европейской цивилизации, совершенно оставили принадлежности национального костюма, и у них принята одежда, употребляемая во всей образованной Европе. Священническая одежда, отличная по своему характеру и от одежды народной и от одежды общеевропейской, принесена к нам вместе с православною верою с Востока, и служит выражением православного религиозного начала, долженствующего одушевлять духовное сословие. Хранение и употребление ее нашим духовенством является свидетельством силы влияния этого религиозного начала в его нравственной жизни.

Что же значит после этого желание изменения священнической одежды на одежду, носимую светскими людьми, и служащую символом европейской цивилизации, началами которой живет наше образованное общество? Это значит желать подавления или стеснения религиозного начала, которому должно служить и которому должно быть верно и предано наше священство, в пользу начал европейской цивилизации и обычаев света; это значит стремиться к поставлению служителей Церкви

на одном уровне со светскими людьми и к низведению их с той высоты, на которой ставит их достоинство их сана; это значит хотеть уничтожения всякого различия между духовным и светским, между представителями духа религии и представителями духа мира. Много доброго вмещает в себе и принесла нам европейская цивилизация, но немало и дурного. По крайней мере к религии и Церкви, и в частности к вере православной ее отношение или холодно и безучастно, или прямо враждебно. Она порывает связи с Церковью у многих представителей нашего интеллигентного общества, и волны неверия, обуревающие наше поколение, и угрожающие большими опасностями нашему отечеству и нашей Церкви в будущем, привнесены к нам влиянием европейской цивилизации. Люди честные, не руководящиеся поверхностными и ветреными суждениями, увидят победу мира над Церковью в лице его духовенства, если, оно вместо своей оригинальной одежды, служащей символом религиозного начала, оденется в светский костюм, служащий выражением духа, чуждого Церкви, и глубоко поскорбят о том. Без всякого сомнения, не похвалу заслужит и в истории тот, кому удалось бы в этом случае успеть переменить нынешнюю священническую одежду на сюртук и фрак или короткие пальто. Особая одежда священническая напоминает служителям Божиим то, что сказал Господь ученикам своим: *от мира несте, но Аз избрал вы от мира (Иоан. 15:19)*. Но желающие лишить священников этой особой, одежды и советуящие им носить общий светский костюм тем самым как бы хотят сказать им: «будьте едино с миром, и ничем не отделяйтесь от него, хотя бы он был враждебен тому святому началу, служить которому вы призваны». Это была бы измена тому знамени, которое должно одушевлять пастырей Церкви на подвиг их служения, – это было бы началом отречения от тех святых и высоких идей, проводить в жизнь которые для ее освящения пастыри Церкви должны считать главным своим призванием.

Нам могут сказать, что мы преувеличиваем дело, что простому незначительному житейскому явлению даем важный смысл, какого оно иметь не может, и что новаторам, ратующим за перемену священнической одежды, приписываем такие тенденции, которых они отнюдь не признают своими. Охотно верим, что так думают наши новаторы, и легко допускаем, что у них нет сознательно антицерковного намерения, когда они хотят заменить рясу сюртуком, но не можем признать справедливыми и основательными их рассуждения. Они так говорят потому, что не вдумываются в вещи, смотрят на одни случайные внешние явления, а не добиваются до связи причин и явлений, не хотят вникать в законы

жизненных явлений и не соображают последствий, какими сопровождаются изменения в самых незначительных мелочах. Если их нельзя обличать и обвинять в прямых антицерковных стремлениях, то, во всяком случае, можно пожелать им более внимательного и более глубокого обсуждения дела. Тогда для их сознания откроются такие перспективы, каких и не подозревают они при узком и поверхностном взгляде на дело. История очень внушительно предостерегает от безразличного отношения к таким вещам, каковы одежды, и жизнь, если только серьезно наблюдать за ее течением, очень ясно показывает, что существенные изменения в одеждах имеют своим неизменным последствием изменение в направлении духа, движущего людьми. Наши новаторы спроста, без задних расчетов, требуют новых одежд для нашего священства, руководясь одним своим вкусом или подражанием моде. Но сделайте раз уступку началу реформы или разрушения установившихся порядков жизни: это начало, раз допущенное в ту или другую сферу жизни, не ограничится одной уступкой; оно потребует другой, третьей, и трудно предвидеть, где остановится это реформирующее начало. Новаторы, думавшие ограничиться переменами в одной одежде, если успеют в этом, и сами не заметят, как помимо своей воли они очутятся на таком скользком пути, который заведет их туда, куда они и не думали.

Мы желали бы знать, что собственно побуждает людей желать перемены нынешней священнической одежды, и, признаться, не находим и не слышим от других никаких разумных и нравственных оснований к этому. В самом деле, что может заставлять священников желать перемены нынешнего их костюма? Костюм нынешний, говорят, стесняет их. Но в чем стеснение? В том, что они, отличенные им от прочих светских людей, нося его, не могут позволять себе многого такого, что позволяют себе светские люди. В нем нельзя, неприлично явиться в театр, в цирк, в места общественных увеселений и т.п. Иначе, узнавая священника по костюму, будут указывать на него пальцами, и говорить, что он попал не в свое место. В том, что в нем священнику необходимо вести себя везде с особенной осторожностью, чтобы не уронить достоинства своего сана. В том, что он обязывает носящего его выдерживать особенный тон в поведении и заботиться о нравственной чистоте действий, приличной служителю Божию. Хочется смешаться с толпой, чтобы в светском костюме не быть узнаваемым, и под покровом чужой одежды свободнее вести себя и спускаться в такие низменности, до каких не допускает теперешняя ряса. Но нравственное ли это желание? Достойно ли пастыря Церкви и служителя Божия такое побуждение к перемене ныне принятой

одежды? По нашему мнению, нужно желать особого костюма для священников, нужно было создать его, если бы его не было. Для слабых, способных к увлечению, это узда, сдерживающая их от уклонения на такие скользкие пути, на которых можно потерять священническое достоинство. Для всех вообще это значительное поощрение к внимательному наблюдению над собой и к возвышению видимого строя жизни в уровень с требованиями, предъявляемыми священным саном.

Говорят, колет глаза другим одежда священническая, и некоторые не могут равнодушно, выносить ее. Но это пустая отговорка, которой нельзя придавать никакого серьезного значения. Если действительно есть такие, которым противен костюм священнический, то это разве те, которым тяжелы и ненавистны церковные и религиозные начала жизни, сдерживающие вашу волю. И таким не сам по себе противен этот костюм, а именно потому, что служит для них неприятным напоминанием о той святой, сдерживающей силе религиозного закона, от которой уклонилась их испорченная воля, и о которой они желали бы забыть вовсе. Ужели дорожить мнением таких людей? Благочестивый взор, нам кажется, скорее оскорбится, если пред ним предстанет служитель Божий в короткой и кургузой светской одежде. Наш коренной простой русский народ не захочет признать и за священника своего пастыря, если он для отправления какой-либо требы явится в его дом в костюме приказчика или станового. Это будет для него новый повод к расколу и к уклонению от Церкви; это будет для него большой соблазн, которого он не перенесет. Да и не один простой народ, но и люди образованного круга, доброго направления, считают явлением ненормальным, противным их религиозному чувству, когда видят пред собою служителя Божия во вседневном костюме мирянина. Некоторые великосветские барыни высказывали, что их религиозное чувство всегда было невольно встревожено, когда в бытность их за границей православный священник после Литургии выходил к ним в сюртуке и пальто: такой непривычный и нежелательный для них вид служителя Божия способен-де разогнать или ослабить то теплое религиозное дуновение, какое сообщает нам вера и Церковь, и какое выносится из дома молитвы после богослужения.

Если мы отвлечемся от условных отношений к одежде, наживаемых временем, и посмотрим на священнические одежды с точки зрения их нравственной целесообразности и их эстетической формы, мы не найдем в них ничего, что бы могло оправдывать нападения на них, и не можем отдать предпочтения перед ними нашим одеждам светским. Кроме климатических условий, которым одинаково может удовлетворять как

священническая, так и светская одежда, употребление одежды вызывается нравственными побуждениями, для прикрытия наготы нашего тела. В этом отношении священническая одежда более целомудренна, более удовлетворяет нравственной стыдливости, чем общеупотребительная одежда светских людей. Обнимая вполне весь стан человека, она гораздо более прикрывает *стыдения плоти нашей*, чем наши светские разрезанные и короткие одежды. И эта совершенная целомудренная прикровенность нашего тела как нельзя более отвечает характеру духовного лица и достоинству его служения. Не излишне припомнить при этом, что Сам Господь в Ветхом Завете заповедал священникам заботиться об особенном сокрытии наготы своей. Он повелел Моисею сотворить для священников *надраги льняны, покрывати стыдения плоти их, от бедр даже до стегн будут. И да имать их Аарон и сынове его... да не наведут на ся греха, да не умрут.* И это поведение обставлено в законе Моисеевом словами: *это устав вечный (да будет) для него и для потомков его по нем (Исх. 28:42, 43).* И с эстетической точки зрения вовсе не совершенство та одежда, которую всевластная мода узаконила для нашего образованного общества, и на которую иные желали бы переменить священническую одежду. Чтобы удовлетворять эстетическим условиям, одежда должна быть одеждой движущейся, свободной, полной, и не должна стеснять человека и препятствовать движению его членов. Мы не видим, чтобы этим требованиям больше отвечал светский костюм, чем нынешний духовный. Широкая священническая одежда придает человеку, носящему ее, более строгий, степенный и величественный вид, чем короткий и урезанный сюртук с прочими принадлежностями светского костюма. И при ней меньше стеснения для деятельности членов нашего тела, чем при бальном костюме. В этом светском костюме жесткие и резкие формы; всюду снурок и принуждение; все более или менее стянуто, и нет свободы и выражения. Мы привыкли к этому костюму; но у эстетиков он встречает самый беспощадный суд. Фишер не находит слов, чтобы достаточно изобразить все безобразие наших модных одежд, образовавшихся из грубой готской одежды. Самую парадную нашу одежду, – фрак, – он представляет самой смешной и безобразнейшей из всех мыслимых одежд: без нужды и без цели урезанный спереди, он имеет хвост позади; этот хвост назначен для прозаического кармана, который в средние века гораздо изящнее носили, как особую привеску, на красивом ремешке или цепи; кривая линия хвоста или разреза, идущая по бедрам, безобразным манером перерезывает органическую форму тела... Немного лучший отзыв заслуживают у него другие принадлежности нынешнего европейского

костюма. По его словам, форма, данная модой нашей одежде, такая урезанная, «жалкая, голодная, холодная, и не приглядная, что самый последний нищий из народа, может чувствовать побуждение подать пфенниг, (или копейку), самому богатому из нас для сооружения более приличного костюма»³¹. И на такой костюм, карикатурный и нищенский по форме, менять простую, но в то же время приличную и величественную священническую одежду – это было бы признаком неразумия и свидетельством искаженного вкуса.

Если не убедительны для кого представленные нами соображения, тот пусть обратится к истории и положительным узаконениям, и здесь он найдет прямые распоряжения, направленные к сохранению особой одежды священнослужителей, которой нельзя переменять по прихоти или произволу. Правда, в самые первые века христианства, когда еще не успели определиться подробности внешнего проявления церковной жизни, не было различия в одеждах между царскими и освященными людьми. Все благочестивые христиане считали нужным соблюдать возможную скромность в своем наряде: эта целомудренная скромность была главным руководительным началом, которому следовали все члены новосозидаемой Церкви по отношению к выбору и употреблению одежд. Климент Александрийский в своем Педагоге³² не столько дает правило, сколько указывает на то, что было в его время, когда говорит, что «людям чистым прилично пользоваться чистыми, белыми и не изысканными одеждами». Христиане знали и употребляли только шерстяную или льняную одежду, – белую или темно-коричневую. Но по мере того, как развивалась и определялась церковная жизнь и вырабатывались формы общественных отношений, – клир, выделенный из мирян, и внешним образом отличался от них. История не может указать точно, когда явился обычай, установивший особую одежду для лиц, принадлежащих к клиру; но несомненно, что он явился довольно рано. На VI Вселенском Соборе, или Трулльском, обычай этот возведен в закон; 27 правилом этого Собора предписано всем духовным, где бы они ни находились, носить одежду, которая дана или определена для них прежде, и запрещено употреблять одежду мирских людей. *Никто из числящихся в клире (говорит это правило) да не одевается в неприличную одежду, ни пребывая во граде, ни находясь в пути: но всякий из них да употребляет одежды, уже определенныя для состоящих в клире. Аще же кто учинит сие: на едину седмицу да будет отлучен от священнослужения.* А так как этот Собор не хотел составлять новых правил, а прекрасным и крайнего тщания достойным признал то (как читаем во 2-м правиле этого Собора), чтобы

отныне тверды и ненарушимы пребывали приятыя и утвержденныя бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами, а также и нам переданныя именем святых и славных апостолов, то отсюда естественно вытекает то заключение, что правило о ношении клириками одежд, уже определенных для них, – не нововведение Шестого Вселенского Собора, а только подтверждение обычая, бывшего в силе задолго до него. После этого мысли об изменении одежд, усвоенных клиру, нельзя не признать мыслью антиканонической, и во имя канонов церковных нельзя не отвергать ее.

Распоряжения, подобные приведенному нами правилу Шестого Вселенского Собора, встречались и в последующие века. Для западного духовенства подтверждено правило о ношении особой, ему усвоенной, одежды римским собором 743 года (3-е правило). Даже в протестантских обществах, где заметно больше стремления к сглаживанию различия между людьми духовными и светскими, чем в нашей восточной и римско-католической Церкви, даже и там не раз давались и подтверждались распоряжения о том, чтобы пасторы, и вне церкви, когда не отправляют возложенной на них службы, и являются в обществе не по вызову своих обязанностей, постоянно носили свою духовную одежду; потому что (говорит дармштадский церковный указ 1629) в духовных, позволяющих себе являться в светской одежде, не будут видеть духовных, и через это они могут иногда подвергаться оскорблению; и потому что (говорит другое распоряжение 1720 г.) духовным лицам прилично и во внешнем виде отличаться от простого народа.

Таким образом, трудно найти законное основание или оправдание для желания переменить нынешнюю священническую одежду на одежду светскую.

Но и при употреблении узаконенной для священника одежды приличие налагает на него обязанность соблюдать законную меру в своем внешнем убранстве. Чтобы не уронить своего достоинства и не подать повода к соблазну и осуждению, ему нужно избегать с одной стороны щегольства и изысканности, с другой стороны неряшества. «Темных одежд не носи точно также, как и светлых (говорит блаж. Иероним в письме к Негоциану об образе жизни клириков). Щегольства и неопрятности одинаково должно избегать: первое говорит о любви к удовольствиям, а второе о тщеславии. Похвально носить льняную одежду, но не обращать внимания на ее ценность. Но смешно и крайне неприлично, разставляя карман, хвастаться, что не имеешь платка для утирания пота».³³

Щегольство в священнике противно той скромности, печать которой

должна лежать на всех его действиях, на всех обнаружениях его внутреннего существа. Заботясь об излишнем убранстве своего внешнего вида и о некоторой изысканности своего костюма, священник платит добровольную дань той суетности, которой служить мода со своими малозначащими и часто жалкими изобретениями, и от которой желает предохранить своих служителей св. Церковь, давши им одежду, на которую не смеет простирать своего влияния изменчивая мода. А ныне попадают эти добровольные данники суетности, в особенности между молодыми священниками. У них подстриженные волосы, подрезанная борода, ряса какого-либо необычного цвета, бросающегося в глаза, и укороченная против обыкновенной формы из-под рясы виднеются выпущенные на сапоги брюки, не всегда черные, а иногда пестрые и клетчатые, над рясою широкие накрахмаленные воротники; у них не застегнута ряса на груди, как у прочих священников, а намеренно отворочена, отворочены и края рукавов рясы, суженных против других, – и там, и здесь блестит какая-либо яркая шелковая оторочка или подкладка; в руках вместо трости священнической маленькая палочка, какую носят светские люди; на голове шляпа, взятая из модного магазина. Когда идет по улице в городе такой франт-священник, на лице его видно выражение самодовольства и самоуслаждения. Но на сторонних зрителей он далеко не производит такого впечатления, какого ожидает. Людям, привыкшим к скромному и почтенному виду служителей Божиих, неприятно режет глаза такое франтовство лиц, облеченных званием пастыря Церкви, и многие, встречая на дороге такого щеголя-священника, провожают его двусмысленной улыбкой. «Экой шут гороховый!». Вот какой отзыв дал один из богомольцев среднего класса, когда случайно встретил на дороге в Киев священника, одетого по-модному, с претензией на оригинальность в костюме.

Если противно в священнике суетное увлечение щегольством, то с другой стороны не достойно его и допущение неряшливости в костюме. Священник не должен забывать, что сан его обязывает его хранить благородство и чистоту своей внешности. Грязь, нечистота, неопрятность везде дурны, как выражение внутреннего беспорядка; но особенно они предосудительны в человеке, поставленном на виду, и более или менее возвышенном над другими. Они роняют достоинство сана, какой он носит, и могут подрывать уважение к нему. Когда священник является с нечесаными, всклокоченными волосами, в засаленной и грязной одежде, совершенно утратившей свой первоначальный цвет, пожалуй, дырявой или заплатанной, чувствуется как то неловко, жалко и тяжело, – чувствуется,

что совершенно не таков должен бы быть вид служителя Божия. Дело не в том, чтобы одеваться богато и роскошно. Нет, роскошные одежды вовсе не нужны для священника. Пусть он одевается просто, – пусть костюм его будет из самых дешевых материй. Но нужно для приличия, чтобы все у него и на нем было чисто и в порядке. Можно немного тратить денег на костюм, но в то же время, и при небогатой одежде, можно не нарушать требований чистоты и порядка. Чистота и порядок при бедности способны внушить уважение к человеку, их поддерживающему. Иначе, если священник небрежет о своем костюме, и ходит неряшливо, скажут, что это человек опустившийся, не заботящийся поставить себя на том уровне, на котором желательно видеть служителей Божиих. В особенности священник должен быть внимателен к своему внешнему виду, когда идет совершать службу Божию. В это время вся внешность его должна быть приведена в такой порядок, чтобы видящие его, по виду его, могли замечать, что он идет совершать великое и святое дело Божие, и что он чувствует высоту той тайны, к которой приступить намеревается.

IV. Семейная жизнь священника

Подобает епископу (или священнослужителю) быти непорочну, единыя жены мужу... свой дом добре правящу чада имущу в послушании со всякою чистотою: Аще же кто своего дому не умеет правити, како о Церкви Божией прилежати возможет (1Тим. 3:2, 4–6)? Женам такожде чистым, не клеветивым (не навадницам), трезвенным, верным во всем (1Тим. 3:11). Сего ради оставих тя в Крите (читаем мы в другом послании апостола), да недокончаная исправиши, и устроиши по всем градом пресвитеры, якоже тебе аз повелех. Аще кто есть непорочен, единыя жены муж, чада имый верна, не во укорении блуда, или непокорива (Тит. 1:5, 6).

Рассуждение о семейной жизни священника и ее устройении нельзя начать лучше, как приведением относящихся сюда богодуховновенных слов святого апостола. В них содержатся основные руководящие правила по этому предмету для всех христианских веков.

1. Православный взгляд на брачную жизнь священника

Священнику прилично, и от священника требуется скромная, сосредоточенная жизнь. Но эта скромная священническая жизнь не отшельничество; звание священника не налагает на него такого сурового ига, какое принимают на себя по особому обету люди, обрекающие себя на аскетические подвиги иночества, – и отречение от семейства, от семейных забот и радостей не входит в число условий, которых выполнение необходимо для принятия священнического сана. Брачная, семейная жизнь священника предполагается словами апостола, хотя она не предписывается ему никаким церковным канонам, как непрременная обязанность.

В римско-католической церкви, со времени папы Григория VII (1076), сделано обязательным безбрачие духовенства. При известных условиях оно допускается и у нас: по законоположениям 16 апреля 1869 года дозволяется рукополагать в сан дьякона и священника и неженатых, равно как и вдовых после первого брака, по достижении ими сорокалетнего возраста, если они известны епархиальному начальству безукоризненной жизнью. Но в практике бессемейные или неженатые священники в нашей русской Церкви составляют редкое исключение. На всю Россию таких священников едва ли наберется десяток-другой. Можно бы желать больше таких исключений. Бывают положения и времена, когда безбрачный и бессемейный священник, больше может оказать пользы Церкви, чем семейный. Так, например для миссионерского служения могли бы быть избираемы по преимуществу священники, не связанные семейными узами. Обязанный переезжать с места на место и иметь в своем ведении приходы, простирающиеся на целые тысячи верст, как в наших сибирских тундрах, священник-миссионер не может посвящать много времени семейству. Для него дом должен быть там, куда призывают его обязанности его служения. Походную жизнь, вынуждаемую условиями миссионерства, удобнее вести человеку одинокому, чем обремененному семейством. Да и больше самоотверженной преданности делу в этом случае можно предполагать у человека, которого не отвлекает от трудов служения среди чужих людей мысль о своих близких, ждущих своего отца-кормителя и тоскующих по нем. Дальше, больше бессемейных священников могли бы требовать времена гонений и преследований Церкви, и вообще времена общественных бедствий и волнений. Когда угрожают священнику в его имуществе и в его жизни за преданность своему долгу, тогда конечно в более тяжелом положении чувствует себя человек, который, как глава

семейства, должен заботиться и думать не о себе только, но и о других, связанных с ним союзом кровной любви, чем человек одинокий. При большей тяжести жертвы, требуемой в этом случае от семейного священника, ему естественно более колебаться, чем человеку, живущему одной своей головой, и скорее можно изменить верности долгу, чем первому. Но времена гонений и преследований исключительные времена. При покровительстве Церкви нашего правительства, от нас далека мысль о подобных временах, и дай Бог, чтобы никогда не увидали их и наши потомки. Но говоря об условиях жизни священника, мы должны представлять все возможные, и самые крайние, положения. Наша цивилизация, несмотря на все ее успехи, не обезопасивает служителей Церкви от преследований: в ней таятся и зреют семена дикости и начала, противные вере и христианству. Времена преследований служителей Церкви всегда возможны, как показывает краткосрочный период господства парижской коммуны, – и страдания за преданность долгу пастырей Церкви дело бытовое и в наши дни, как показывает пример нескольких пастырей нашей Православной Церкви, скончавшихся мученически от рук жандармов-вешателей польской sprawy во время польского мятежа. Но как ни желательно при известных условиях увеличение числа безбрачных священников, во всяком случае, в Православной Церкви они всегда были и будут немногими исключениями.

При установившемся у нас порядке вещей, брачная семейная жизнь священников более обычное и естественное явление, чем жизнь одинокая. В древние времена находились люди, которые смущались брачной жизнью священников и гнушались принимать причастие от служителей алтаря, имеющих семейство, и живущих с женой. Встречаются и ныне, хотя очень редко, такие радители благочестия и святости, которые священнослужителя инока предпочитают священнослужителю женатому, и от первого надеются как будто больше получить благодатной силы в таинстве, им совершаемом, чем от второго. Вселенская Церковь весьма неблагоприятно относилась к подобным неразумным ревнителям чистоты церковной: в их воззрениях она видела опасное и грубое заблуждение и соборным голосом осудила его. Она высоко ценила и ценит девство, принимаемое тем или другим человеком, но отнюдь не хотела и не хочет унижить брак, учрежденный Самим Творцом и благословенный Господом, и пренебрегавших этим божественным учреждением подвергала строгому осуждению и отлучению. *Аще кто из девствующих рада Господа будет превозноситься над бракосочетавшимися* (постановили отцы Гангрского собора (340 г.): *да будет под клятвою* ³⁴. Она запрещала пресвитерам,

имеющим жен, разводиться с ними под видом благоговения, угрожая в противном случае отлучением от общения церковного и извержением от священного чина (Апост. прав. 5). А на тех из мирян, которые соблазнялись брачной жизнью священника, и стеснялись принимать от него благодать в таинствах, она налагала клятву. *Аще кто о пресвитере, вступившем в брак, разсуждает, яко не достоин причащаться приношения, когда таковый совершил литургии* считаем мы в правиле того же Гангрского собора): *да будет под клятвою*. В этом отношении особенно замечательно 13-е правило Шестого Вселенского Собора: оно со всею обстоятельностью разъясняет дело, которое иным кажется спорным, и навсегда узаконяет тот священный порядок, который наша русская Церковь наследовала от древности, и по которому честный брак не содержит в себе ничего, несовместимого с высотой священства. *Понеже мы уведали, (постановили отцы Шестого Вселенского Собора), что в римской церкви, в виде правила, предано, чтобы те, которые имеют быти удостоены рукоположения во диакона или пресвитера, обязывались не сообщатися более с своими женами: то мы, последуя древнему правилу апостольскаго благоустройства и порядка, соизволяем, чтобы сожитие священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимым, отнюдь не расторгая союза их с женами, и не лишая их взаимнаго в приличное время соединения. Итак, Аще кто явится достойным рукоположения в иподиакона, или во диакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будет препятствием к возведению на таковую степень сожитие с законною супругою: и от нею во время поставления да не требуется обязательства в том, что он удержится от законнаго общения с женою своею, дабы мы не были принуждены сим образом оскорбить Богом установленный и Им в Его пришествии благословенный брак: ибо глас Евангелия вопиет: яже Бог сочета, человек да не разлучает (Мф. 19:6): и Апостол учит: брак честен и ложе нескверно (Евр. 12:4): такожде: привязался еси жене, не ищи разрешения (1Кор. 7:27)... Аще же кто, поступая вопреки Апостольским правилам, дерзнет кого либо из священных, то есть пресвитеров, или диаконов, или иподиаконов, лишати союза и общения с законною женою: да будет извержен. Подобно и Аще кто, пресвитер, или диакон, под видом благоговения, изгонит жену свою: да будет отлучен от священнослужения, а пребывая непреклонным, да будет извержен.*

Церковь не возбраняет брачной жизни священникам по двум причинам. Первое, низшее, побуждение к допущению брачной жизни духовенства имеет в своем основании потребности нашей плотской

природы. Во внимании к этим потребностям нашей природы, апостол Павел заповедует христианам *лучше жениться, нежели разжизниться* (1Кор. 7:9). По-видимому, в деле священного служения менее всего можно бы давать поблажки низшим побуждениям нашей природы, и от людей, избирающих своим жребием жизнь священника, естественно требовать возвышения над этими потребностями и отречения от них. Но святые отцы признали это неудобноносимым игом и рассудили, согласно с указаниями Самого Господа, что *не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть* (Мф. 19:12). Была мысль возложения этого ига на всех, призываемых к служению Церкви, у некоторых отцов Первого Вселенского Собора. Но против нее восстали люди святой жизни и высокого аскетического настроения, прошедшие жизнь в победоносной борьбе с разными искушениями, и она согласным голосом отцов собора, после совещания, признана была непрактичной. Священнику по обязанностям своего звания приходится иметь дело с людьми разных полов, возрастов и состояний, и в разных обстоятельствах жизни. При этих сношениях, в особенности с лицами другого пола, ему, при безбрачном состоянии, может открываться весьма тяжелая борьба с соблазном, из которой нелегко выйти победителем. Недаром в странах римско-католических, где узаконено обязательное безбрачие духовенства, в народе ходит множество рассказов о ксендзах слишком скандалезного свойства. Связи незаконные у людей, обязавшихся безбрачием, сплошь и рядом заменяют там брачный союз, благословенный Богом. Если даже не предполагать частого прямого падения в священнике безбрачном при сношениях с лицами другого пола, нужно по возможности остерегаться его от приражения нечистых помыслов, не соответствующих святости его служения. А это приражение греховных вожделений ближе к человеку, живущему вне брачного союза, чем к тому, кто испытал и радости, и тяготы семейной жизни. Брачные узы, дозволяемые Церковью священнику, в этом случае служат для него спасительным средством к укрощению и усмирению страстных возбуждений. Безбрачие великая жертва Богу, которую приносят для снискания Царства Божия люди, имеющие в виду высшее нравственное совершенство. Но тех людей, которые по доброй воле возлагают на себя обет безбрачия или совершенного целомудрия, Церковь зовет в пустыни, чтобы здесь вдали от общества человеческого, вдали от всех житейских соблазнов, они беспрепятственно могли выполнять воспринятый ими на себя обет. Она не позволяет без нужды частого обращения с миром, а тем более с лицами другого пола, и людям, уже утвердившимся в аскетических подвигах, не доверяя их полному безстрастию и справедливо опасаясь, как

бы соприкосновение с миром не лишило их венца подвижнического. Священнику же, по долгу его звания, невозможно жить в отрешении от мира, вдали от людей и от условий обыденной жизни. Потому и не налагается на него подвиг добровольного воздержания от брака.

Но порядок, существовавший в Православной Церкви и допускающий брачное состояние духовенства, принять во внимание не по одному низшему, сейчас указанному нами, побуждению. Мы видим здесь действие соображений высшего нравственного достоинства. Семейство есть место для олицетворения и выражения чистой самоотверженной любви христианской, по указанию св. апостола Павла, облеченное особым таинственным величием и представляющее из себя отрасль любви, связующей Христа с Церковью (Еф. 5:31.32). Каждое семейство в христианстве; есть малая церковь, и все тело Церкви составляется из совокупности таких малых церквей, на которые, при созидании их, призывается особое благословение и особое содействие освящающей благодати в таинстве брака. В видах религиозно-нравственных, в видах устройства Царства Божия на земле, весьма важно, чтобы в каждом более или менее значительном круге, в каждом приходе во главе всех малых церквей, его составляющих, стояла домашняя церковь служителя алтаря, во всем подобная другим малым церквам, но устроенная соответственно всем высоким требованиям христианской жизни. В благословенном браке, в доброй семейной жизни священника Церковь представляет образец для других, живущих подле него, и в особенности для вверенных его нравственному руководству. При безбрачии священника в его жизни не может быть всей полноты тех условий, из каких слагается обыкновенная домашняя жизнь христиан, и уже одним средством у него меньше быть полезным обществу: в его одиноком доме, в устройении им своей жизни, чисто личной и особой, нет полного назидательного примера для людей, живущих семейной жизнью.

2. Руководящие правила касательно устройства семейной жизни священника

Как скоро в порядок церковный введена брачная, семейная жизнь священника, весьма естественно и необходимо заботиться о возможно лучшем устройении ее и самому, призываемому к священному служению, и людям, имеющим влияние на направление и ход церковной жизни. Служение священника между прочим есть служение добрым примером, и этот добрый пример должен подавать он не одною своею личностью, не одним своим поведением: вместе с ним должны служить примером для других и его домашние. Вообще вся обстановка жизни священника, и все, с чем непосредственно соприкасается он, и что более или менее зависит от его воли, должно служить отражением того святого духа, какой Церковь желает видеть в слугителе Божиим.

Святая Церковь, в видах устройства допускаемой ею семейной жизни священника, соответственно требованиям ого высокого служения, дала несколько руководящих правил, какими должно определяться свойство и поведете членов священнической семьи. Блюдя достоинство священного сана и охраняя доброе влияние священнического примера, Церковь требует, чтобы все члены семьи человека, призванного к служению престолу Божия, были православные и отличались честным, незазорным поведением. Ему не позволено иметь женой иноверную (Четвертого Вселенск. Собора прав. 14) и даже нельзя без *разбора совокупляти детей своих брачным союзом с еретиками* (Лаод. Соб. прав. 10 и Карф. пр. 30). По правилу Карфагенского Собора *епископы и пресвитеры и диаконы не прежде да поставляются, разве когда всех в доме своем соделают православными христианами* (тоже требование заключается и в 14 правиле Четвертого Вселенского Собора). Далее, в охранение нравственной чистоты семейного дома священнического, по правилам церковным, может быть удостоиваем рукоположения во священника из людей, не отказывающихся от семейной жизни, только человек, вступивший в брак с *девицею честною. А взявший в супружество вдову или отверженную от супружества, а тем более не целомудренную (блудницу или позорищную) не может быти епископ, ни пресвитер, ни диакон, ниже вообще в списке священнаго чина* (Апост. прав. 18, Шестого Всел. Собора прав. 3). Требование нравственной чистоты от жены священника так строго, что *если она впадет в прелюбодейство, по рукоположении мужа, то он должен развестися с нею. Аще же сожительствует: не может касатися*

служения, ему порученного (Неок. Соб. пр. 8).

Но этого мало, чтобы в семейной жизни священника не было нарушения прямых постановлений Церкви. Соборные правила, нами указанные, намечают только главные черты того характера, какой должен быть выдержан в жизни и поведении священнического семейства, но не определяют полноты всех тех условий, соблюдение которых необходимо для поддержания на надлежащей высоте нравственной чистоты и достоинства семейной жизни священника. Дух, которым продиктованы эти правила, должен быть усвоен во всей целостности священником и членами его семьи, – и тогда сама собой устроится добрая жизнь в семейном доме священника. В древней Церкви не было подробных правил, определяющих условия достойной священнической жизни; но служители Божии, руководимые духом Христовым, в устройении своей семейной жизни были влиятельным образцом чистой семейной нравственности; их безупречная жизнь снискивала им уважение и немало содействовала утверждению начал христианства среди тогдашнего христианства. Видя благотворное влияние семейств христианских пастырей на окружающую среду, Юлиан богоотступник, с целью ослабления этого влияния и в видах конкуренции христианству, предписывал языческим жрецам держать своих жен, детей и слуг в возможной чистоте нравов.

3. Жена священника

При устройении семейной жизни в соответствии с требованиями, предписываемыми священнику духом Церкви и сознанием его высокого служения, первый самый важный вопрос для человека, избирающего священство своим жребием, представляет выбор для себя достойной спутницы жизни. В этом деле кандидату священства нужно быть особенно осторожным и осмотрительным, в виду того, что он, но принятию священнического служения, будет отвечать не только за себя, но и за поведение и настроение своей жены и своих детей, если Господь благословит его ими. Чем же руководиться кандидату священства при выборе для себя супруги?

Трудно указать в этом случае точные правила, с которыми бы каждый сообразовался при решении такого важного вопроса жизни, какой представляет заключение брака. Можно начертить прекрасный идеал женщины, которая достойна разделять жизненный подвиг с пастырем Церкви, можно составить подробный реестр тех качеств и добродетелей, какими должна отличаться невеста будущего священника. Но эти идеальные предначертания оказываются мало приложимыми к делу, когда решается такой практический вопрос жизни, как брачное соединение двух любящих сердец. Слово: *выбор* жены или спутницы жизни, какое мы употребили, приступая к речи об этом предмете, и какое встречается в подобных случаях, у людей, писавших об устройении семейной жизни священника (Практическое руководство для священнослужителей, Нечаева, §29; Пастырское богословие архимандрита Антония, §50) своим прямым смыслом не отвечает существу дела. Брак не есть дело одного рассудка и не должен быть таким; настоящий правильный брак не бывает результатом простого холодного расчета. Брак прежде всего дело сердца: в молодом человеке, когда он решает вступить в брак, определяющей силой являются не холодные соображения, не рассудочное применение носящегося в голове идеала к той или другой особе, а влечение сердца, часто совершенно внезапное и действующее помимо всех расчетов. И когда поддается человек этому влечению, тогда трудно подвергать холодному анализу и испытанию избранницу сердца. Притом влечение сердца, решающее дело брака, не может безразлично простирается на несколько особ; оно обыкновенно сосредоточивается на одном предмете, и тем самым устраняет простой выбор одной из многих. Наконец, браки заключаются, в особенности со стороны лиц женского пола, в такие

молодые годы, когда в девице, избираемой в невесты тем или другим человеком, не выяснился и, можно сказать, не определен вовсе ее нравственный характер, и когда на основании даже близкого знакомства с нею нельзя с уверенностью сказать, какой она будет женой впоследствии, и как сложится ее характер, по достижении ею полной нравственной зрелости. Каждый брак есть своего рода риск, который должен быть предпринимаем с надеждою на Бога, – и каждый счастливый, благословенный брак есть особенная благодать Божия, за которую нельзя давать наперед человеческого ручательства. Недаром установлено в Церкви таинство брака, и недаром при заключении каждого брака молитвенно испрашивается и свыше низводится от Бога на брачующихся таинственная благодать, освящающая их союз и утверждающая их взаимное согласие и семейное счастье.

Но нельзя предоставлять одной случайности дело такой великой важности, имеющее роковое значение для человека на всю жизнь, как заключение брака. И при надежде на божественную благодать, устрояющую счастье людей, нельзя не придавать значения советам благоразумия, нельзя не взвешивать побуждений, склоняющих решение самоопределяющей воли в ту или другую сторону. Куда ж советы благоразумия могут направлять волю кандидата священства, ищущего себе супруги или спутницы жизни?

При решении этого вопроса, можно дать одно руководящее указание: пусть человек, имеющий в виду быть священником, ищет себе супругу в благочестивых семействах, преданных Церкви и свято блюдущих ее уставы. В пастырском богословии Антония «советуется кандидату священства избирать себе супругу *непрерывно* из духовного звания (§50 п. б.): ибо взятая из другого звания (по его словам) может принести с собою вовсе чуждый дух, или образ мыслей и чувствований, нравы и обычаи». Мы не скажем этого и не поставим происхождения от родителей духовного звания непрерывным условием, которому должна удовлетворять невеста кандидата священства. Семейств, расположенных к Церкви и живущих по духу благочестия, есть довольно и в кругу мирян. Но, во всяком случае, надежнее всего кандидату священства искать себе супруги в таких семействах, духовных или светских, в которых блюдутся строгие благочестивые нравы. В таких семействах заботятся о том, чтобы дать доброе воспитание и доброе религиозное направление детям, и юные члены таких семейств выносят с собою из дому настроение, наиболее соответствующее тому духу, каким должен отличаться и какой должен встречать в окружающих себя пастырь Церкви. Правила и привычки, каких

должен держаться священник в своей домашней жизни, не будут казаться новыми и тяжелыми для его жены, если он возьмет ее из такого семейства. Но те светские семейства, на которых мало заметно влияние Церкви, и который не руководствуются в своей жизни духом религии и не держат церковных уставов, не могут привлекать к себе внимание кандидата священства, человека более или менее благочестивого и преданного Церкви, и среди них ему не следует искать себе жены-помощницы на житейском поприще. Если бы случилось какому-либо кандидату священства вступить в брак с девицей, возросшей среди такого семейства, то едва ли бы не почувствовалась, при первом устройении семейных обычаев, большая дисгармония между мужем-пастырем Церкви и его женой, воспитанной в семействе, не отличающемся преданностью Церкви. Тогда от него может потребоваться большой труд, чтобы подчинить ее своему влиянию и заставить уважать те требования, каким необходимо удовлетворять в семействе служителя Божия, или и сам он может поступиться многим из того, соблюдение чего считает необходимым по сознанию и указанию своей пастырской совести, чтобы только избежать семейных раздоров. В таком случае в доме священника может водвориться порядок, которому свойственнее быть в доме светского человека, чем духовного, и который для стороннего, хотя бы и невольного, наблюдателя может подавать немало поводов к соблазну. В настоящее время между молодыми девицами не только светского, но нередко и духовного происхождения встречается немало таких, которые не хотят соединять своей судьбы с людьми, имеющими в виду посвятить себя пастырскому служению. Иной человек кажется вполне достойным и заслуживает всякого внимания; но если он объявляет, что он хочет быть священником, от него сторонятся такие девицы, которые без того готовы были бы соединить с ним свою судьбу. Это происходит с одной стороны от недостатка уважения к высокому званию служителя Божия, а с другой от желания светских развлечений, которых пастырь Церкви, при ограничениях, налагаемых на него званием, не может доставлять своей супруге. Как скоро замечается такое, недружелюбное к священству, расположение в молодой девице, – кандидат священства должен отказаться от мысли иметь ее своей женой, хотя бы она в других отношениях возбуждала его расположение к себе. Не для чего сходиться вместе и думать о заключении нерасторжимого союза на всю жизнь таким лицам, которые смотрят в разные стороны и хотят идти по расходящимся дорогам, из которых один желает посвятить себя на служение Церкви, а другая стремится платить дань миру и его суетности. Отсюда может

проистекать много разных и нескончаемых пререканий и неудовольствий. В невесты кандидату священства не годятся модные и светские девицы, думающие о нарядах, танцах, балах и других подобных развлечениях, не любящие сидеть дома и избегающие домашних занятий, свысока смотрящие на то служение, какое несут пастыри Церкви. С такими спутницами жизни трудно священнику устроить свой домашний кров, согласно с требованиями Церкви. Их место не в скромном доме пастыря Церкви, а в светских салонах, где можно думать больше об удовольствиях, чем об обязанностях.

В жене священника желательно видеть женщину скромную, мирную и сдержанную, которая бы своими желаниями не уносила в великосветские круги, и довольная своим положением способна была охранять покой своего дома, – женщину, отличающуюся безупречной нравственностью, которая никаким поступком не могла бы подать повода к соблазну и осуждению себя, а через себя посредственно и к осуждению своего мужа, – женщину религиозную и благочестивую, отнюдь не пренебрегающую тем служением, какое избрал супруг ее, а напротив высоко уважающую звание служителя Божия и дорожащую счастьем разделять с ним тяготу жизни, – женщину, преданную своему мужу, сочувствующую всем его заботам, и не уступающую ему в строгом исполнении уставов Церкви, обязательных для каждого христианина, и при этом женщину, достаточно образованную, для того, чтобы разделять чувства и стремления своего супруга, человека более или менее развитого школьным образованием, и чтобы уметь поставить свой дом соответственно тому уровню, на каком стоит домашняя жизнь в классе людей образованных. Когда отыщется такая жена для человека, посвящающего себя пастырскому служению, она будет для него *помощницею, соответвенною ему*, и будет отвечать тем целям, какие имел премудрый Творец, когда при творении человека, в Своем троичном совете нашел, что не *добро быти человеку единому* (Быт. 2:18), и когда, создав жену из ребра мужа, привел ее ко Адаму.

Добрая жена священника может быть помощницей своему мужу во многих отношениях. Она берет на себя главную часть забот по устройению и приведению в порядок домашнего хозяйства. Освобождая мужа от хлопот по этому делу, она дает ему больше свободы и возможности посвящать себя и свое время на труды, вызываемые пастырским долгом. Уверенный в ее заботливости о домашнем хозяйстве и ее умении вести его, он спокойно отправляет свою службу, и когда возвращается домой, знает, что все здесь в порядке, и все приготовлено, как следует. Верная

идеалу добродетельной жены, начертанному некогда премудрым Соломоном, она, не беспокоя своего мужа, *добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками... она встает еще ночью* (раньше всех в своем доме), *и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим, задумает она о поле и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноград... Она чувствует, что занятие ее хорошо, и светильник ее не гаснет и ночью, – протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено... не боится стужи для семьи своей, – потому что вся семья ее одета в двойные одежды... Наблюдая за хозяйством в доме своем, она не ест хлеба праздности. Встают дети, – и улаживают ее, – муж, – и хвалит ее. Цена ее, по словам Премудраго, выше жемчуга (Притч. 31:10–28).*

Другая помощь мужу-священнику от жены своей – в воспитании детей. Мужу, занятому внешней деятельностью и часто разными требованиями отвлекаемому от своего дома, нельзя с таким постоянством следить за детьми своими, как то может делать его жена, сосредоточенная главным образом на заботах о доме своем, и видящая в служении семье своей первое свое призвание. Да у нее больше сердечного влияния и материнской мягкости и теплоты, чтобы плодотворно действовать на детей в нежном возрасте.

Далее жена немало может облегчать мужу несение подвига жизни вообще. Присутствие при священнике благословенной для него Церковью помощницы, вполне сочувствующей ему и готовой разделять с ним как его заботы, так и радость и горе, способствует поддержанию и сохранению в нем бодрости и энергии духа. Оно освобождает его от невыгод тяжелого одиночества, способного наводить уныние на человека слабохарактерного, в особенности при встрече с какими-либо житейскими невзгодами, для подавления которого бессемейные люди часто прибегают к опасной чарке, доставляющей минутное забвение тяжелого положения. Оно доставляет человеку неисчерпаемый и самый близкий источник утешения, в котором не может не нуждаться священник, идущий по неровному пути жизни. Могут постигать его разные неприятности, – от прихожан, от соседей и сослуживцев, от начальства, от таких или других ударов неприветливой судьбы: может он испытывать разные неудачи и тяжелые разочарования; могут ослабевать его силы в борьбе с такими или иными препятствиями при стремлении к доброй, намеченной им цели, и т.п.: в таких случаях одно доброе слово сочувствия лица, соединенного с человеком, вызванным на жизненную борьбу, уже может иметь великую силу ободрения и успокоения. Он не падет духом, когда видит и знает, что подле него есть

другое лицо, готовое взять на себя часть бремени, его подавляющего. Здесь важно не одно деятельное участие в труде мужа, но и простое нравственное сочувствие. Поддерживаемый этим, всегда верным себе и неизменным, сочувствием, он с большей ревностью будет браться за те задачи, которые предлагает ему жизнь, перед ним развертывающаяся.

Наконец священник может встречать помощь в жене своей и при исполнении долга своего звания. Правда, жена не может принимать непосредственного участия в том, что возлагается Церковью на пастыря, как на лицо освященное, получившее особенные полномочия от иерархической власти для совершения своего высокого служения. *Жены ваша в церквах да молчат* (говорит св. апостол Павел): *срамно бо есть жене, в церкви глаголати* (1Кор. 14:34, 35. Ср. 1Тим. 2:11, 12). Пленять людей в послушание Христово жены, по «апостолу Петру, могут житием без слов, когда другие видят их чистое, богобоязненное житие (1Петр. 3:1, 2) В отношении к совершению священного дела служителя Божия нет разницы между женою священника и другими женами, – женами мирян: как те, так и она должна быть вдали от алтаря Господня. Но обязанности пастыря Церкви очень многосложны, и он призывается содействовать устройению и лучшему направлению жизни прихожан в различных ее отношениях. Он не только совершитель богослужения и треб церковных для душ, вверенных его пастырскому руководству, не только поставленный Богом учитель веры и нравственности: чувство долга может побуждать его оказывать помощь своим прихожанам в разных нуждах, ими испытываемых. Он сделает достойно своего звания, если будет заботиться о бедных и больных своего прихода и не останется безучастным при какой-либо беде, разразившейся над той или другой частью его прихожан. Он призывается устроить школы и содействовать распространению доброго просвещения в своем приходе. От него ищут утешения и советов не в одних делах церковно-религиозного свойства, но и в разных житейских столкновениях и неурядицах, например, при семейных раздорах. Во всех этих и подобных случаях добрая жена может быть незаменимой для него помощницей, если она сознает призвание своего мужа и достаточно развита и образована, чтобы оказать ему в том или другом случае существенное содействие. Она может взять на себя часть заботы о бедных и больных, случающихся в приходе, может являться с посильной помощью туда, где требуется эта помощь, и располагать к этой помощи других, владеющих достаточными для того средствами, и ее содействие в этих случаях не только облегчит труд священника, но и будет способствовать возвышению его авторитета и усилению расположения и

уважения к нему среди его прихожан. Она может принять участие в образовании в особенности девочек прихода своего лужа, и ее труд здесь может быть более полезен, чем труд какого-либо случайного или заезжего учителя. При ее женственной мягкости, и при желании держать себя поближе к членам своего прихода, она может приносить мир и согласие в те семейства, в которых начинается раздор и раздувается вражда, и сердце ее, руководимое любовью, способно оказать здесь больше пользы, чем властное слово ее мужа. Даже в делах, непосредственно соприкасающихся с выполнением существенных и коренных обязанностей священника, может быть приносима со стороны жены известная доля пользы трудящемуся мужу-пастырю. Она может указывать ему упущения, какие он может допустить по своей должности, занятый разными делами. Она может возбуждать его усердие и ревность при выполнении им своего долга, если сама, одушевлена духом благочестия. Она может, в помощь мужу, домашним частным обращением с тем или другим членом прихода утверждать в сердцах слово веры и содействовать в распространении среди прихожан духа благочестия. История древней Церкви представляет примеры жен, которые содействовали своим мужьям в распространении благочестия Христова, и вместе с ними несли труды на пользу веры и Церкви. Таковы были Акила и Прискилла, которых имена неразлучны у апостола Павла, которых обоих апостол называет сотрудниками своими во Христе Иисусе, и которым благодарны были все церкви из язычников (Рим. 16:3, 4. 2Тим. 4:19. 1Кор. 16:19). По сказанию Деяний Апостольских, они, встретившись в Ефесе с Аполлосом, мужем красноречивым и сведущим в Писании, и увидев, что он знакомь только с начатками пути Господни, зная одно крещение Иоанново, – приняли его к себе в дом и точнее объяснили ему путь Господень (Деян. 18:24–26). И, конечно, не один Аполлос обязан был христианским просвещением этой супружеской чете, в которой жена не уступала мужу в ревности по вере, почему у апостола имя ее стоит иногда выше имени мужа (Рим. 16:3. 2Тим. 4:19).

4. Порядок жизни в доме священника

Какова же должна быть семейная жизнь священника? Ни в Священном Писании, ни в канонах церковных нет подробных специальных предписаний, которые бы с точностью определяли, как нужно устроить собственно семейную жизнь священника, и какие порядки блюсти в священническом доме. Апостол Павел говорит только: *подобает пресвитеру быти свой дом добре правящу (1Тим. 3:4)*. По смыслу этого руководственного указания святого апостола, в доме священника должно быть все, чего нужно желать для каждого благоустроенного и благочестивого семейства. В доме, хорошо устроенном и управляемом, предполагается взаимная любовь и доброе согласие между всеми, в нем живущими. Все члены его блюдут чистоту нравов и заботятся о безукоризненном поведении, и ни один из них не подает повода к соблазну никаким неприличным поступком, никаким резким, тем более грязным словом, вообще никакой выходкой дикой страсти. Каждый, вступающий в дом священника, должен встречать здесь скромность и приветливость: при входе в него тотчас же должна чувствоваться каждым теплота сочувственной любви, готовой без пренебрежения отнестись к каждому, хотя и низкому, человеку, как скоро по какой-либо нужде он переступает порог дома своего духовного отца.

В семействе священника должны строго соблюдаться обычаи, предписываемые религиозным чувством и согласные с церковными установлениями. В положенные дни поста при столе его не будет скоромной пищи, и нарушать пост не должен позволять себе не только сам священник, но и каждый из его домашних. И не у себя только дома, но и в других местах – в гостях или в общественных собраниях, – члены священнического семейства не будут безразлично и равнодушно относиться к нарушению поста, ныне входящему в обычай среди более или менее образованного общества. Далее, все члены семьи священника должны по-христиански чтить праздники церковные, и посещение богослужения во все дни, чествуемые благочестивой частью нашего общества, должно быть для них священной обязанностью. Члены семьи священника не устроят пирушки под праздник, когда Церковь зовет всех на всенощное богослужение и желает сосредоточить мысли верующих на предметах священного характера, и не примут участия в подобные часы в каких-либо светских увеселениях, устраиваемых другими. В доме священника не будет забыта и каждодневная молитва: каждый, живущий в

нем, пусть верно держится того обычая, по которому добрые христиане молятся Богу, садясь за стол и вставая от стола, освящают молитвою начало каждого дня, после сна ночного, и без молитвы не приступают к делу, им предстоящему, и по окончании дневных трудов благодарят Бога за счастливо проведенный день и просят у Него покрова себе и доброго покоя душе и телу, когда отходят ко сну. У нас не в обычае, по крайней мере, редко случается, чтобы все, входящие в состав семейства священника, вместе совершали свою ежедневную домашнюю молитву, положенную Церковью или налагаемую усердием. А это было бы весьма хорошо, если бы в домах или домашних церквях служителей Божиих ввелся и укоренился такой обычай, чтобы положенная молитва совершалась всеми вместе, чтобы в присутствии всех в уроченный час читал ее или сам глава семейства, или кто-либо из других членов. В семействах пасторов англиканских и протестантских гораздо чаще встречается этот обычай, чем в семействах наших православных священников, и все благонамеренные люди, которым случалось говорить об этом, всегда отзываются о нем с большим одобрением. Привычки семейной жизни священника должны определяться духом, соответствующим высокому званию служителя Божия, и этим привычкам должны подчиняться все члены его дома, как бы ни казались они со стороны стеснительными. Это не бремя, налагаемое на родных; семейство должно ценить то служение, какое несет глава его, и с сердечной готовностью исполнять все требования, вытекающие из особенного положения священника. Начала строгой и религиозной жизни, предписываемой священнику его званием, добровольно должны быть приняты всеми членами его дома, в силу интереса, разделяемого семейством со своим главой.

Самая внешняя, видимая обстановка дома священника должна носить на себе отпечаток с одной стороны скромности, а с другой порядка. Если священник владеет значительными материальными средствами, едва ли поступит он благоразумно, когда заведет в своем доме такую роскошь, какую видит у людей богатых высшего круга. Зачем ему изысканная дорогая мебель? У места ли в его доме картины на стенах, изображающие бытовые сцены сомнительного нравственного достоинства, какие так часто приходится встречать в светских гостиных? Простота и скромность при богатстве везде свидетельство хорошего вкуса; а для священника она может быть поставлена в обязательное требование. Роскошь, в чем бы она ни проявлялась, не гармонирует с званием и служением пастыря Церкви, и если изысканная обстановка бьет в глаза людям, являющимся в дом

священника, она производит на них неблагоприятное впечатление. В доме священника более, чем в другом светском доме, являются люди бедные, несчастные, нуждающиеся в утешении: не будет ли оскорблять глаза таких людей и не будет ли тяжело действовать на них пышность человека-пастыря, обязанного иметь дело не с одними богатыми людьми и призванного приносить утешение всякому, постигнутому горем и бедствием? Приличие во внешней обстановке может и должно быть соблюдаемо священником, и может в ней проявляться довольство, каким он владеет; но все это может быть в форме скромной, без всякой изысканности, без увлечения суетностью, гонящейся за эффектом, и без потворства чувственности.

Впрочем роскошь доступна только небольшому числу наших священников, и претензии на аристократизм и изысканность во внешней обстановке можно замечать изредка у немногих городских священников. Большинство наших пастырей люди, располагающие незначительными материальными средствами; таким нечего и думать о том, чтобы в устройстве и обстановке своего дома подражать людям богатым. В домах таких священников желательнее всего видеть возможный порядок и чистоту. Такими качествами, по изображениям английских романов, воспроизводящих жизнь сельских пасторов, приятно поражает всех домашняя обстановка англиканских священников. Порядок и чистота, замечаемые в доме, лучше всякой роскоши, приятнее всех изысканных украшений. Викария можно встречать иногда и у людей сравнительно небогатых. Нет ничего хуже, как стремление жить выше средств своих, и неприятное впечатление на всякого производит невыдержанная претензия на роскошь в доме бедном. Но порядок и чистота при бедности обнаруживает душу твердую, характер серьезный, сердце мирное, и служит свидетельством и выражением внутренней благонастроенности и нравственной крепости человека или семьи. Порядок и чистота у человека, живущего незначительными доходами, почти добродетель, внушающая невольное уважение; а нет порядка, видно неряшество, – впечатление невыгодное, и дом такой очевидно не может быть назван домом, хорошо управляемым, чего требует от священника по отношению к его дому апостол.

5. Воспитание детей священника и поведение членов семьи священника

По предписанию апостола Павла, ожидается и требуется от священника ревностная забота о своем семействе и детях, об их добром воспитании, их чистом нравственном и христианском направлении. Эта забота пастыря о воспитании и добром направлении членов своей семьи – начало и сокращение заботы обо всем приходе. Любовь пастыря есть расширение любви отца. Хороший семьянин, хороший отец семейства обещает из себя хорошего пастыря, и наоборот. *Аще кто своего дома не умеет правити, говорит апостол, кто о Церкви Божией прилежати возможет (1Тим. 3:5)? И Аще кто о своих, паче же о присных не промышляет, веры отверглся есть, и невернаго горший есть (1Тим. 5:8).* Совершенно неестественно священнику оставлять семейство без попечения, и тем нарушать требования закона любви, вложенного в наше сердце. Для священника, как и для всякого, семейство представляет самый близкий предмет, возбуждающий к себе наибольшее и самое теплое участие. Тот дух, которым живет священник, первее всего должен распространяться в среде, непосредственно с ним связанной и служащей как бы продолжением его личного существования. Семейство далее – малый приход, где по вызову самой природы, должны делаться опыты ревности, благочестия и благоразумия священника, и эти опыты ревности, благочестия и благоразумия в воспитании священником своих детей находят свое приложение в заботах его о нравственно-религиозном воспитании вверенных его попечению душ его прихожан. В случае небрежности священника о своем семействе приход теряет уже потому, что не имеет перед глазами назидательного примера, который священнику, по долгу своего звания, нужно доказывать лицам, им руководимыми. И суд Божий постигает карою небрежущего о семействе своем пастыря, как можно видеть из примера ветхозаветного первосвященника Илия. Он мало обращал внимания на распущенность и легкомысленное поведение своих сыновей и не прилагал должной заботливости к их исправлению, когда слышал об их дурных поступках, И вот Господь объявляет ему чрез отрока Самуила: *Вот, Я сделаю дело в Израиле, о котором кто услышит, у того зазвонит в обеих ушах. В тот день Я исполню над Илием все то, что Я говорил о доме его... Я объявил ему, что Я накажу дом его на веки за ту вину, что он знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их. И посему клянусь дому Илия, что вина*

дома Ильева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными во век (1Цар. 3:11–14). Известно, как исполнилась эта угроза Божия: евреи побеждены и поработочены были филистимлянами, пленен был ковчег завета, убиты были оба сына Илия, вызвавшие гнев Божий, и скоропостижно скончался сам Илий, услышав печальную весть о смерти детей своих и пленении святыни народной. *Поучение епископле к иереом*, приписываемое митрополиту русскому Кириллу II, бывшее одним из главных руководительных архипастырских наставлений нашему священству в старой России, обращает особенное внимание пастырей на обязанность их заботиться о своих детях. «Блюдите (говорится в нем)³⁵ и родимых детей ваших, да не осквернятся блудом до женитвы... Или бо поп без греха был пред Богом, за сыновня грехи послан бысть в муку: занеже не учил на добро сыну своего, ни казнил».

Дух воспитания детей в доме священника должен быть строго христианский. Дать детям своим религиозное образование и религиозное направление – вот первое, что должно лежать на мысли отца-священника. И дети, выходящие из семейств священников, приходя в возраст, должны показывать из себя людей, не только хорошо знающих члены веры, но вместе с тем близко принимающих к сердцу дело Церкви и дело Православия. И Церковь и общество имеют право ожидать от них полной преданности вере и готовности защищать ее от нападений вольнодумства и религиозного индифферентизма. Недаром, по смыслу соборных правил, в доме священника не может быть терпимым человек, уклоняющейся от веры и зараженный ересью, и сыну священника нельзя сочетаться браком с еретичкой (14 пр. Шестого Всел. соб. 45 и 30 Карф. соб.). Заботясь о религиозном воспитании своих детей, вместе с тем священник должен так вести их, чтобы они представляли из себя образцы послушания и нравственной чистоты, как требует того святой апостол (1Тим. 3:4. Тит. 1:6). Если в детях священников не встречается того, что естественно ожидать от детей служителей Божиих, т.е. если они оказываются людьми маловерующими и пренебрегающими Церковью и ее началами, если в своем поведении они допускают нарушения нравственного долга, обязательного для всех христиан, – это служит немалым соблазном для общества, и голос народа вину за такое направление детей лица духовного возлагает на самого священника, его осуждает за то, что он не сумел или не позаботился дать детям своим такое воспитание, к какому, преимущественно перед другими, обязывал его сан и его положение среди общества.

Нравственная строгость, ожидаемая от членов священнической семьи

в силу духовного единения с главой семьи, обязывает их соблюдать некоторую сдержанность и в отношении к обычаям общественной жизни. Дух служителя Церкви, определяющий его поведение, должен находить отражение и во внешних формах, или общежительных привычках его жены и его детей. Явление их в свете или в обществе должно быть скромное, и нет нужды часто являться им в местах общественных собраний и увеселений. Семейство священника может иметь друзей, может видаться с ними, сколько угодно; но неприлично членам его пристращаться к общественным увеселениям, неприлично играть роль среди увеселительных собраний и блистать в свете. Личная строгость священника не загладит впечатления, производимого суетностью и увлечениями его жены и детей. Мы не рекомендуем заключения членам семьи священника; это бы было насилием природы; молодости нужно повеселиться. Но не всем нужно увлекаться, что предлагает свет для развлечения людям. Есть много видов развлечений, семейных и скромных, в которых могут принимать участие жена и дети священника, не навлекая никакой тени на главу своего дома. А рассеянная светская жизнь, если они предаются ей, будет соблазном для других.

Иногда случается слышать похвалы тому или другому священнику, что он живет открытым домом. Похвалы эти имеют обоюдный смысл. Еще апостол предписывал служителю Церкви быть *страннолюбиву* (1Тим. 1:11. 2.Тим. 1:8). Если священник или его семья открывает дом свой, чтобы исполнить долг любви по отношению к ближнему, ищущему приюта во время пути, если он с готовностью принимает всякого, желающего найти у него добрый совет или побеседовать с ним о предметах серьезных и священных, – это добродетель с его стороны, могущая заслужить ему уважение и расположение других. Если, далее, двери священнического дома всегда открыты для близкого гостя, связанного с ним чувствами родства, духовного единомыслия и внутреннего расположения, – в этом нет ничего предосудительного. Добрый гость может вносить освежение в дом среди обыденных однообразных занятий его членов. Но у нас большей частью не в этом скромном смысле разумеют открытый дом, когда хвалят то или другое семейство за открытую жизнь. У нас нравятся и вызывают одобрение те открытые дома, в которых чуть не каждодневно можно найти удовлетворение людям, ищущим светских развлечений, в которых всегда готовы карты, всегда собирается веселое общество, не знающее, куда девать время, пожалуй, слышно пение и музыка, и часто составляются танцы. В таком смысле не подобает быть открытым домом дому священника. И если нечто подобное замечается в том или другом

семействе священника, то у серьезного человека оно скорее вызовет не похвалу, а сожаление по не соответствию привычек этого дома с требованиями долга и приличия священнического. Все шумное, светское, рассеянное здесь не на своем месте. Самое гостеприимство, от которого пусть не уклоняется семейство священника, не должно нарушать тишины и скромности, каш должны обитать в доме служителя Божия.

6. Отношение к слугам дома священника

Древнее *Поучение* епископа к *иереом* заботливость священника о благоустроении своего дома простирает и на слуг, живущих в нем. «Слуг своих (говорит оно)³⁶ наставляйте в учении Господнем; доставляйте им пищу и одежду в довольстве». В доме служителя религии и Церкви не естественно видеть и между нанятыми слугами людей без веры и без благочестия; не естественно встречать и между прошлыми членами его семьи ветреность и какой-либо вид распутства. Пастырь Церкви, по долгу своего звания, должен употребить всю силу своего влияния, чтобы поставить своих слуг в нравственно-религиозном отношении в полное соответствие с требованиями того духа веры, какой должен царить в его доме и определять собой поведение всех, живущих в нем. Пренебрежение к Церкви и ее уставам, уклонение от Православия в раскол или штунду, безнравственность лиц, живущих в семье священника для таких или иных услуг, кладет пятно на его дом и подвергает его нравственной ответственности перед своею совестью, перед обществом и пред Церковью. И можно опасаться при этом дурного влияния этих лиц, поставленных в близкие отношения к священнику, на других прихожан. Невнимание со стороны священника к безверию или распутству слуг, живущих у него, может быть поставлено ему в прямое нарушение его пастырского долга. Если нравственные увещания его к исправлению их не оказывают должного действия, его пастырское благоразумие должно побуждать его искать себе других слуг, своим характером и поведением более отвечающих духу, его руководящему и им распространяемому.

Это одна сторона в отношении к слугам, которой не должен пренебрегать священник. Но в *Поучении к иереом* его вниманию указывается и другая сторона, которую он не должен опускать из вида. Именно, священник должен показывать другим пример человеколюбивого отношения к низшей братии – к слугам, на него работающим. Он должен давать им довольное содержание: дурно, если будут говорить, что в доме такого-то священника слуг морят голодом. Он всегда добросовестно должен рассчитывать с ними, и никогда не должен удерживать у себя условленной им платы. Безчестие для пастыря, если слуги будут жаловаться на него, что он нечестно расплатился с ними, и будут требовать у него заслуженного ими перед судом. В доме священника, по-христиански управляемом, не будут отягощать слуг излишними работами и отнимать у них свободные часы отдыха, хотя в то же самое время не

будут поглажать их бездельничанью. В доме священника в обращении с наемными слугами не будут показывать и тени пренебрежения к ним, но всегда будут относиться к ним со снисхождением и мягкостью, растворяемыми духом любви. Если везде неприятны и неприличны несдержанные гневные крики на слуг, суровые, жесткие бранные слова и обидные клички, какие позволяют себе иные господа и хозяева по отношению к людям, нанимающимся в услужение им, то тем более они неуместны в доме или семье священника. Кому, как не священнику, сознавать, что все люди, – и высоко поставленные, и принужденные нести низкую и тяжелую долю слуг, – равно создания Божия, все плоть едина, все равно дороги Творцу, все одинаково искуплены кровию Христовою, и все по существу братья между собою? Христианское чувство братства в доме священника должно говорить сильнее, чем в другом светском доме. Под действием этого чувства, слуги в семействе священническом меньше будут чувствовать тяжесть своего приниженого зависимого положения, больше будут питать расположения и привязанности к дому, и с большим усердием будут трудиться для блага семейства, видящего в них не просто слуг, но братьев о Христе.

V. Домашние и частные занятия священника

Под домашними занятиями священника, к речи о которых мы приступаем, мы разумеем такие занятия, которые не входят в круг служебных его обязанностей, а составляют частный свободный труд его, предпринимаемый им помимо исполнения своего прямого пастырского долга.

Посильный труд есть призвание каждого человека в жизни. В этом труде, к какому призывается человек, первое и главное место должны занимать такие дела, которые налагаются на человека его званием и его служебным положением в обществе. Но выполнение служебного долга обыкновенно не поглощает всего времени и всех сил священника. У него в распоряжении есть время и силы для других занятий, помимо занятий официальных или служебных. Кроме того, как человек образованный, как член общества, как семьянин, обязанный пекусь о своих близких, он не может отказаться от частных интересов, вызывающих его на такую или иную деятельность, служащую дополнением его деятельности служебной.

Священник не должен довольствоваться одним исполнением церковных треб, на него возлагаемых, и не должен уклоняться от труда частного. Всегда и везде он должен показывать из себя человека занятого, любящего труд. Неприятное впечатление производит на всякого, в особенности на людей, в поте лица приобретающих для себя хлеб насущный, если священник, кроме воскресных и праздничных служб, кроме треб, на которые случайно могут позвать его, не знает, куда девать время, ничем не интересуется, ничего не делает и ни к чему не прилагает рук своих, если он поздно встает и после завтрака или утреннего чая ждет скорее обеда, если он праздно ходит целый день, ищет, с кем бы провести время, готов пускаться в расспросы и пустые беседы со всяким встречным и рад случаю поехать куда-нибудь, чтобы поболтать лишний час-другой. Но если священник, помимо своей службы, имеет серьезные интересы, возбуждающие его к деятельности, если ему дорог каждый свободный час и на каждый такой час есть у него готовая работа, если, одним словом, он представляет из себя человека делового и трудящегося, – то труд его, посвященный доброму делу, вызывает и умножает уважение к нему у всех, приходящих с ним в соприкосновение.

Какой же частный труд наиболее приличен и полезен для священника? Чему должны быть посвящены его домашние занятия? И какие занятия не совместимы с его служением?

1. Занятия умственные

Служение священника, в ряду других общественных служений, есть служение наиболее духовное, требующее умственной или духовной работы. Оно ближе всего подходит к служению учителя и воспитателя детей, так как Церковь возлагает на него обязанность преподавать народу учение веры и благочестия и воспитывать его для Царства Божия. Соответственно такому характеру служения священнического, соответственно его званию, имеющему право на наименование духовного по преимуществу, наиболее приличный труд, какому он может посвящать свободное время, – есть труд духовный или умственный, труд книжный, требующий работы мысли и способствующий обогащению и укреплению ума.

Первый предмет, которым может заниматься священник в часы, свободные от служебных занятий, – богословская или религиозная наука и богословская или духовная литература. На занятие этим предметом священник должен бы смотреть не как на частный труд, предоставленный его свободе, а как на прямой долг свой. Религиозный учитель народа, он должен обогащать и наполнять свою душу тем знанием, от полноты которого призван сообщать потребную часть людям, вверенным его нравственному попечению. Поставленный на страже веры, обязанный сеять семена доброго учения в сердцах людей, составляющих приход его, он должен обновлять и умножать запас тех знаний, при помощи которых мог бы бороться с нападениями неверия, неправоверия и раскола, разрешать разные сомнения и недоумения, давать добрые советы нуждающимся в религиозном назидании, вносить свет веры в умы, его ищущие, при помощи которых, одним словом, мог бы без затруднения давать ответ всякому, *вопрошающему словесе о нашем уповании*. Правда, в священника поставляется человек, уже испытанный в вере, прошедший курс, по крайней мере, среднего духовного заведения – семинарии, и изучивший в нем богословскую науку в возможной широте. Но наука вообще, и в частности наука богословская – нескончаемый материал. Только что кончивший курс школьник, как бы он ни был усерден в продолжение своего школьного образования, не может допустить мысли, что он овладел уже всем материалом науки, и уже не над чем более работать ему в ней. Целой жизни не достанет, при самом усердном специальном занятии наукой, для того, чтобы вполне овладеть ею и всем ее содержанием. Пусть же человек, прослушавший полный курс

богословия, на месте священника не останавливается на том, что дала ему школа, и не довольствуется тем, что он вынес из места своего юношеского воспитания. Он должен идти далее по пути, указанному и проложенному для него школой, должен дополнять запас знаний, вынесенных из нее, и утверждать в своем уме то, что внешним и страдательным образом воспринимал от своих наставников; он должен освежать в себе источник сведений, почерпнутых в школе. Если он не будет продолжать умственной работы над той наукой, которая ближе всего к его служению, – заглохнут и покроются забвением и те знания, какие вынес он из школы, огрубеет его мысль, и он потеряет большую половину сил для успешного продолжения своего духовно-нравственного, учительского служения. Равнодушие к науке и книжным занятиям, отвращение от умственного труда, уклонение от занятий литературой и наукой богословского характера – унижение звания священника и противоречие соединяемому с ним понятию религиозного учителя.

Чем же заниматься в науке священнику? Нельзя требовать от него, чтобы он, подобно ученому или профессору, специально изучал ту или другую отрасль богословской науки, хотя конечно несколько не унизило бы его, если бы он специально занялся той или другой частью духовной науки и показал в этом специальном изучении заметные успехи. Для такого изучения науки у священника, говоря вообще, не достает времени и средств. Да это в его положении составляет своего рода умственную роскошь, если он специализирует свои занятия и хочет быть ученым или историком, или канонистом, или догматистом и т.п. Для него нужнее и в его положении естественнее восполнение общего богословского образования. Чем же заниматься ему, в видах восполнения общего богословского образования? Каждому священнику в этом случае должно подсказывать его собственное сознание, на что ему нужно обратить внимание, и многое здесь зависит от обстоятельств, среди которых он поставлен. Было бы напрасным и излишним делом, если бы кто-либо решился составить каталог книг, которые должен читать священник по поступлении на место. Здесь не может быть ничего обязательного, и дело должно быть предоставлено личному усмотрению священника, который по соображению нужды и возможности сам найдет, что для него наиболее пригодно и доступно. Пусть только он не бросает книги и не заглушает в себе интереса к той науке, которую изучал в школе, готовясь к духовному званию, и любовь к которой старалась возбудить в нем школа. Тогда само собой откроется, на что ему следует обратить внимание при своих умственных занятиях. Он будет обращаться к книге, чтобы оживлять в

памяти школьное приобретение и восполнять то, чего не успела или не могла дать школа. Он не будет опускать случая знакомиться с капитальными произведениями по богословской науке, о которых он слышал, но которых не читал во время школьного образования. Наука и литература постоянно движется вперед, постоянно обогащается новыми и новыми произведениями. Весьма желательно, чтобы образованный священник следил за движением духовной науки и литературы, и знакомился, если не со всеми, то, по крайней мере, с лучшими творениями, относящимися к той или другой отрасли религиозной науки, или уясняющими ту или другую сторону деятельности служителя Церкви. То являются сильные проповеди какого-либо замечательного церковного оратора, то выходят новые изложения систем по главным богословским наукам, и печатаются специальные исследования, проливающие новый свет на важнейшие пункты богословской или церковно-исторические науки. Нельзя священнику быть совершенно равнодушным к подобным новым явлениям в области богословской науки и литературы. Как скоро поднимается говор о них, его любознательность должна побуждать его поближе познакомиться с тем, говор о чем, как замечательном научном или литературном явлении, доходит до него. Наконец каждое время выдвигает и делает предметом особенного внимания свои вопросы, имеющие ближайшее отношение к служению пастырскому. Например, возникает и усиливается штундизм или другая подобная секта; распространяются материалистические учения в подрыв религиозной вере и доброму церковному направлению; замечается в разных кругах увлечение спиритизмом и т.п. Или по местным обстоятельствам оживают споры со старым расколом, делаются запросы служителям Православной Церкви от людей, увлекающихся чем-либо в римском католичестве или протестантстве. Наука школьная могла ничего нечего не говорить об этих вопросах, вновь выставляемых жизнью. Но пастырь Церкви не должен быть немым в виду этих живых вопросов. Он должен стараться приобрести ясное представление о тех вопросах, какие возбуждают толки в людях, его окружающих. И вот для него указание, чем ему заняться, чем дополнить свое образование. Он должен знать, в чем состоит неправота тех или других увлечений, замечаемых у современников, и должен иметь в мысли готовый запас оружия для отражения неправых мнений. Литература, разбирающая учения, занимающие и увлекающие современные умы, должна быть ему более или менее известна.

Но священнику можно заниматься не одной богословской наукой. Если он имеет склонность и владеет достаточными научными средствами,

он может посвящать свободное время и на изучение какой-либо из светских или гуманитарных наук и умножать свои знания по отраслям наук небогословских. В этом никто не найдет ничего странного, а тем менее предосудительного. Всякая истина, которой доискивается какая бы то ни было светская наука, – представляет из себя предмет, достойный внимания серьезного человека, призванного отправлять самые священные миссии в обществе. И всякий серьезный научный труд, хотя бы он относился к специальности, не имеющей непосредственной связи с богословием или пастырским служением, может свидетельствовать только об умственной зрелости священника и о стремлении его к духовному самоусовершенствованию. Нельзя предписать священнику изучать одну богословскую науку и читать одни религиозные книги: однообразие занятий отнюдь не закон для него; напротив оно может быть отяготительно для него. Своего рода развлечение, доставляющее немало оживления, – занятие какой-либо отраслью знаний, не стоящих в прямой связи с главным предметом его служения. Может он изучать и философию, и филологию, и историю, и астрономию и даже естественную науку. Видные успехи его в какой-либо из этих наук могут способствовать возвышению его личного авторитета и снисканию уважения к служителям религии вообще со стороны людей светских, как это показывает пример Сидонского, Павского, Григоровича и других. Даже естественной наукой, сказали мы, можно заниматься священнику. Эта наука в современной постановке, по принятому ныне взгляду, менее всего пригодна священнику и менее всего гармонирует с его настроением. Но в таком взгляде много фальши. На самом деле есть много внутреннего сродства между наукой о Боге и наукой о природе. Книга природы есть другая библия или другое откровение о Боге: чудеса, рассыпанные в ней творческой рукой, открывают человеческому глазу, по указанию апостола Павла, невидимое Божие, присносущную силу, неистощимую благодать и неизъяснимую премудрость Творца вселенной (Рим. 1:20). А если ныне книга природы неумевших читать ее скорее отводит от Бога, чем приводит к Нему, если современная естественная наука сблизилась с неверием, и последнее из нее заимствует возражения против божественного откровенного учения, то здесь, по нашему представлению, побуждение не к тому, чтобы бежали от нее служители религии, а, напротив, к тому, чтобы они обратили на нее особенное внимание и посвящали ей свои заботы. Чтобы успешно бороться с неверием, священнику весьма важно знать ту науку, из которой неверие любит брать свои возражения против истин религии. И когда неверующие естественники будут встречать в верующих служителях

церкви людей, знакомых с их отраслью знаний, умеющих бороться с ними их же оружием, они будут терять под собой твердую почву. Можно надеяться, что наука о природе приняла бы другое направление, если бы чаще к ней и ее возделыванию обращались люди твердой религиозной мысли.

С занятием книгой, самым естественным занятием в положении священника, – тесно связан труд авторский. Священнику можно не только страдательно усвоить то, что пишется в книгах, и изучать чужие произведения, но и деятельно самому участвовать в литературном труде. При том развитии и образовании, каким владеет большинство наших священников, этот труд должен быть вполне доступен для них. Духовная школа издавна приучение к сочинениям и образование навыка стройно, логично и чисто излагать свои мысли считала одной из главных своих обязанностей по отношению к своим воспитанникам. Мы не хотим представлять этот труд духовной школы напрасным, не достигающим своей цели, и имеем основание полагать, что каждый, окончивший в ней курс, достаточно владеет пером, чтобы излагать и передавать другим свои мысли, наблюдения и познания. Потому священник авторский труд не может считать чужим для себя.

Священник впрочем, не призван быть писателем, и мы не можем приглашать его сделать авторский труд формальным своим занятием. Мы говорим об этом труде, как труде, предоставленном свободе человека, на который он может употреблять свое свободное время, – находя этот труд вполне приличным для священника и соответствующим его положению и научному развитию. Не можем, однако, не заметить, что есть род авторской деятельности, упражнение в котором не только желательно, но даже требуется от священника, – это проповедничество. Духовная школа для того главным образом приучает всех своих воспитанников к свободному изложению своих мыслей или авторству, чтобы сделать их искусными и сильными в деле проповедническом. Проповедничество вменяется в обязанность пастырю Церкви и наставлением апостола (2Тим. 4:2), и соборными правилами, и постановлениями нашей Церкви. По 19 правилу Шестого Вселенского собора предстоятель Церкви, как епископ, так и пресвитер, должен поучать народ словесам благочестия во вся дни, наипаче же в дни воскресные. А наш Устав духовных консисторий (ст. 9) требует, чтобы священники, получившие надлежащее образование в духовно-учебных заведениях (каких мы видим, за немногими исключениями, на наших приходах), произносили свои собственные поучения, составляя их применительно к понятию и потребностям

местных слушателей. Выполняя это требование, они (как выражено в Инструкции благочинным) делают честь своему сану и пользу христианам. Считая дело проповеди³⁷, согласно с Книгою о должностях пресвитеров приходских, первой для себя обязанностью, священник не только может, но и должен свои свободные часы употреблять на то, чтобы усовершенствовать себя в этом, существенно важном для него, занятии. В эти часы он может обдумывать то, о чем ему нужнее и полезнее говорить с народом, может изучать и уяснять для себя те пункты, о которых считает нужным чаще беседовать в церкви, может упражнять себя в том, чтобы говорить со своими слушателями вполне понятным и вразумительным для них языком, и в то же время достойным священной кафедры, наконец, может заблаговременно заготавливать ряд поучений, с какими он имеет выступить перед народом, по долгу своего звания, излагая их вполне или только начерчивая главный план их. Если священник серьезно займется этим делом, Господь не замедлит благословить успехом его труды, и он поставит себя в ряд тех пресвитеров, которые, по апостолу, должны сподобляться сугубой чести за свое умелое слово и учение (1Тим. 5:17).

Священник может заниматься авторским трудом, относящимся к области проповедничества, не имея в виду обнародования своих произведений в печати. Его может побуждать к этому одна заботливость о своем самоусовершенствии и о лучшем выполнении лежащего на нем учительского долга. Но ничего нет выходящего из порядка вещей, если священник пишет что-либо не для себя только и не для одного блага своих прихожан, а имея в виду более широкий круг читателей, именно для печати. Ныне так много печатных органов и повременных изданий, что дельному слову, в особенности слову убеждения, проникнутому добрым духом, всегда можно найти себе место. В Германии пасторы довольно часто заявляют себя своими произведениями в печати, и это служит выразительным свидетельством того, что они не бегают умственного труда и стоят, в ряду других сословий, на достаточно высокой степени развития. В последние десятилетия и у нас все чаще и чаще стали являться в печати труды православных священников, и некоторые из пастырей не только академического, но и семинарского образования приобрели своим литературным трудом довольно видную известность в кругу, интересующемся духовною литературою. Эта известность служит сколько к чести их личной, столько и к чести того сословия, которое, в лице их, выставляет трудящихся и мыслящих представителей. Мы можем пожелать не сокращения, а расширения и увеличения той авторской производительности, с какой наше пастырство является в нашей печати.

Делиться с читающей публикой через печатное слово можно священнику рассуждениями о предметах разнообразного свойства. Ближе всего ему предлагать вниманию своих собратий и людей, сочувствующих интересам духовным, опыты проповедного слова, свои пастырские наблюдения и рассуждения о вопросах, имеющих непосредственное отношение к кругу обязанностей священника. Можно и естественно ожидать от него статей для назидательного чтения, способных возбудить и поддержать чувство веры и дух благочестия, а также учебных пособий по предметам начального религиозного образования. Но ничто не препятствует ему, если есть у него склонность, усердие и достаточный запас знаний, расширять программу своих авторских занятий и являться в печати с учеными трудами, разъясняющими те или другие предметы из области богословской, церковно-исторической или даже общей гуманитарной науки. Чем шире его деятельность, чем достойнее в учено-литературном отношении его авторские труды, тем с большим уважением будут относиться к нему и к его слову.

Для поддержания интереса к умственным научным занятиям и для ведения таких занятий необходимы книги, без которых в научной сфере, как без рук, ничего не поделает. А книги для большинства наших сельских пастырей не легко доступны, по крайней мере, в таком обилии, какое требуется для того, чтобы следить за наукой и литературой и не урывками заниматься этим делом. Вблизи нет мало-мальски порядочных библиотек, из которых священник мог бы брать нужные и полезные для него сочинения. А самому ему при тех достатках, какими он располагает, и на какие должен содержать себя и свое семейство, часто затруднительно уделять какую-либо сумму на покупку и приобретение книг. И вот в этом недостатке, или в этой малодоступности книг для нашего сельского священника заключается причина того отчуждения от умственного труда и того равнодушия к научным интересам, какое нередко замечается среди нашего священства, и какого не должно бы быть у людей, более десяти лет обучавшихся в школе и в ней привыкших к книге. Мы не можем не признать серьезного значения за этим обстоятельством, и в виду его отнюдь не расположены разделять сурового осуждения, какому подвергаются часто наши пастыри за заглупление в себе научных интересов со стороны лиц, смотрящих на дело свысока и не желающих принимать во внимание тех условий, в какие поставлены наши пастыри. Но мы не можем считать неустранимым это затруднение для священника к продолжению умственных занятий, и думаем, что при стремлении к самообразованию священники найдут средства к выходу из этого

затруднения. Самонужнейшие книги они могли бы приобретать для себя на свой счет: таких книг не может быть много, и на приобретение их не невозможно уделять малую часть и при небогатых доходах, какими располагают наши священники. Не будет ни от кого запрета, если что-либо употребить на покупку книг из церковных сумм; в церкви, этом первом и для всех открытом училище, не только может, но и должна бы быть учительная библиотека. Не одни богослужebные книги непременно должны находиться в церкви: в ней не должно быть недостатка и в книгах, назначенных для назидания народа. К этому обязывает Устав церковный, по указаниям которого³⁸ должны читаться в церквях при богослужении известные учительные творения отцов церкви, например в период времени от Пасхи до Пятидесятницы толкования Златоуста на Евангелие от Иоанна, от недели Пятидесятницы до сентября толкования того же отца на Евангелие от Матфея, от недели по Воздвижении до сырной недели толкования на Евангелие от Луки Феофилакта, Метафраста Логофетов, толкования Златоуста на послания св. апостола Павла и Маргарит, а в Четырнадцатую Шестодневник Златоуста, отделы из творений св. Ефрема Сирина, Лавсаика и Лествицы. Значит, эти указанные творения отеческие и другие подобные предполагаются Уставом находящимися в церкви, наряду с книгами церковно-богослужebными. К этому располагает и наша правительствующая власть церковная, когда она нарочито рассылает по всем церквям книги, ею составленные или признаваемые полезными для назидания народа, как это сделано в последней половине прошлого столетия. Тогда нарочито составлено было митрополитами Платоном и Гавриилом «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни, на три части разделенное» и этими поучениями за полезное и нужное рассуждено снабдить все церкви. Вместе с этой книгой издана и назначена для чтения по церквям и для домашнего чтения в семействах «Книга кратких поучений о главнейших спасительных догматах веры и заповедях Божиих и о должностях, из разных св. отец и учителей собранная», а в дополнение к ней из творений святителя Тихона Задонского издано Синодом «Наставление о собственных всякаго христианина должностях». Такими распоряжениями церковной власти полагается основание церковным библиотекам: поддержание их и пополнение книгами, являющимися с течением времени и важными с религиозно-назидательной точки зрения, вполне согласно с видами, проводимыми нашей властью в жизнь церковную, и по мере возможности поощряется ею.

Этими библиотеками, частной, личной и церковной, пожалуй, еще не

много может быть дано идя удовлетворения ученой любознательности священника и для поддержания и оживления тех умственных интересов, какие питать ему следует. В этом отношении целям самообразования с большей пользой могут служить окружные библиотеки, и устройство их, при недостатке частных средств священника, можно рекомендовать в видах той существенной пользы, какую они могут приносить священникам, не желающим оставлять умственных занятий и заботящимся об обогащении себя нужными сведениями. Что трудно и не по силам для одного, то может сделать товарищество: несколько лиц известного округа, внося ежегодно небольшую плату на книжное дело, с течением времени могут образовать порядочную библиотеку. Начало такому учреждению положено так называемыми благочинническими библиотеками, инде существующими для духовенства, входящего в состав известного благочиннического округа, и поддерживаемыми на счет небольших взносов от членов этого округа. Этих благочиннических или окружных библиотек у нас очень мало, и какие есть, те идут вяло и едва держатся. Между тем это дело очень важное и полезное, и заслуживает не только сочувствия, но и всяческого поощрения со стороны людей, могущих иметь влияние на быт духовенства. При них могут быть обеспечены более или менее те умственные средства, в каких не может не нуждаться священник, живущий в сельской глуши, если хочет держать себя на известной высоте образования и следить за движением современной мысли и жизни. И существование их с другой стороны может будить и оживлять любовь к книге, а вместе с тем поддерживать живой умственный интерес к разным вопросам науки и жизни в тех людях, которые без них легко могут поддаться влиянию обстановки, не располагающей к книжному труду, и всецело погрузиться в хозяйственный и мелкие приходские хлопоты. Для устройства таких библиотек не нужно больших пожертвований. Здесь нужнее всего добрая инициатива, неослабное постоянство и умелый расчетливый распорядитель. Если деньги, собираемые на эту библиотеку, не будут тратиться на летучие листки, интерес которых ограничивается пределами одного нынешнего дня, и которые завтра бросаются, как ненужные, если далее библиотека не будет наполняться произведениями так называемой легкой литературы, которые читаются для одной забавы и праздного времяпрепровождения, и если все внимание распорядителей библиотеки будет обращено на то, чтобы приобретать серьезные и прежде всего капитальные сочинения по предметам, имеющим ближайшее отношение к религиозно-умственным потребностям духовенства, то без сомнения в недолгий срок библиотека обзавелась бы значительным

количеством наиболее важных произведений духовной литературы. А когда в библиотеке будут на лицо главные капитальные произведения духовной литературы, то легко пополнять ее новыми сочинениями и, если позволяют средства, полезно разнообразить ее содержание, и кроме произведений духовной литературы выписывать в нее и сочинения, относящиеся к светской гуманной науке, отдавая предпочтение между ними тем, которые снискали себе почетную известность в читающем мире и отличаются добрым направлением. Если представим, что подобная библиотека существует и пополняется десятки лет, с умелым выбором и расчетливостью, то без ошибки можем полагать, что в ней найдется все, в чем окажется существенная надобность священнику, не оставляющему заботы о своем самообразовании. Из подобных окружных библиотек могли бы циркулировать или переходить от одного члена к другому выписываемые в них периодические издания, а равным образом и новые капитальные сочинения, являющиеся в литературе и заставляющие говорить о себе. А за другими книгами, прежде приобретенными в библиотеку, по мере надобности каждый член мог бы обращаться во всякое время. Таким образом, облегчилась бы возможность удовлетворения умственным запросам, какие мы предполагаем в образованном священнике.

В Германии существуют подобные окружные библиотеки, и они поддерживают живой научный интерес в тамошнем духовенстве. В Виртемберге определено законом, чтобы каждый пастор вносил известную небольшую сумму в книжный фонд, существующий для поддержания окружной библиотеки, и на этот фонд в окружную библиотеку выписывается все замечательное, являющееся в современной литературе и могущее интересовать священника. Периодические издания и книги, по порядку, всеми аккуратно соблюдаемому, обращаются между членами, входящими в состав округа, и каждый из них во всякое время имеет под руками полезные и серьезные книги, пользуясь которыми он освещает свой кругозор, следит за тем, что делается в науке и жизни, и умножает свои сведения.

Книжные и умственные занятия, как ни приличны они в положении священника и как ни полезны для него в видах его собственного самоусовершенствования, не должны быть центром его деятельности и поглощать собой его главное внимание. Первый предмет его внимания – это обязанности его службы, и к усердному выполнению этих обязанностей, к возможно лучшему совершению того, чего требует от него долг его звания, должны быть направлены все его заботы. Книжные и умственные занятия,

какие можно рекомендовать ему и к каким он может иметь склонность, – для него занятия частные, и к ним он может обращаться только в часы, остающиеся у него свободными после исполнения служебных обязанностей. Прекрасно видеть в священнике человека многознающего, ученого, писателя. Но если священник до того увлекается занятиями ученого или писателя, что из-за них готов пренебрегать обязанностями своего служения, если для него неприятно всякое отвлечение от них к исполнению какой-либо требы, и он спешно и пожалуй кое-как отправляет требы, какие должен совершать по долгу приходского пастыря, то этим он ставит себя в фальшивое положение и не может не вызывать против себя нарекания и осуждения. Священник должен помнить, что он прежде всего священник, а не присяжный ученый, специально обязанный изучать ту или другую науку, и видящий в этом главное свое призвание. Пусть книга или перо будут друзьями священника, пусть по возможности часто они являются в руках священника в свободное время; но как скоро зовут его обязанности службы, он охотно и без замедления должен оставлять их: служебная деятельность должна иметь у него предпочтение перед всеми другими частными занятиями. Не одни книжные, но и всякие другие частные занятия, к каким может обращаться священник по разным побуждениям, должны отступать на второй план перед тем, чего требует от него долг его звания.

Впрочем, кажется, у нас только в редких случаях может иметь приложение предостережение священников от увлечения книжными умственными занятиями до пренебрежения обязанностями своего звания. Не уместнее ли у нас напротив возбуждение любви к книге в среде духовенства и принятие каких-либо мер, чтобы не дать заглухнуть научным интересам в нашем пастырстве? В Германии, где весь пасторат состоит из людей с высшим университетским образованием, считают не излишними подобные мероприятия, направленные к поддержанию в пасторах живого интереса к научным занятиям и к возбуждению среди них умственно-религиозной деятельности. В иных протестантских странах (Виртемберге например) члены духовенства обязаны представлять генерал-суперинтенденту особые богословские рассуждения, – молодые викарии ежегодно, а настоятели церквей, более занятые служебными обязанностями, каждые два или три года, по одному рассуждению. Темы для таких рассуждений предлагает генерал-суперинтендент, по сношению с деканами, ему подведомственными; но не запрещается пасторам и самим выбирать предмет для рассуждения и разъяснить тот или другой вопрос, их интересующий. Упоминаем об этом не для того, чтобы рекомендовать

или вызвать у нас что-либо подобное. Та широкая практическая деятельность, к которой призывается наше священство, мало совместима с подобными отвлеченно-школярными занятиями, и обязательное составление богословских рассуждений нашими священниками, – рассуждений, напоминающих собою школьные задачи или упражнения, – было бы для них тяжелым игом и могло бы часто причинять ущерб тому церковному делу, для которого они поставляются среди прихода. Мы выставляем чужой обычай на вид, чтобы показать, как в других вероисповедных обществах считают необходимым сохранение живого научного интереса к научным занятиям среди духовенства, но желаем, чтобы у нас этот интерес поддерживался не внешними принудительными мерами, а свободным сознанием нашего пастырства, которому Церковь в школе дает достаточно полное образование.

2. Занятия педагогические

Кроме книжных занятий, вызываемых потребностью умственного самоусовершенствования священника, священник может посвятить себя и свое свободное время, остающееся у него от исполнения прямых служебных обязанностей, делу педагогическому, – делу воспитания и образования детей, у себя ли в доме, или лучше в школе.

Это педагогическое дело вполне сообразно со званием священника, обязанного учить вере и благочестию всех, находящихся в его приходе, и может быть дополнением его пастырской учительской деятельности. Занятия в школе священник может брать на себя в видах более успешного достижения той цели, которая указана ему Церковью, призвавшею его к пастырскому служению. Если он хочет в своем приходе создать поколение, преданное Церкви и живущее по духу Христову (а он должен стараться об этом в силу своего пастырского звания), он должен обратить особенное внимание на детей своего прихода в этом нежном возрасте, восприимчивом ко всем добрым впечатлениям; он должен сеять в душах семена веры и доброй нравственности для того, чтобы они, возрастая потом, принесли плод свой и сделали из детей добрых христиан и полезных членов общества: «Младенческий возраст (говорит Книга о должностях пресвитеров приходских) яко скудельный сосуд чим напоен будет, добрым или злым, таковую³⁹ воню и впредь издавать будет». Потому (советует эта книга⁴⁰) «пресвитер прилично своему званию сделает, если во всякий недельный день по полудни собираться велит в церковь или школу маловозрастным отрокам, и тамо их будет обучать». Священник упустит благоприятное время, когда не приложит никакого попечения к воспитанию и обучению детей своего прихода: с взрослыми вести дело труднее, чем с детьми, податливыми на всякое влияние, и направление их на путь спасения (а это лежит на обязанности священника) будет соединено с не малыми, препятствиями, когда в юности они были брошены на произвол случая или возростали под влияниями, мало благоприятными для утверждения в них духа веры и благочестия.

Независимо от этих целей, входящих в виды пастырского служения, есть и другие побуждения, могущие склонять священника к педагогически-образовательному делу. В нашем народе есть большая потребность образования, хотя она и не ощущается живо всей его массой. Народ наш называет себя темным народом, и характеризуя так себя, он тем

самым заявляет, что он лишен света образования, необходимого для возвышения человеческого достоинства и для лучшего устройства нашей жизни. Среди этого темного люда священник является наиболее просвещенным лицом, и из любви к народу, из желания ему блага, ему естественно распространять вокруг себя те начала знания, какими он может осветить темную массу народонаселения, – естественно содействовать тому, чтобы народ наш ознакомился с грамотностью и вместе с грамотностью усвоил себе облагораживающее и просвещающее влияние знания. Наше правительство заботится о просвещении народа, и в последние десятилетия явилось немало народных сельских школ, открываемых и поддерживаемых министерством народного просвещения. Но если бы этих школ было вдвое, втрое более теперешнего числа, они не могли бы удовлетворить всей потребности просвещения нашего многомиллионного народа, и при них еще много остается детей, которые не имеют возможности ознакомиться с грамотой. Новый усердный учитель народа никогда не будет лишним, как бы много ни устроило министерство своих школ. К этому нужно прибавить еще то, что наш народ издавна привык относиться с особым доверием к учителю, прикосновенному к Церкви, по самому служению своему могущему дать ему излюбленную им грамоту церковную и научить тому, что для его благочестивого чувства всего дороже, – вере и закону Божию. Учителя светские возбуждали у него прежде недоверие к себе, и нельзя сказать, чтобы это недоверие исчезло совершенно и теперь: несмотря на заботы правительства приготовить учителей мирян для народных школ, эти учителя не снискали себе внимания народа, и священник-учитель всегда будет для него почтеннее, авторитетнее, чем учитель светский, готовый иногда идти в разрез со святыми преданиями, хранимыми в народе, и посягать на неприкосновенность обычаев, освященных Церковью. Не нужно пренебрегать этим доверием, с каким народ относится к своим пастырям, желая им первее всего поручать образование или обучение своих детей. Нужно пользоваться им, чтобы не выпустить из рук одного из важнейших средств к проведению в народ религиозного влияния Церкви и утверждению в нем добрых начал веры и нравственности, какое представляет из себя школа. При небрежении священников об этом деле, образованием детей могут овладеть силы, чуждые Церкви, и они могут вести школьное дело в направлении, вовсе не желательном для служителей Церкви, как и бывали примеры вредной пропаганды в школах со стороны людей, отшатнувшихся от Церкви и утеревших веру.

Наше правительство сознает великое значение духовенства для

образования народа, и желает, чтобы это образование основывалось на церковных началах и велось в духе Церкви, чему служить главным образом могут пастыри Церкви. Положением о церковно-приходских школах оно зовет наших священников к усиленной просветительной деятельности во благо народа, и недавно наше духовенство с высоты престола слышало этот святой призыв, и вместе с тем выражение надежды Монарха, что духовенство окажется достойным своего высокого призвания. Мы не хотим допускать грустного предположения, чтобы этот призыв не возбудил возможно горячего усердия к осуществлению благих намерений Монарха, касательно просвещения народа, среди нашего духовенства, так преданного Церкви и Богом установленной предрержащей власти.

Священник не может вести школьных занятий с учениками так регулярно, как это может делать учитель, кроме учительской должности не знающий никаких других служебных обязанностей. У священника много прямого пастырского дела, много треб, отрывающих его от исполнения учительского долга, и иные из них так важны и настоятельны, что из-за них он должен оставлять даже служение литургии, уже начатой, если например его позовут напутствовать, т.е. исповедать и причастить тяжело больного или окрестить слабого, умирающего младенца. В этом обстоятельстве, по мнению иных, заключается немаловажное препятствие, мешающее священнику брать на себя педагогические занятия в школе, требующие строгого порядка. Само собой понятно, что исполнение пастырских обязанностей должно быть первым делом священника, и он не должен оставлять их ни для какого другого дела. Но, несмотря на сложность пастырских обязанностей, исполнение их не поглощает всего времени священника. А неотложные требы, обязывающие его прекращать какое бы то ни было, им исправляемое, служение, вовсе не так часты, чтобы на них указывать, как на серьезное препятствие к занятиям священника с детьми в школе или дома. Полагаем, что усердие священника, если только оно есть у него, найдет достаточно свободных часов для доброго и полезного педагогического дела. Беды не будет, если изредка, по встретившимся обстоятельствам, священнику придется оставлять или изменять урочные часы, назначенные для школьных занятий. Церковь указывает ему, чем он может пользоваться приходящих в храм на богослужение людей, если настоятельная нужда заставляет его на время остановить служение литургии. Тем возможнее занять ему чем-либо полезным детей, у него учащихся, если он не может быть с ними в час, назначенный для его учительской беседы с ними.

Мы впрочем говорим о педагогических занятиях священника в школе или дома, не как о чем-либо обязательном и необходимом для него, а как о деле, в высшей степени приличном для него. Пусть он, соображаясь с обстоятельствами и с мерою времени, находящегося у него в распоряжении, берет на себя из педагогического дела то, что для него наиболее сподручно и менее затруднительно. Может быть, для него неудобно брать на себя обучение грамоте, – чтению, письму, арифметике и другим подобным предметам мирского свойства, входящим в курс народной школы. Но Закон Божий, религиозное обучение – это его предмет, и он не должен бы допускать, чтобы преподавание этого предмета переходило от него к другим учителям. Пусть на этом предмете он сосредоточит свое внимание, пусть им одним ограничится: тогда не потребуется от него столько времени, сколько его нужно для учителя, занимающегося с детьми по всем другим предметам, и окажется для него вполне возможным совместить с исполнением пастырского долга и исполнение долга религиозного учителя в школе. Это религиозное обучение он может брать на себя в школе народной, в школе частной или домашней и в школе церковно-приходской. Устроение последней лежит ближе всего к его заботам. Нельзя требовать, чтобы священник непременно сам занимался в этой школе. Он может иметь, он должен искать сподручных помощников себе для занятий в этой школе. Такими сподручными помощниками ему в этом деле могут быть подчиненные члены клира, – дьяконы (где они есть) и псаломщики, члены семьи священника или кого-либо из его причта, – могут быть и приглашенные отинуду, в особенности из лиц, готовящихся к священническому служению. Но сам он отнюдь не должен стоять в стороне от этой, близкой ему, школы. Ему должно принадлежать самое бдительное наблюдение за ходом, направлением и успехами обучения в этой школе; ему должно принадлежать главное руководство всем педагогическим делом, какое ведется в этой школе, и для придания ей большего авторитета в глазах прихожан, для более благотворного влияния на учащихся ему следовало бы самому являться в ней в качестве учителя и сообщать детям то, что им необходимее знать с точки зрения религиозно-воспитательной, и что способно воспитать в них дух веры и благочестия.

При слове о педагогических занятиях священника с детьми, в школе или дома, нельзя опускать из вида и соображений экономического свойства. При многочисленности нужд, каким должен удовлетворять священник, как домохозяин и отец семейства, и при незначительности его доходов, он нередко оказывается вынужденным искать побочных занятий

для приумножения средств содержания, доставляемых ему его должностью. Из этих побочных занятий обучение детей, с видами на некоторое вознаграждение за этот труд, представляется наиболее соответствующим его служению и образованию. Так смотрела всегда на это дело и Церковь. В древние времена случалось иногда, что пастыри Церкви, для приумножения своих доходов, обращались к сторонним светским занятиям, принимали на себя мирские и житейские попечения у мирских начальников и вельмож. Церковь неодобрительно относилась к этому и, возбраня совмещение пастырского служения с мирскими попечениями, указывала священникам, ищущим себе какого-либо прибыльного труда, на обучение детей, как на дело, наиболее приличное пастырю. *Лучше да идет священник, занимающий мирскую должность у глаголемых вельмож, учить отроков и домочадцев, читая им божественное Писание: ибо для сего и священство получил* (говорит 10-е правило Седьмого Вселенского собора).

3. Труд физический и хозяйственные занятия

Может обращаться священник и к другим честным и полезным занятиям, в видах обеспечения себя и своего семейства и приумножения скромных средств своего содержания, и он не сделает ничего предосудительного, если тем или другим родом труда, им на себя предпринимаемого, будет стараться устроить благосостояние своего дома. Это дозволено ему канонами церковными. Тот же Вселенский собор, который рекомендует священнику избирать для себя из разных житейских занятий обучение детей, как труд, наиболее ему приличный, разрешает ему и многие другие труды, могущие приносить ему какой-либо доход. Запрещая замеченное им отступление от церковного обычая, состоявшее в том, что клирик, в видах получения больших доходов, определялся к двум церквам вместе, что, по словам отцов собора, свойственно торговле и низкому своекорыстию, собор, вместо этого совмещения служений в двух церквах, рекомендовал служителям церкви, для обеспечения себя, обращаться к каким-либо честным занятиям. *Для потребностей сея жизни (постановили отцы в 15 правиле Седьмого Вселенского собора) есть различныя занятия: и сими, Аще кто пожелает, да приобретает потребное для тела.*

Соответственно приведенным нами указаниям соборных канонов, священник, не уклоняясь от труда умственного, может предаваться и труду физическому, может брать на себя и занятия материального свойства, какими люди снискивают себе средства жизни, хотя нужно заметить, что Церковь свое разрешение священнику занятий подобного рода обставила некоторыми ограничениями.

Пример физического или телесного труда представляют для пастырей церкви святые апостолы, которые, пронося благовестие Христово и служа Церкви, не уклонялись от житейских занятий, к каким приучались и приобькли с детства. Апостол Павел, по его собственному признанию (1Кор. 15:10), потрудившийся более других апостолов в проповедании Евангелия и благоустроении церквей, при своем апостольском служении находил время и считал не неприличным для себя заниматься ручным ремесленным трудом, и этим трудом добывал средства для удовлетворения своих собственных нужд и нужд близких ему лиц. Он был ремеслом скинотворец, и этого ремесла не оставлял во все продолжение своего служения Церкви Христовой (Деян. 18:3). Не раз в своих речах и в своих посланиях он ссылался пред верующими на то, что он снискивает

пропитание трудом рук своих и, ссылаясь на это, заявлял желание, чтобы и другие подражали ему в этом отношении. *Сребра или злата, или риз ни единого возжелах* (говорит он пресвитерам ефесским). *Сами весте, яко требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. 20:35). *Вы помните, братья* (писал он солунянам), *труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие* (1Сол. 2:9). *Вы сами знаете, как должны вы подражать нам* (читаем мы в другом послании тем же солунянам); *ибо мы... ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас; не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам* (2Сол. 3:7–9. Ср. 1Кор. 4:12).

Какого же рода хозяйственные занятия приличны священнику? К какому труду внешнего материального характера ему можно обращаться, в видах приобретения или некоторого приумножения средств жизни?

Апостол Павел занимался ремеслом и ремеслом снискивал себе необходимое обеспечение. Имея в виду такой высокий пример, священник может не стыдиться ремесленного труда, если есть у него к тому расположение и практическое умение, и никто не осудит его, если он в свободные часы занимается каким-либо благородным мастерством, и занимается с тем, чтобы произведениями своего труда содействовать благоустройству своего хозяйства. Между занятиями, требующими физического труда, есть много видов, и иные из них не составляют простого ручного мастерства, и из области ремесла переходят в область искусства, например, живописное или иконное искусство. Занятия этим или подобным искусством, нисколько не оскорбляя достоинства священнического звания, составляют своего рода приятное и полезное развлечение для него и, разнообразя его жизнь, вносят в нее больше полноты и содержания, и предохраняют от скуки и пустоты, независимо от тех возможных материальных выгод, какие через них можно приобретать.

Но практически ручной труд по изготовлению каких-либо предметов искусства или ремесла, хотя он не предосудителен для человека в звании священника, не может быть для него трудом обыкновенным. Он требует предварительной подготовки, некоторого нарочитого обучения, и только немногие из людей, готовящихся к священному званию, вследствие известных природных предрасположений, могут овладевать тем или другим практическим искусством, и в нем упражняться, по поступлении на место, улукая для него свободное от служебных занятий время.

Самое естественное и обычное для священника в его положении занятие, к которому может обращаться он без особенных долгих приготовлений, – это занятие сельским хозяйством. К этому занятию располагает священника тот порядок вещей, по которому у нас в селах дается священнику или причту каждой церкви известное количество десятин земли, и дается с тем, чтобы он извлекал из нее доход в подспорье к другим средствам своего содержания, и, обрабатывая ее, приобретал необходимое для пропитания себя и своего семейства. Это экономическое условие жизни нашего священства утверждено издавна, и нет нужды стремиться к изменению его; оно принято не у нас только в России, но и в других странах. Кроме экономической выгоды, можно ожидать и других добрых действий от этого занятия. Оно обращает священника к природе, и это обращение может освежительно действовать на его дух: природа на восприимчивого человека производит нравственное укрепляющее влияние. Недаром люди, истомленные условиями искусственной городской жизни, бегут нередко из мест своего обитания, обставленных всеми удобствами, в сельскую глушь, чтобы здесь, на лоне матери-природы, почерпнуть для себя освежение и найти струю новой жизненной силы, могущей сообщить бодрость и энергию надломленным душевным силам. Далее, через занятие сельским хозяйством священник входит в близкие отношения к своим прихожанам: вместе с ними собирая плоды, какие дает человеку земля, предоставленная в его распоряжение, он непосредственно участвует в их интересах и живет, так сказать, одною жизнью с ними. А это не остается без значения для внутреннего нравственного сближения его со своими прихожанами, необходимого для усиления и утверждения его пастырского влияния на них.

При мысли о сельском хозяйстве и его приличии для священника многих смущает черная работа, какая с ним соединяется. Эта черная работа, говорят, совершенно не приличествует сану священника и может унижать его, когда он принимается за нее. Можно ли, например, священнику удобрять и унавоживать землю и собственноручно нести другие труды, каких требует обработка поля? Не унижит ли он своего достоинства и не оскорбит ли святых тайн, которую призывается совершать, если будет приступать к ней с грязными, заскорузлыми руками, прямо от сохи или рабочей телеги? Будут ли питать к нему подобающее уважение его прихожане и сторонние люди, когда будут видеть его в поле за работой наемника или простолюдина? Видя неудобства, сопряженные для священника с трудом возделывания земли, многие высказывают желание, чтобы священник избавлен был от

необходимости вести сельскохозяйственные занятия, и чтобы вместо земли, которая дается причту в виде обеспечения его содержания, полагалось определенное денежное вознаграждение, соответствующее доходу с той земли. Но черная работа, которой боятся и стыдятся ревнующие о достоинстве священного сана, не есть необходимость для священника и при нынешнем положении вещей, когда причту каждой сельской церкви отведено известное количество земли. Если священник опасается уронить свое достоинство земледельческим трудом, он может возделывать землю и извлекать из нее некоторый доход наемными руками, в которых у нас нет недостатка. Все, более или менее крупные, землевладельцы не сами пашут и обрабатывают землю, не сами собирают ее произрастения, а при посредстве рабочих за определенную поденную, месячную или годовую плату. Можно заниматься сельским хозяйством, обрабатывать землю и собирать то, что она приносит, уклоняясь от труда, чернящего руки, и предоставляя себе более чистую и благородную часть в земледельческой работе. Можно извлекать доход из земли, и в то же время не допустить ничего, что могло бы, на чей-либо щепетильный взгляд, умалить и унижить благородство священнического звания. Пусть же священник, при занятиях сельским хозяйством, обращается к пособию наемных сподручных сил для выполнения низкой черной работы; тогда в этих занятиях не будет ничего, могущего служить к унижению его авторитета. Это гораздо лучше, чем отказаться от земли и требовать за нее соответственного вознаграждения. Это вознаграждение соединено с большими затруднениями, и если оно будет разложено на прихожан, оно может вызывать нарекания и едва ли будет исправно доставляться. И едва ли это вознаграждение, раз постановленное, будет удовлетворять священника. Ценность земли и ее произведений постоянно и постепенно возвышается: а доход с нее, раз, положенный священнику, не может постоянно измениться и весьма скоро окажется значительно ниже того, что он сам извлекал бы из нее, если бы имел ее в своем владении. Пока же добьется причт его возвышения, пройдет немало времени, и, пожалуй, – встретится при этом много неприятностей, да если и увенчаются успехом хлопоты о возвышении вознаграждения за землю, величина его опять едва ли будет отвечать потребностям времени. Нет, совершенно не практична мысль о замене земли, предоставляемой в распоряжение священника или причта, определенным денежным вознаграждением.

Не видя необходимости священнику самому собственноручно обрабатывать землю, мы впрочем, не считаем унижительным для кого бы то ни было непосредственный физический труд, какого требует занятие

сельским хозяйством. Всем потомкам Адама сказано после грехопадения прародительского; *в поте лица твоего снеси хлеб твой* ([Быт. 3:19](#)), Этот приговор Божий касается всех, и мы не в праве считать унижительным для себя исполнение этого приговора Божия. В древних республиках иные лица, оказавшие великие услуги отечеству, от дел гражданского управления удалялись в тишину сельского уединения, и в этом уединении не стыдились прилагать руки свои к таким работам, какие несли последние из граждан, и это отнюдь не служило к их унижению, а напротив еще более возвышало их имя в глазах других. И в христианской Церкви, в древние же в средние времена, служение священника не считалось не совместимым с физической работой, какой требует возделывание земли. Евстафий, митрополит солунский, живший в XII веке, в одном слове представляет идеал человека в лице Филофея опсикийского. Этот Филофей был добрый семьянин и усердный земледелец, и по своему желанию удостоен был звания священника. Когда он сделался священником, он не мог много времени отдавать прежним своим обычным занятиям по хозяйству и по всему тому, что необходимо для живущих в мире, но не отказался от земледелия. «Любил же он (говорит Евстафий) не только наемными руками распахивать землю для разного рода посевов, но *и собственными руками трудиться около нея*, считая это делом благородным и приличным для себя. И земледелие привлекало его не только потому, что это занятие честное, но и потому, что оно изсушает лишнюю влагу в теле, укрепляет человека и приучает его к терпению и постоянству в занятиях, а потому и в добродетели. Таким образом, уроками от земли поучая душу, он и домашним своим приобретал достаточное для них, и нуждающимся давал хлеб от праведных трудов своих»⁴¹. С этим примером св. Филофея опсикийского и с похвальным указанием на него Евстафия солунского не согласуется совет нашего отечественного писателя, издавшего довольно замечательные руководительные письма по пастырскому богословию, протоиерея Е. Попова, по которому «нигде и никогда священник не должен заниматься работами по сельскому хозяйству до подобия крестьянина, так что трудно было бы узнать его среди этих занятий и терялось бы уважение к его сану»⁴². Сопоставляя эти два разногласные показания, мы предоставляем самому читателю решить, где больше правды, – в похвальном ли слове Евстафия Филофею опсикийскому, или в письмах по православно-пастырскому богословию.

Между сельскохозяйственными занятиями священнику в особенности сподручны такие виды их, которые в сельскохозяйственном быту выходят

за пределы необходимого, не требуют такого сложного физического труда, какого требует обработка поля, а требуют скорее любви и охоты к делу и небольшого знания, легко приобретаемого опытом. Таковы, например, садоводство и пчеловодство. Для успешного ведения этих отраслей хозяйства не нужно долгого изнурительного труда, не требуется и черной работы, могущей казаться унижительной для священника. Священнику не стыдно и он не унижит своего сана, если, время от времени, сам своими руками будет трудиться над насаждением, культивированием и усовершенствованием своего сада, или если устроит у себя пчельник и будет смотреть за ним, как добрый хозяин. Труды его, требуемые этими отраслями хозяйственной деятельности, будут не изнурением для него, а отдохновением среди других забот и хлопот, и они будут доставлять ему то движение; какое, по словам Евстафия, необходимо для иссушения излишней влаги в теле и укрепления здоровья. Относится к удовольствию, а не к удовлетворению существенной потребности человека то, что доставляет сад или пчелы. Тем приятнее должны быть эти занятия, что в результате они имеют приобретение вещей, служащих к невинным наслаждениям человека. Но независимо от приятностей, здесь может быть и существенная польза. Хорошо поведенное садоводство или пчеловодство может давать плоды не для одного собственного потребления священника, но и для продажи; и этим можно немало умножать средства, необходимые для удовлетворения разнообразных семейственных потребностей. При недостаточном развитии у нас подобных побочных отраслей хозяйства, они могут быть весьма прибыльны, и в тех местах, где священники не пренебрегают ими, они составляют не последнюю выгодную статью в их хозяйстве.

Как ни естественно, при настоящем порядке вещей, нашему сельскому священнику заниматься сельским хозяйством, – оно не составляет для него необходимости, и хорошее ведение своего сельского хозяйства не может служить к возвышению его пастырского авторитета. Можно быть отличным священником, всецело преданным благу своей паствы, и в то же время мало заниматься хозяйством или вовсе не заниматься им. Сельское хозяйство для священника всегда побочное занятие, служащее подспорьем ему в приобретении средств содержания. Если он найдет возможным обойтись в устройении своего внешнего быта без излишних сельскохозяйственных забот, от этого не пострадает то пастырское служение, к какому призывает его Церковь. У нас, в не так давние годы, хотели сделать из священников специалистов-агрономов и включили было в число обязательных предметов преподавания в

семинарии сельское хозяйство, которое и значилось в семинарской программе не один десяток лет. Надеялись, что будущие священники, познакомившись в школе с усовершенствованными способами ведения сельского хозяйства, по поступлении на место, и сами станут получать больше дохода со своего участка земли, а вместе с тем послужат поучительным примером рационального ведения сельского хозяйства и для крестьян. Но это была ошибочная мера, которая не привела ни к каким добрым практическим результатам, и потому скоро была оставлена. Священники не сделались учеными агрономами, да и не могли сделаться такими ни в школе, ни в жизни, – в школе потому, что их отвлекали от занятия агрономией другие предметы, изучение которых более необходимо для приготовления к достойному прохождению пастырского служения, – в жизни потому, что их внимание не могло быть сосредоточено на сельскохозяйственных заботах, как этого можно ожидать и требовать от людей, считающих сельское хозяйство главным своим призванием, и им они предавались после других дел, входящих в круг прямых их обязанностей. Потому, и при изучении сельского хозяйства в семинариях, священники не были двигателями улучшений в сельском хозяйстве. Да это и не их дело. Нам кажется не практичной, если не прямо опасной, самая мысль расположить священника к усиленному занятию сельским хозяйством и побудить его идти впереди других в этом деле. Священник может заниматься сельским хозяйством, не унижая своего сана. Но делать его экономом, специалистом по агрономии – преувеличение, могущее вести к вредным для пастырского служения последствиям. При излишней преданности этому делу он может дойти до религиозного за grubения. Мы представляем, что священник первее всего должен быть носителем высших идей и служителем духа. А при увлечении агрономическими интересами в той мере, в какой оно возможно и дозволительно для помещиков, полагающих, так сказать, всю душу в сельское хозяйство, или для арендаторов чужих имений с целью извлечения из них наибольшего дохода, – его религиозно-идеальное настроение может быть подавлено материально-промышленным духом, какому тогда он невольно поддается.

4. Не дозволенные священнику занятия

Разрешая священнику различные прибыльные занятия, Церковь, как мы заметили, обставила свое разрешение некоторыми ограничениями и указала несколько занятий, которые не приличны священнику и не совместимы с его высоким, святым служением. Это, во-первых, дела, безнравственные по своему характеру и. унижительные для служителя Божия, долженствующего распространять среди других начала благочестия. В правилах соборных между запрещенными для священника занятиями упоминаются такие, каких, полагаем, не допустит совесть священника, и о каких не может быть и мысли у современных пастырей, – это занятия тех, которые на пагубу душ собирают и содержат блудниц (86 прав. Шестого Всел. собора). Древность, нужно думать, подавала повод постановить правило, подвергающее отлучению и извержению клириков, занимающихся этим постыдным и презрительным делом. Но ныне, полагаем, нет нужды предостерегать священников от подобных занятий. Никто, далее, из нынешних священников не откроет корчемницы или питейного заведения, что положительно запрещено им канонами (9 правило Шестого Всел. собора), и не станет приобретать пропитания, служа в корчемнице другим и унижая через то свой сан. Но этого мало для поддержания чести и достоинства священника. Эта честь священническая не должна бы позволять ему и отдавать другим свои дома под питейные заведения или передавать в аренду устроенные в его имении винокурни и корчемницы, хотя это последнее не запрещено законами (Св. Зак. т. IX ст. 381). В-третьих, в высшей степени неблаговидно занятие ростовщика, и оно прямо запрещено священнику канонами (апост. пр. 44, 11 прав. Первого Всел. собора, 4 пр. Лаодик. соб. 10 пр. Трульского, 5 и 21 прав. Карфаг.). Но для священника мало, если он только не является официальным ростовщиком, дающим под залог деньги из корыстных видов. Ему не пристало вообще свои деньги давать другим в долг с тем, чтобы получать с них больший процент, в видах скорейшего приращения капитала. Священник должен помнить, что постановили по этому предмету отцы Первого Вселенского собора: *Понеже (читаем мы в 17 правиле этого собора) многие причисленные к клиру, любостыжанию и лихоимству последуя, забыли божественное Писание, глаголющее: сребра своего не даде в лихву (Псал. 16:5), – и давая в долг, требуют сотых: судил святой и великий собор, чтобы, Аще кто после сего определения обрящется взимающий рост с даннаго в заем, или иной оборот дающий*

сему делу, или половинного роста требующий, или нечто иное вымышляющий ради постыдной корысти, таковой был извергаем из клира и чужд духовнаго сословья. Священник может и должен давать от своих избытков нуждающимся. Но в этом случае им должно руководить желание помочь ближнему, а не личная корысть, не стремление к обогащению на счет человека, делающего долги. Давая другим деньги, священник должен иметь в виду пример милосердного самарянина, который помогал несчастному, из чувства сострадания, новее не рассчитывая на какое-либо вознаграждение, и отнюдь не следовать тому евангельскому рабу, который, поймав единого от клевет своих, должного ему стом пенязь, ем его давяше, и вед всади его в темницу, дбндеже воздаст должное (Мф. 18:28–30). Достаточно священнику довольствоваться тем приростом капитала, какой дают государственные кредитные учреждения. При нынешних условиях экономической жизни, помещение в них капиталов не запрещено ни причтам, ни церквам. Помещая в них свои излишки, священник освобождает себя от личных сношений с должниками и от необходимости взыскания с них долгов, часто сопряженной с большими неприятностями, и поставляющей священника в неловкое положение. Несовместимы далее со священным служением такие дела и занятия, которые раздвояют внимание служителя церкви, отвлекают его от исполнения прямых пастырских обязанностей и ставят его в разряд лиц, занимающих известное место в обществе в силу той профессии, какую несут они. В силу этого запрещены священнику мирские попечения (6 апост. пр. и 10 прав. Седьмого Всел. собора), связанные с отправлением какой-либо гражданской должности. *Не подобает епископу и пресвитеру* (говорить 81 апостольское правило) *вдаватися в народныя управления, но не опустительно быти при делах церковных. Или убо убежден будет сего не творити, или да будет извержен. Епископ, или пресвитер, или диакон* (читаем далее в 83 апостольском правиле), *в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, то есть, римское начальство и священническую должность, да будет извержен из священнаго чина. Ибо Кесарево Кесареви, а Божие Богови* (Ср. 7 прав. Четвертого Всел. соб.). Еще более, чем занятие каких-либо гражданских должностей, запрещается священнику принятие какого-либо служения у вельможи или частного лица, принятия на себя обязанности быть управителем домом, имением и т.п. у кого-либо, владеющего значительными средствами. Кроме того, что подобные дела отвлекают священника от его долга, они унижают его сан, заставляя его быть в некотором услужении у другого. Четвертый

Вселенский собор очень строго отнесся к тем, которые позволяли себе подобное нарушение порядка церковного. В основании запрещения таких занятий лежит, во-первых, то соображение, которое выражено в Евангелии словами Господа: *никто же может двема господинома работати: либо единого возлюбит, а другаго возненавидит: или единого держится, о друзем же нерадити начнет: не можете Богу работати и мамоне (Мф. 6:24)*, на что и указано в 81 правиле апостольском, а, во-вторых, желание ограничить дух корыстолюбия, который увлекает духовных лиц к подобным, чуждым им, занятиям. Так в 3 правиле Четвертого Вселенского собора мы читаем: *дошло до святого собора, что некоторые из принадлежащих к клиру, ради гнусного прибитка, берут на откуп чужия имения, и устрояют мирския дела, о Божиим служении не брегут, а по домам мирских людей скитаются, и поручения по имениям приемлют из сребролюбия. Посему определил, святыи и великий собор, чтобы впредь никто, ни епископ, ни клирик, ни монашествующий не брал на откуп имений и в распоряжение мирскими делами не вступался: разве токмо по законам призван будет к неизбежному попечительству надо малолетними, или епископ града поручит кому иметь попечение о церковных делах, или о сиротах и вдовах беспомощных, и о лицах, которым особенно нужно оказать церковную помощь, ради страха Божия (Ср. 19 пр. Карф. соб. 10 пр. Седьмого Всел. соб. 11 пр. Конст. двукратн. соб.).*

Наравне с гражданскими делами, возлагаемыми в обществе на известный чиновный класс людей, наравне с управлением чужими имениями, Церковь считает несовместимой со званием священника и торговлю, как постоянное занятие. Для этого занятия в государстве существует особый класс людей, считающий торговые дела своим главным призванием, несущий особые гильдейские повинности и снабженный особыми, вытекающими отсюда, правами. Торговля, как постоянное и специальное дело купца, требует себе человека из дня в день, и если бы предался ей член клира, он по необходимости стал бы нерадеть о деле Божиим. *Никто же воин бывая* (говорит апостол Павел) *обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет (2Тим, 2:4)*. А священник есть именно воин Христов или страж Церкви: купли житейские помешали бы ему быть усердным служителем Церкви, угодным высшему небесному Воеводе. И когда отцы Церкви старались урегулировать занятия священников, они припоминали приведенное выражение апостола, и всем лицам духовного сана повелевали *взирать на написанное: никто, воинству Богу, не обязуется куплями житейскими (19 прав. Карф. соб.).*

Но если торговля не прилична священнику, как ремесло или как постоянное занятие, это не значит, что он не может вовсе за определенную цену сбывать другим свои достатки. Нет, он всегда может, не нарушая достоинства своего звания, продавать другим произведения своего поля или сада или произведения своего труда, физического ли то или умственного. Такая повременная и случайная продажа не подлежит осуждению и так же доступна для него, как для другого, не вписанного в сословие купеческое. Ему не пристали и для него запрещены только такие вещи, берясь за которые он вторгается в дела людей, вписанных в купеческой гильдии. К этому его мог бы увлекать дух корысти, которого не должно быть у пастыря Церкви.

В основание своего поведения священник должен поставить правило Апостола: *не сребролюбцы нравом: довольни сущими* (Евр. 13:5). Священнику не следует забывать, что апостол Павел, определяя качества, какими должен отличаться пастырь Церкви, между прочим, поставяет на вид то, что епископу или пресвитеру подобает быть не мшелоимцу, не сребролюбцу (1Тим. 3:8) и не скверностяжательну (Тит. 1:7).

VI. Житейские отношения священника

Как держать себя священнику в сношениях с другими людьми, приходящими в соприкосновение с ним или по служебным делам, или по каким-либо частным отношениям?

Умение жить с людьми есть своего рода наука, которая не всем одинаково дается. Священник, самым званием своим поставляемый в близкие отношения к разным лицам, должен постараться более или менее овладеть этой наукой, чтобы создать себе достойное положение среди других и избежать многих неприятностей, происходящих часто от мелочей, легко устранимых в общежитийском быту, при доброй воле и умелом такте священника.

1. Отношения священника к прихожанам

Первые лица, с которыми более и чаще всего имеет сношения священник – это его прихожане. Живя среди них, он постоянно видит их пред собою: они обращаются к нему по вызову своих религиозных потребностей, а нередко и по своим частным делам, и сам он является к ним не только тогда, когда нужно принести им слово религиозного утешения и совершить для них ту или другую церковную потребу, но и тогда, когда его вызывают к тому не духовные, пастырские побуждения, но общежитийские хозяйственные нужды. Устроить добрые отношения между собой и своими прихожанами – дело житейской мудрости пастыря, о котором он должен позаботиться в видах своего собственного блага, а вместе с тем и в видах более успешного достижения цели, указанной ему его служением или Церковью, призвавшею его к этому служению.

Отношения пастыря к своим прихожанам должны определяться духом любви, какую он должен иметь к своим духовным детям, и отзываться сердечностью. К священнику в его приходе все обращаются со словом: *отец* или *батюшка*. Это не пустое слово. Оно указывает тот тон, какой священник должен выдерживать в своих ежедневных сношениях с прихожанами, как членами одной духовной семьи. Священнику следует своим поведением в отношении к прихожанам оправдывать это многозначительное название, утвержденное за ним не только обычаем, но и Церковью. Священник не отвечает этому названию, если стоит в холодных, чисто официальных отношениях к своим прихожанам, и не хочет ничего ни знать, ни делать, что выходит за пределы этой холодной официальности. Мало он оказывает внимания и любви своим прихожанам, если хочет быть только исправным по должности и не заставляет долго ждать себя, если его зовут совершить какую-либо потребу, в церкви или в доме. Требуется и ожидается от него, как от духовного отца, сердечное участие в положении и делах его духовных детей, непосредственная, так сказать, семейственная близость к ним. В силу этой близости священник не встретит своего прихожанина суровым взглядом, когда тот обратится к нему по какому-либо поводу, и не поспеет для него на теплое слово. В силу этой близости он не будет сторониться от того, чем живут его прихожане, и что волнует и занимает их, а с сердечной готовностью войдет в их положение и в их интересы, разделит их радость и их горе, и не откажется дать им добрый совет в таких или иных затруднительных обстоятельствах их жизни. Нам представляется желанным такое

отношение священника к своим прихожанам, чтобы они, привязанные к нему любовно и уверенные в его внимании к себе, видели в нем своего ближайшего руководителя, и к нему, а не к кому-либо другому обращались, со своими недоумениями и затруднениями, со своими заботами и предположениями, со своими печальями и радостями, и чтобы он был их и советником, и попечителем, и судьей, и решителем всех споров.

Близость священника к своим прихожанам не должна простирается до полного влияния и уравнивания с ними в привычках и во внутреннем складе жизни и до принижения перед ними пастырского авторитета. Будучи близок и доступен для всех из своих прихожан, священник не должен опускаться из вида то достоинство, каким облечен он Церковью, и во всех сношениях с ними должен вести себя так, чтобы не уронить своего сана. Нужно, чтобы не только любили его прихожане, но вместе с тем чтили в нем служителя Божия и своего духовного отца. Нужно, чтобы он являлся пред ними не другом и товарищем только, но и отцом, имеющим над ними высшую власть, данную ему чрез Церковь от Бога, и отцом первее, чем товарищем и другом. Чтобы поддержать на надлежащей высоте свой пастырский авторитет перед прихожанами, священнику не нужно облекать себя перед ними напускной литургической важностью, не нужно усвоить себе начальственные замашки и высокий тон в обращении с простыми людьми. Эти внешние средства, бьющие на глаза, сами по себе не достаточны для цели в настоящем случае и не могут создать уважения к священнику в сердцах, ищущих духа, содержания в человеке, приходящем с ними в соприкосновение, и не могущих долго довольствоваться одной формой; они скорее удалят от священника его прихожан, которые при начальственных приемах обращения с ними пастыря, закроют перед ним свою душу, ослабят и умят те обычные связи, какие должны существовать между пастырем и его духовными детьми. Можно держать себя просто с простыми поселянами, не набрасывая на себя никакой важности, и лучше держать просто; только нужно при этом избегать всего, могущего компрометировать священника. Это главное, о чем нужно заботиться священнику в видах поддержания пастырского авторитета и снискания уважения к себе со стороны прихожан. В этих видах священник в своем обращении с прихожанами не ниспустится до пустого балагурства и плоских шуток с ними, не позволит в своем присутствии цинических бесед и грубых перебранок тех или других из прихожан, не станет участвовать в их попойках и деревенских увеселениях. Наш простой народ привык делить хлеб-соль со своими пастырями, и в дни празднеств каких-

либо, церковных или семейственных, когда он видит в своих домах священника, он считает долгом угостить его. Можно не отказываться от предложения разделить трапезу с прихожанином, если это предложение делается от доброго сердца и искреннего расположения к своему духовному отцу; суровым отказом, пожалуй, можно оскорбить любовь и усердие доброго духовного сына. Но разделяя предложенную трапезу, священнику нужно показывать из себя пример трезвости и воздержания. Если же, напротив, заметят в нем слабость и нетрезвенность, если он, принимая угощение прихожанина, допустит какое-либо излишество, предосудительное и в человеке, низко поставленном, он уронит тем свой сан и свой авторитет и подорвет уважение к себе у тех людей, которые должны чтить его, как своего духовного отца.

Чтобы не нарушить добрых отношений к своим прихожанам, священнику нужно иметь немало снисходительности и великодушия и не быть слишком настойчивым в своих требованиях. Могут беспокоить его те или другие из прихожан мелочными, пожалуй, неуместными, просьбами, могут приставать к нему с назойливыми заявлениями, могут обращаться к нему с такими требованиями, каким он не может удовлетворить. Терпеливо нужно выслушивать подобные заявления и не раздражаться гневными словами, даже и тогда, когда видит неуместность обращенной к вам просьбы. Можно спокойно и с самообладанием разъяснить заявляющим перед вами неуместные просьбы и желания, почему вы не можете принять их и действовать согласно с ними. Может быть допущена со стороны простых прихожан невежливость и грубоватый тон в обращении со священником; ниже достоинства священнического обижаться этим: чаще всего проявления грубоватости и невежливости со стороны простых селян зависят не от их злой воли и намеренного желания оказать неприятность своему священнику, а от их необразованности, от их неумения поставить себя в должные отношения к людям, выше их стоящим, и вести перед ними приличную речь. В случаях замеченной невежественной формы обращения того или другого прихожанина можно, не сердясь, со спокойствием и лаской дать ему дружеское или отеческое наставление.

Весьма возможны случаи столкновения и пререканий священника со своими прихожанами по поводу каких-либо вопросов, возникающих при житейских сношениях между людьми, живущими в соседстве и пользующимися взаимными услугами, например при расчетах за какую-либо наемную работу, совершенную для священника кем-либо из его прихожан, при покупке или продаже какой-либо вещи, при возникновении

вопроса о праве на владение тем или другим участком земли и т.п. Не хорошо и не благовидно, если священник своею притязательностью или духом корысти возбуждает и вызывает спор из-за подобных материальных интересов. А если они возникают помимо его воли, он должен испытать все способы мирного, любовного решения спора, и вместе с тем должен помнить, что его сану и положению соответствует более уступчивость, чем неумолимая требовательность и настойчивость. Если замешан в деле его личный материальный интерес, им может пожертвовать священник, чтобы не нарушить и не испортить добрых отношений к своим духовным детям. Уступчивостью в своем интересе, за который может стоять формальное право, он покажет добрый пример христианского поведения другим; ею он может более возвысить свой авторитет, когда увидят те христианские побуждения, во имя которых он готов отступить от своего формального права, и едва ли прогадает он и с точки зрения материальных интересов, если раз-другой поступится своими выгодами в пользу своих прихожан при столкновениях с ними. Кроме чувства мира, покупаемого такой уступчивостью, он найдет при этом оправдание себе со стороны лучшей части своего прихода, которая не может не замечать христианского духа, руководящего ее пастырем, и совесть парода не позволит ему злоупотреблять добротой своего духовного отца, и доставит ему вознаграждение за те потери, какие он терпел прежде вследствие своей уступчивости прихожанам и желания жить мирно с ними. Между тем священник, жалующийся суду на своего прихожанина по поводу несогласия из-за какого-либо житейского интереса, представляет из себя явление, мало говорящее в свою пользу, хотя бы при этом он был прав, и совершенно на его стороне был закон и внешнее право. Ему свойственнее суд совести и дух прощения, чем искание внешней правды перед судом гражданским. И тот священник, который делает частые жалобы и позывы в суд тем или другим из своих прихожан, через это не приобретает ни любви, ни уважения своих прихожан, а только показывает себя человеком, чуждым пастырского духа. Руководственным предостережением в этом случае может быть для священника известное наставление ап. Павла, обращенное ко всем верующим, в котором апостол укоряет их за то, что они, имея дело с другими, обращаются к житейским судам. *И то уже весьма унижительно для вас (говорит апостол), что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев (1Кор. 6:1–8).* Если апостол находил уместным и необходимым с таким словом обращаться к простым

верующим, то тем более оно должно находить приложение к поведению священника, служителя и учителя мира и любви по преимуществу. Все прихожане его дети по духу, и отеческая любовь к ним не должна допускать его до жестких препирательств с ними по житейским делам и судебных жалоб на них.

Впрочем уступчивость священника и стремление к полюбовному решению дела в столкновениях со своими прихожанами должны иметь свои границы. Там, где дело касается одного личного интереса священника, он может действовать, руководясь тем духом, какой внушал всем Господь наш в Своей нагорной беседе, говоря: *хотящему судитися с тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (Мф. 5:40)*. Но когда он замечает посягательство не на свой личный интерес, а на интересы церкви, когда например, хотят завладеть деньгами или имуществом, принадлежащим той церкви, в которой он приставлен, как ее настоятель, или когда хотят урезать у причта его церкви землю, данную ему в обеспечение его существования, он обязан выступить на защиту церкви и причта, обязан отстаивать право на владение тем или другим имуществом, незаконно отнимаемым чьими-либо корыстолюбивыми стремлениями. Нельзя позволять незаконно расхищать собственность церкви или причта. В этом случае во имя интереса церкви священник вынуждается принять все законные меры к тому, чтобы удержать при церкви то, что дано ей и что принадлежало ей прежде, и искание перед судом или вчинание гражданских жалоб не будет тогда служить к унижению его сана. Скорее он будет виновен в нерадении о церковном благе, если по своей доброте и уступчивости позволит оттягать от церкви то, что ей бесспорно принадлежало. Также точно следует поступать, когда будет нанесена какая-либо неприятность священнику, например, будет взведена на него грубая хула или оказано ему дерзкое оскорбление. Долг христианской любви побуждает его терпеливо перенести нанесенное ему оскорбление, если дело касается его личности. Но когда при этом нанесено оскорбление не его личности, а его сану, или когда вместе с ним поругана святыня Церкви и подверглась публичному осмеянию вера, которую он должен защищать и охранять перед всеми, то и при всей готовности простить личное оскорбление, священник может и должен просить закон и власть, его охраняющую, защищать от поругания то, что должно быть предметом общего почитания и благоговения.

В отношениях священника к своим прихожанам важное значение имеют те доходы, какие он получает от них за свое служение и требоисправление для них, и на какие он имеет право рассчитывать,

поступая на место. Между средствами обеспечения священно-церковно-служителей на первом месте, по нашим церковно-гражданским постановлениям, стоят добровольные даяния прихожан за исполнение для них церковных и приходских треб. Эти добровольные даяния прихожан очень часто служат камнем преткновения, о который разбиваются добрые отношения пастыря к своим духовным детям, и который подает повод ко многим пререканиям и неприятностям обеим заинтересованным сторонам, т.е. и священнику и его прихожанам. Многие священники недовольны таким способом обеспечения своего содержания, – недовольны, во-первых, потому, что находят его неблагоприятным и унижительным для себя, во-вторых, потому, что находят, что этот источник подвержен разным случайностям и поставляет их в прямую зависимость от прихожан, а, в-третьих, потому, что не доставляя им обеспечения в той мере, в какой бы они желали, вынуждает их быть требовательными там, где все должно быть предоставлено одной доброй воле. А прихожане часто тяготеют эту обязанностью давать плату своему священнику за его служение, и когда нужда заставляет их обращаться к священнику при святом религиозном деле, если они бедны, их немало беспокоит мысль о вознаграждении, какое по обычаю следует священнику за его дело. Если при этом священник, прямо или через других, напомним прихожанину, что он не вполне доволен данным ему вознаграждением, – пойдут пересуды и жалобы, – и нарушен добрый мир между священником и его духовными детьми. В нашем народе, при всем его религиозном строе, ходит очень много поговорок, обидных для чести священника, и они обязаны своим происхождением тому обстоятельству, что священник, если хочет иметь средства к жизни, волей или неволей должен принимать подаяния от своих прихожан.

Для устранения лишних поводов к взаимным неудовольствиям между священником и прихожанами и для поставления себя перед ними в более независимое положение, многими священниками настоятельно заявлялось желание, чтобы они освобождены были от необходимости принимать добродетельные подаяния, часто тяжелые для той и другой стороны, т.е. для дающих и принимающих, и чтобы эти добродетельные подаяния заменены были определенным денежным жалованием от казны. Мысль об этой замене добродетельных подаяний жалованием от казны была и у правительства, начиная с императора Петра I; в особенности много думали над ее осуществлением при Александре I, и с тех пор, как манна небесной, духовенство ожидало себе жалования, которое бы улучшило его положение и в котором оно видело наиболее благородный способ

обеспечения своего содержания. При Николае I эта мысль частью приведена была в исполнение, когда введен в действие (1847 г.) проект новых штатов сельских причтов, и когда во многих епархиях стали выдавать из государственного казначейства причтам городских и сельских церквей определенное жалование. Ныне идет казенное жалование церковным причтам едва ли не в большинстве епархиях и нет его во внутренних епархиях великороссийских и сибирских. Но и там, где есть жалование духовенству, не устранена необходимость принимать добротные подаяния. Жалование выдается не в таком размере, чтобы могло вполне обеспечивать содержание причтов (за исключением некоторых привилегированных епархий); оно служит только подспорьем к другим средствам содержания, какими может пользоваться наше духовенство. Наши священники увидели бы себя в большом затруднении, если бы принуждены были довольствоваться одним жалованием. А большим содержанием, могущим покрыть все нужды духовенства, не может снабдить наши причты государственное казначейство при тех источниках доходов, какими оно располагает. Вместе с тем иные, и ревнующие о благе Церкви и сочувствующие положению духовенства, находят ту невыгодную сторону в порядке обеспечения духовенства казенным жалованием, что при нем священник превращается в гражданского чиновника, что при нем ослабляются внутренние связи священника со своими прихожанами, и он становится гораздо дальше от них, чем при прежнем порядке обеспечения его содержания со стороны самих прихожан, а удаление священника от своих прихожан по каким бы то ни было обстоятельствам вещь нежелательная.

Были проекты, и ныне высказываются желания случайные добротные подаяния прихожан за требы церковному причту заменить не казенным жалованием, а определенным годичным взносом, назначаемым приходской общиной и собираемым со всех членов этой общины в известном размере независимо от того, сколько раз и для каких треб является священник в тот или другой дом. Обеспеченные условленным содержанием, доставляемым в назначенные сроки, священники, при таком порядке вещей, уже безмездно исполняли бы все требы и не видели бы надобности брать поручную, часто копеечную, плату за святое дело, совершаемое ими для прихожан. Еще в Духовном Регламенте проектировалась такая мера. В 22 пункте Прибавления к Регламенту о правилах причта церковного мы читаем: «Намерение есть Его Императорскаго Величества так церкви распорядить, чтоб довольно ко всякой число прихожан было приписано, и определить, что всякой

приходской человек должен в год причту своея церкви, так чтоб подаяния тех весь причет тот могл иметь довольный трактамент. Того ради по Его Императорскаго Величества Указу Святейший Правительствующий Синод, согласясь с мирскими честными властями, сочинит совет, и намеренное определение уставит. И когда сие станется, то священники должны будут и малейшаго за службы своя, им определенныя, награждения не искать, разве кто с добротства своего похощет нечто подарить, но и то, чтоб не в то время, когда священник потребу какую исправляет, но несколько недель спустя». Как видит читатель, более полутора веков назад в правительственных сферах проводилась мысль о замене случайных плат за требы священнику определенным годичным вознаграждением от приходской общины. Но долгое время, протекшее от составления Регламента, нисколько не приблизило осуществления этой мысли, несмотря на то, что в инославных обществах есть примеры такого вознаграждения духовенству за его служение, – и наши священники по-прежнему не могут избежать необходимости брать деньги от прихожан, когда совершают для них ту или другую церковно-религиозную потребу. Попадаются по временам в газетах известия, что там или сям земства или общества постановили обеспечить церковные причты, вместо поручной платы за требы, достаточным годичным содержанием, и такие известия обыкновенно сопровождаются панегирическими комментариями и пожеланиями, чтобы пример, данный тем или другим обществом, нашел себе как можно больше подражателей. Но мы не видим и не слышим, чтобы такой порядок вознаграждения причтам входил в общее употребление, и случаи переложения добротных случайных подаяний на постоянное определенное годичное вознаграждение от общины остаются явлениями единичными и исключительными. Да если бы и утвердился в жизни такой порядок вещей, едва ли бы он освободил окончательно наших священников от всякого ропота на поборы и удалил от них всякую тень неудовольствия, возбуждаемого в прихожанах долгом вознаграждать священника за его служение. С крестьян или с прихожан стала бы собираться сумма, которая должна идти на содержание и вознаграждение причта. Всякий раз, когда потребовали бы назначенной платы с того или другого прихожанина на жалование причту, этим требованием так же могли бы быть не довольны те, которые ныне тяготеются долгом вознаграждения священника за требы, и так же, как и ныне, могли бы роптать на священника. И если бы это дело, т.е. определение годичного вознаграждения священникам, предоставлено было всецело воле общин, разве нельзя ожидать того, что бы они по возможности стремились к

сокращению и уменьшению этого вознаграждения?

Таким образом, добротные даяния прихожан священнику за его труды до сих пор остаются необходимостью, которой должен подчиняться священник в видах обеспечения содержания своего семейства, и этой необходимости не устранили никакие проекты, составлявшиеся в разные времена, и никакие меры, предпринимавшиеся правительственными лицами или общественными деятелями. Нужно думать, что и в будущие века эти добротные даяния останутся одним из средств, пожалуй, и главных, к обеспечению причтов церковных, и в речи об урегулировании отношений пастыря к своим прихожанам неизбежно наталкиваетесь на вопрос об этом предмете.

Нет надобности стыдиться и сторониться этого способа вознаграждения священнику за его служение, и видеть в нем унижение священнического сана. Это будет уже излишней щепетильностью со стороны человека, не желающего мириться с принятыми условиями жизни. В обществе есть целые классы лиц, поставленные довольно высоко на иерархической лестнице, например доктора или врачи, которые за свои врачебные советы или за свои визиты получают известную плату со своих пациентов, живут этой платой и ею составляют значительное состояние. И они не стыдятся этого, и никто не видит в этом унижения их звания и профессии, никто не отказывает им за это в том уважении, какого они заслуживают. Почему же то же самое не может иметь места в быту духовенства и в отношениях его к обществу, пользующемуся его услугами? Издавна, практикой многих веков, утверждён этот способ содержания духовенства, и он имеет на себя основание в самом Священном Писании. Ещё Господь сказал: *достоин есть делатель мзды своя*, когда посылал Своих учеников с проповедью по городам и весям израильским, и когда при этом не велел им брать с собою ни золота, ни серебра, ни меди, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, а разрешал им есть и пить то, что найдется и что предложат им в тех домах, в какие они принесут слово благовестия (Лук. 10:7–8. Мф. 10:9–10). То содержание, какое они будут получать от принимающих их, будет, по указанию Спасителя, законным вознаграждением их за тот труд, какой они несут для них. Апостол Павел любил своими руками добывать себе пропитание во время своего служения апостольского, чтобы не быть в тягость другим (2Сол. 3:8–9. Деян. 20:33, 34), но он утверждает за служителями Церкви законное право пользоваться пропитанием и содержанием от тех, для которых они поставлены служителями. *Или мы не имеем власти* (говорит он) *есть и пить* (т.е. получать от других нужное

для пропитания)?... Какой воин служит когда либо на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не пьет молока от стада? По человеческому ли только разсуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон? Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай устен вола молотящего (Втор. 25:4). О волах ли печется Бог? Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас сие написано: ибо кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, с надеждою получить ожидаемое. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?... Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святыни? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим евангелие жить от благовествования (1Кор. 9:4, 7–14). И наша руководственная Книга о должностях пресвитеров приходских, ссылаясь на приведенные нами места Писания, замечает, что доброхотному подаянию всячески должно быть, по словеси Господню...⁴³.

Но пользуясь доброхотными подаяниями, утвержденными обычаем и дозволенными законом, священник в этом случае должен быть крайне осторожен, чтобы не подать повода к неудовольствиям со стороны прихожан и не вызвать нарекания и обвинений в корыстолюбии. Нужно, чтобы доброхотные подаяния были в полном смысле доброхотными. Требование большего от прихожан, чем сколько дают или могут дать они, торг с ними из-за платы за совершение какой-либо требы, отказ совершить для них то или другое богослужбное действие в случае неуплаты ими такой или иной суммы вознаграждения, – вообще всякий вид вымогательства дело, в высшей степени недостойное священника, могущее и унижить его в глазах прихожан и расстроить те добрые отношения, какие должны быть у пастыря с пасомыми. Даже обнаружение легкого неудовольствия со стороны священника перед прихожанином, если он не дает ему обычного вознаграждения, или дает слишком ничтожное, набрасывает на него тень, а в душе прихожанина поселяет недоброе чувство по отношению к своему пастырю. В особенности неуместна и даже прямо преступна притязательность священника, когда ему известна бедность человека, обращающегося к священнику за удовлетворением какой-либо религиозной нужды: в этом случае мало того, чтобы не требовать платы за свой труд, нужно отклонять усердие доброго прихожанина, если он старается возблагодарить священника, наравне с другими более достаточными лицами, выше сил своих,

Соблюдая возможную осторожность при принятии обычного вознаграждения церковному причту за его труд, и избегая при этом

всякого вида корыстолюбия, священник обязан показывать полное бескорыстие, когда преподает какую-либо тайну своим прихожанам. Он может принять от них вознаграждение, если оно, помимо его воли, предлагается ему усердием прихожанина. Но требовать какой-либо платы за совершение таинства и сообщение таинственной благодати – это и грешно, оскорбительно для святости таинства, и противно канонам церковным и может подвергать его законному взысканию за симонию. *Никто из епископов, или пресвитеров или диаконов (читаем мы в 23 правиле Шестого Вселенского собора), преподавая пречистое причастие, да не требует от причащающагося за таковое причащение денег или чего инаго. Ибо благодать не продаема: и мы не за деньги преподаем освящение Духа, но неухищренно должно преподавать оное достойным сего дара. Аще же кто из числящихся в клире усмотрен будет требующим какого либо рода воздаяния от того, кому преподает пречистое причастие: да будет извержен, яко ревнитель Симонова заблуждения и коварства.* Имея в виду это правило, *Книга о должностях пресвитеров приходских*⁴⁴ дает священнику такое наставление: „При подавании таин должно и то пресвитеру помнить, что если святая продавать так запрещено, что причащай Телу и Крови Христовой священник, Аще медницы единой воспросит, извержению подлежит, то конечно следуюе крепко берещись, чтобы не истязывать ничего за совершение таин, по словеси Господню: *туне прияте, туне дадите (Мф. 10:8)*, а довольствоваться доброхотным подаванием»... «Если (продолжает эта Книга, отвечая на возможное возражение) священник с причтом так убог, что к содержанию своему лишится нужных, то может в другое время, кроме подавания таинств, требовать от прихожан вспомоществования, по силе учения апостольскаго: *кто воинствует своими оброки когда?*»...

Но, может быть, оскудеет содержание и слишком сократятся доходы священника, если не заявлять никакой требовательности касательно вознаграждения за исправление треб церковных? Едва ли может быть состоятельно подобное опасение. Скорее можно ожидать, что притязательный священник получит менее, чем священник, всегда довольствующейся тем, что ему предлагают. Притязательность священника располагает прихожан не к увеличению ему обычных даяний, а к возможному сокращению их: по естественному закону, усиленное требование с одной стороны всегда вызывает с другой соответственный отпор. В этом случае имеют приложение условия торга, хотя вовсе неуместного в деле служения священнического: чем больше просит один, тем меньше хотят дать ему другие. И если сойдутся в количестве

вознаграждения, в существе дела дают священнику по его требованию такую же плату, какую дали бы и без его запросов, только после запросов дают неохотно и с неудовольствием, и доброхотное подаяние превращается в неприятное и тяжелое вынужденное даяние. Но если священник всегда и везде руководится духом бескорыстия, с готовностью идет на зов прихожанина совершать для него какую-либо церковную требу, не рассчитывая на то, много ли вознаградят его за это, и всегда довольствуется тем, что предлагают ему, тогда он приобретет себе в приходе нелицемерное расположение, и после этого усердие прихожан будет предупреждать его желания. Довольные своим священником и любящее его прихожане окружают его своими попечениями, и на его нужды будут доставлять ему больше, чем сколько он может требовать, и если увидят его в крайности, они будут готовы делиться с ним всем, что имеют. Нельзя думать, что в приходской общине, если не будет внешних возбуждений, утвердится уклонение от обязанности поддерживать свой причт церковный посильными приношениями. Основываясь на данных доступного нам опыта, мы полагаем, что в большинстве ее членов одно чувство долга в силу прежних преданий, без всяких запрашиваний со стороны священника, представляет довольно сильное побуждение к доставлению ему приличного вознаграждения во всяком случае, когда священник служит чем-либо для своих прихожан, и исполняет для них какую-либо требу.

Некоторые священники из новых стесняются совершать установленные обычаем хождения с крестом и молитвословием по домам прихожан в известные общие или местные праздники церковные – и не по лености и небрежности, а по излишней деликатности, чтобы этим не подать повода прихожанам к лишним подаяниям причту и не быть для них в тягость. Не может быть оправдано подобное уклонение от стародавних обычаев, хотя нельзя не признать некоторой доли благородства за чувствами, руководящими подобными священниками. Нужно поддерживать добрые религиозные обычаи, где они существуют. На них опирается и ими хранится существующая в нашем народе привязанность к клиру и Церкви и отеческое благочестие. Если священник, по каким бы то ни было побуждениям, не будет блюсти этих обычаев и даст им заглухнуть в народе, он тем самым будет способствовать умалению в нем духа благочестия и охлаждению его к Церкви. Пусть тяжело человеку с деликатной душой ходить из дома в дом и принимать часто копеечные подаяния. Что же делать? Чего требует долг или обычай, утвержденный временем и одобряемый Церковью, то нужно выполнять. Если требуется

при этом жертва какая-либо, ее нужно принести, нужно подавить в себе всякое смущение, какое может происходить от щепетильно-деликатного чувства, при сознании неловкости положения, создаваемого обычаем. Притом едва ли справедливо, при исполнении этого обычая, на первом месте ставить денежный прибыток причта. Первое, что здесь имеется в виду и что достигается явлением священника в известный праздник в дом прихожанина со знаменем нашего спасения, – это освящение дома, принесение в семейство благословения Церкви, придание празднеству религиозного характера. Денежный прибыток для священника при этом вещь более чем второстепенная. Так смотрит на это дело большинство православных христиан. Потому священник уклонением от исполнения этого обычая не столько доставит удовольствия прихожанам освобождением их от обычной платы за его праздничное посещение, сколько оскорбит их в их религиозном чувстве. Из сотен и тысяч в приходе разве единицы, потерявшие веру, будут довольны тем, что не видели в своих домах в известный праздник священника, которому нужно что-либо платить за это, а огромное большинство будет чувствовать горечь и досаду, что священник, уклонившись от прежнего обычая, лишил их дом того освящения и благословения, к какому в известные дни привыкли они, но преданиям отцов и дедов.

Хорошо ли сделает священник, если будет совершенно отказываться от принятия так называемых добротных подаяний со стороны своих прихожан, и будет настаивать, чтобы ему никогда не платили за те требы, какие он исполняет для них? Это может позволять себе человек обеспеченный, имеющий независимое состояние или получающий достаточное содержание от других должностей, например, учительских или законоучительских, соединяемых нередко со званием приходского священника. Но там, где добротные подаяния существуют, как узаконенные средства к обеспечению церковного причта, и где они не заменены определенным годичным вознаграждением, там и такой обеспеченный священник не должен бы делать этого. Положим, он сам не нуждается в случайных доходах, имеющих неблагоприятную форму подаяний, и легко может обойтись без них. Но он не себя только должен иметь в виду, должен блюсти не один свой личный интерес, а общий интерес своих братьев и сослужителей. Отказываясь от всякого вознаграждения со стороны прихожан, он может приобрести себе славу бескорыстия, и молва о нем пойдет из одного прихода в другой. Но рядом с ним стоит другой священник, не имеющий никакого обеспечения, нуждающийся и многосемейный, который, если бы и хотел, никак не

может отказаться от принятия доброхотных подаваний. Молва о бескорыстии его соседа, для которого это бескорыстие ничего не стоит, не будет ли ложиться тенью на его имени потому только, что он не может подражать примеру своего собрата? Не будут ли его прихожане, указывая на известный им пример бескорыстия чужого священника, пенять на своего духовного отца за то, что он не такой, как этот, и хваля того, нарекать на него за то, что в существе дела не может заслуживать нарекания? Не хорошо, если священник, приобретая лестную славу себе и тем угождая своему самолюбию, вредит через то другим, несущим одинаковое с ним звание, но поставленным в менее благоприятные жизненные условия. Кроме соседей, хорошо обставленному священнику не следует опускаться из вида и интерес своего преемника. Он не берет сам подаваний от прихожан и отучит их от платы священнику за требы. Но его место займет другой священник со скудными достатками, для которого доходы от прихожан существенно необходимы. Легко ли ему будет снова вводить то, что вывел его предшественник? И как отнесутся к этому прихожане, уже забывшие о той повинности, какая лежит на них по отношению к своему духовному отцу? Они будут тяготиться теми, хотя и скудными, взносами, от каких отвыкли и какие снова принуждены будут делать. Сравнение невольно заставит их унижать преемника перед предшественником, и первый, по вине последнего, сразу поставит себя в неловкие отношения к прихожанам, которые не так легко исправляются.

2. Отношение священника к подчиненным членам причта

Другой разряд лиц, с которыми после прихожан должен позаботиться священник устроить и поддерживать добрые отношения, – это члены причта, служащего при одной с ним церкви.

Члены причта известной церкви соединены с настоятелем ее священником единством места и совместной службой. Их деятельность является дополнением деятельности, совершаемой священником, и они в своем служении неразрывные и необходимые помощники священника. Живя друг подле друга, видясь почти ежедневно за одним и тем же служением, в одной и той же церкви, вращаясь среди одних и тех же прихожан, они должны составлять единое целое, дышащее одним духом, и образовать собою одну семью, соединенную не внешней только официальной связью, но внутренним союзом братолюбия. При этом братолюбии они должны избегать всего, могущего расстраивать их добрые отношения, – всяких разногласий, препирательств и ссор. При этом братолюбии им естественно носить тяготы друг друга, делиться между собой, когда потребует того надобность, всем, что относится к житейскому обиходу, и оказывать возможную помощь друг другу, когда тот или другой из них окажется в положении, вызывающем ближнего на какую-либо поддержку. Священник, старший в причте, и обладающий по своему званию большими средствами, и нравственными и материальными, чем подчиненные ему члены его причта, в этом отношении должен показывать пример им, давать тон и направление их взаимным отношениям, и своим влиянием, – своею готовностью всегда поддерживать их, – охранять их от тех неприятностей, какие могут угрожать им, или какие могут выпасть на их долю.

Члены причта приходского, – дьякон и псаломщик, – подчинены священнику, и он, как настоятель церкви, есть их непосредственный начальник. Правила церковные очень сильно выставляют на вид это подчиненное отношение к священнику других низших членов причта, и требуют, чтобы оно выразилось со стороны их и внешними знаками почтения. По постановлениям отцов, устроивших на соборах благочиние церковное, дьяконам нельзя сидеть посреди пресвитеров, и если он может сесть в присутствии пресвитера, то только с его позволения (18 правило Первого Всел. собора, 20 прав. соб. Лаодикийского, 7 правило Шестого Всел. собора.). Тем более это имеет свое приложение по отношению к

причетникам. Несмотря на это, священнику не следует показывать ни превозношения, ни заносчивости в своем обращении с подчиненными членами клира. Нехорошо сделает священник, если будет смотреть как на слугу, на своего дьякона и псаломщика, и едва будет достаивать их своей беседы, обращаясь к ним только с жестким повелительным словом. Соборные правила удерживают за ним власть по отношению к ним и право требовать от них возможного уважения к его сану. Но едва ли кто одобрит его, если он без всякого повода со стороны своих клириков, с буквальной точностью будет держаться указанных правил. Они занимают хотя низшее положение по отношению к священнику, но все же, по своему служению, и весьма часто и по происхождению, братья его, хотя и меньше. Братским обращением с ними, полным близкого и теплого участия к ним, священник более, чем другим чем-либо, может привязать их к себе и сделать их преданными и исполнительными слугами и помощниками себе в разных отношениях. Скажут, что, пожалуй, уважать не будут священника подчиненные члены его причта, если он слишком приблизит их к себе и станет обращаться с ними запанибрата. Едва ли это можно допустить по отношению к большинству лиц, стоящих на низших степенях клира. У людей нельзя не предполагать сознания своего положения, и оно не дозволит им переступить границы должного почитания своего настоятеля. Если же кто забудется, священник всегда может напомнить таковому о его зависимом положении и о том месте, какое ему принадлежит в ряду других. Но и это, когда есть к тому вызов, лучше делать не строгим начальническим тоном, а в духе братского вразумления. Последнее больше может подействовать на забывающегося, тогда как начальническая строгость, при выговоре, может оскорбить подвергшегося ему, и не столько исправит его, сколько возбудит в нем неудовольствие на священника. Священнику не следует допускать, чтобы пренебрегали его саном в особенности те, которые ближе всех стоят к нему при исполнении им своих служебных обязанностей, и которые должны показывать другим образец в почитании служителей Божиих. Но этого можно достигнуть ровным, безукоризненным поведением, достойным отправлением своих обязанностей и духом пастырской любви, общительной со всеми, а не старанием держать себя подальше от других, стоящих ниже. Не внешнее превозношение над другим может возвысить священника, а его внутреннее достоинство, которое ни мало не умалится от того, что он скромно и близко держит себя по отношению ко всем, и не имеющим равного с ним общественного положения.

Пользуясь положением настоятеля, имеющего в своем подчинении

низших членов причта, священник иногда злоупотребляет своими правами. Случалось часто прежде, пока в псаломщики не поступали люди, получившие образование, что священник для себя требовал от причетников таких услуг, к каким они не были обязаны, и какие выходили из сферы их служебных отношений. Им давались поручения часто хозяйственного свойства, исполнение которых отвлекало их от их собственных частных занятий; им навязывали работу или труд для удовлетворения какой-либо личной потребности священника, к их собственному ущербу. Причетники, зависимые от своего священника, не смели отказываться от таких дел, на них возлагаемых, боясь оскорбить своего настоятеля; но в душе они чувствовали несправедливость навязчивых требований священника и в тайне роптали по этому поводу. Это уже некоторое притеснение низшей братии, от которого должно бы воздержать священника чувство справедливости и любви к ней. Для причетников такое притеснение тем чувствительнее, что по своему положению они более, чем священники, вынуждены трудами рук своих добывать и увеличивать средства содержания своего и своего семейства, если оно есть у них. Причетник, преданный своему настоятелю, по доброй воле готов оказать ему возможную со своей стороны услугу. Никто не возбранит священнику воспринимать эту услугу и платить за нее, чем он знает и может, хотя бы одним благодарным вниманием. Но требовать от него для себя того, что не положено, – это уже своекорыстие священника, могущее вести к неприятностям и выходить за пределы закона и правила.

Инструкция благочинным, касаясь упорядочения отношений между членами причта, предписывает (п. 26) «священнику диакона и причетников не обижать, и доходов у них не удерживать, и бить их не дерзать». Не думаем, чтобы в современном, образованном и благовоспитанном пастырстве возможно было последнее, от чего предостерегает священника *Инструкция благочинным*, потому что возможность этого предполагает такую грубость нравов и такую необузданность воли, какая немыслима в благочестивом и благонастроенном служителе Церкви. Притом Апостольское правило (27-е) повелевает *пресвитера* (равно как и епископа и дьякона), бьющего верных согрешающих, или неверных обидевших, и чрез сие устрашати хотящаго, извергати от священнаго чина. Ибо Господь отнюдь нас сему не учил; напротив того Сам быв ударяем, не наносил ударов, укоряем, не укорял взаимно, страдая, не угрожал (1Петр. 11:23). Но раздел доходов нередко дает повод к пререканиям и жалобам на священника со стороны подчиненных членов причта. Чтобы избежать этих пререканий и жалоб,

священнику следует строго держаться тех правил касательно раздела церковных доходов между членами причта, какие на этот счет утверждены высшей властью⁴⁵. Тогда он будет чист в своей совести и свободен от сторонних обвинений. Если же и при этом возникает какой-либо спор, священник, для прекращения этих споров и для соблюдения взаимного мира между членами причта, может поступиться некоторой частью своих доходов, особенно когда видит бедность и нужду подчиненных ему служителей церковных.

Священник обязан заботиться о том, чтобы богослужение в его церкви и приходе совершаемо было благообразно и по чину, с соблюдением устава церковного и с возможным благоговением. Но он обыкновенно не один совершает богослужение, а при участии псаломщика, и может быть, и диакона. А так как сам он является главным совершителем и распорядителем священного дела, то и неисправность его псаломщиков, не имеющих никакой самостоятельности в деле служения церковного, лежит на его ответственности и может быть вменена ему в вину. Отсюда его долг делать соответственные указания и наставления подчиненным членам клира, чтобы не было где какого-либо упущения и отступления от утвержденного чина церковного, чтобы не было допущено ничего неблагопристойного и неблагоговейного. Священник, например не сам должен мести и очищать церковь, но его дело смотреть за тем, чтобы храм его содержался в возможной чистоте и благопристойном виде. Это вменяет ему в обязанность «Поучение святительское», которое говорит: «церковь держи чисто, без пороха и паутины, паче же алтарь». Поэтому священник должен наблюдать затем, чтобы подчиненные ему церковнослужители по возможности часто очищали помост церковный от всяких уметий, также и стены и верх кронный от праха и паутины», и при этом он должен внушать им, чтобы самые «уметия не были отметаемы на места непотребные, но или в реку, или в неходном и непопираемом месте»⁴⁶. Пение и чтение клиросное не сам священник исполняет; но он не должен оставлять без внимания какую-либо небрежность или неумелость, допускаемую в этом отношении низшими клириками, И долг и иерейская совесть заставляет его внушать им, чтобы и пение было по возможности благопристойное, и чтение неспешное, внятное и вразумительное, без самовольных опущений. В храме и вне храма, при совершении какого-либо богослужебного действия, священник обязан наблюдать полное благоговение. Но он не за собой только должен смотреть в этом случае; он не должен допускать, чтобы и вспомогающие ему при этом лица держали себя не достойно священного дела. По

Учительному Известию, «алтарю служащия, сиесть пономари, должен иерей зело учить, яко да велиим страхом и трепетом, и всяким благоговением входят во святыи Божий алтарь, и свое им надлежащее дело сотворяют, ведуще, яко тамо присутственне Христос Бог наш на престоле»⁴⁷... За свое поведение низкие клирики сами отвечают; но если они позволяют себе какое-либо безчиние в виду прихожан или сторонних людей, производят шум, употребляют слова неприличной брани, забывают правила трезвенности и т.п. священник не должен смотреть на это равнодушно: унижение, до какого ниспускается публично один из членов причта, косвенно касается всего причта. Долг настоятеля – остановить безчинствующего и внушить ему, чтобы он вел себя достойно того звания, которое на себе носит.

Священнику дано право⁴⁸ штрафовать дьякона и причетников выговорами наедине и при других, кроме того причетников и поклонами в церкви, а если они не вразумляются и не исправляются, доносить о них благочинному или жаловаться епархиальному начальству, равно как и они сами, в случае обиды от священника, могут приносить жалобы благочинному или епархиальному начальству. Но нужно всячески стараться, чтобы дело между членами причта никогда не доходило до жалоб начальству и до письменных кляуз. Если начались эти жалобы, – нарушен мир и спокойствие в причте, связанном единством служения, и водворилась вражда, которая будет препятствовать правильному течению жизни. Вместе с тем будет не малый соблазн и для прихожан, когда они узнают о несогласиях и беспорядках в своем причте, для устранения которых требуется содействие сторонней силы или высшей власти.

3. Отношение священника к своим собратам по служению

После прихожан и подчиненных членов клира ближайшими лицами к священнику являются его братья, облеченные одинаковым с ним саном и несущие одинаковое с ним служение. Каковы должны быть их взаимные отношения?

И единство сана, и единство служения, и общность интересов располагают священников к возможному сближению между собою. Между ними должны быть гармония, взаимное доверие и частые братские сношения, если они живут и служат в одной местности, и внешним образом не удалены один от другого. От священников, живущих вместе или сходящихся между собою, ожидается, что они, в собраниях и при частных встречах, и везде, будут обнаруживать дух мира и взаимного уважения друг к другу, и через то будут служить добрым примером назидания для людей сторонних. Согласно с духом мира и любви, каким должны быть одушевлены они, – оказывать им гостеприимство друг другу и поддерживать общение между своими семействами. Но соблюдая братское общение, они не забудут при этом достоинства своего сана, и во взаимных сношениях не оставят серьезности обращения, к какой обязывает их положение, и не ниспустятся до цинического балагурства, грубых и плоских шуток и беззастенчивого буршества. Если постигает кого-либо из священников какое-либо несчастье, любовь собратий по служению должна побуждать их оказать посильную помощь и возможное утешение постигнутому несчастьем и предупреждать других в пособии их собрату. Если кто из священников нуждается в поддержке нравственной, такой первее всего ему можно ожидать от людей одинакового с ним положения. Делиться друг с другом всем, что может предложить братская любовь, и чего может требовать нужда, – долг, внушаемый священникам их совестью по отношению к своим сослужителям. При единении внешнем желательнее между ними самое искреннее единение внутреннее. Если где могут иметь приложение прекрасные слова Псалмопевца: *се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе (Пс. 132:1)*, то в особенности там, где устроятся взаимные отношения проповедников любви и служителей примирения.

Между тем действительность нередко представляет совершенно противное тому, что ожидается от взаимных отношений между людьми, призванными распространять и поддерживать в окружающей среде начала

любви христианской. В особенности это несоответствие идеалу замечается там, где при одной церкви служат несколько священников. Летописи тех мест, где служат многосоставные причты, наполнены сказаниями о раздорах и неприятностях между живущими совместно священниками, возникавших часто из-за мелочей, и нередко доходивших до епархиального начальства. Нельзя при этом не пожалеть о потере лучшего блага здешней общественной жизни, – доброго мира, без которого людям неприятно и тяжело жить рядом друг с другом. Кроме того через эти взаимные раздоры унижается и теряется авторитет священнический и ослабевает уважение к ним среди их прихожан, и жизнь священников, долженствующая служить примером для других, при такой постановке способна производить дурное влияние на тех, которые видят раздоры своих духовных отцов, или слышат об их крупных несогласиях.

Поводом к раздорам и неприятностям между сослужителями бывает большей частью соперничество между ними в любви и доверии прихожан, в том уважении, каким они пользуются в окружающей среде, во внимании начальства, в наградах и т.п. В основании такого соперничества лежит естественная страсть человека, побуждающая его заботиться о том, чтобы в жизни стоять не ниже, а выше других, равных себе. Но соперничество, достойное пастыря и служителя Церкви, все должно быть направлено к тому, чтобы не уступать другим в добродетельной жизни, чтобы со всем усердием выполнять дело, ему порученное, и по мере сил своих заботиться о распространении в пастве чистого учения и доброй нравственности. *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его (Мф. 6:33)*, – вот правило, которым должны определяться все заботы священника о достойном поставлении себя среди других. А что будет следствием или плодом этих исканий, этих усилий честно и праведно вести свое дело, – пусть это будет предоставлено воле Божией, которая не оставляет без вознаграждения никакого подвига, предпринимаемого по чистым побуждениям и с добрыми целями. Если другой успевае больше нас, если его больше любит, больше ценят и больше награждают, – ничего не будет благоразумнее, как в смирении признать преимущества своего собрата, отличающегося усердной и влиятельной деятельностью, подавить в себе голос зависти и присоединиться к другим в справедливом уважении достойного. Кому, как не священнику безропотно покоряться велениям Промыслителя, дающего, по Своему премудрому усмотрению, одному один талант, другому два, а третьему пять, одного ведущего таким путем, а другого другим? Но по твоему суждению, несправедливо предпочитают тебе другого, рядом с тобой стоящего, собрата? Нельзя придавать большой

цены одним нашим личным представлениям. Не следует забывать, что в суждениях о других, в их сравнении с собой, мы часто поддаемся обольщениям своего самолюбия, и свое обольщение желали бы навязать другим. А если бы и в самом деле мы терпели несправедливость и незаслуженное унижение, – благоразумно ли, достойно ли служителя Божия из-за этого волноваться, и косвенными путями, поношениями, интригами и происками действовать к умалению чести другого, чтобы тем восстановить свою честь? Таким способом мы не возвысим, а скорее унизим себя. Свою награду мы должны носить в своем сердце, в спокойствии и мире совести. Этой награды никто не отнимет у нас, если мы преданы своему долгу, и с усердием действуем в своем приходе во имя Божие, во славу Церкви и во благо прихожан. Беда вся в том при неприятных явлениях соперничества, что мы отвлекаемся своим вниманием от главной цели, нам указанной нашим служебным положением, и разные посторонние нечистые примеси смущают нас и портят наше дело. Истинный пастырь, сосредоточенный на цели, ему указанной, знает себя и овец своих, вверенных его попечению, и чувство исполненного долга для него дороже тех внешних отличий, за которыми гоняется суетность человеческая. Если болит кто в священстве болезнью неудовлетворенного честолюбия, то это происходит от отсутствия истинно-пастырского духа у людей, поддающихся мелкой страсти.

Между священниками есть старшие и младшие по летам службы и положению, есть облеченные доверием и полномочиями от иерархической власти, например, члены консистории и благочинные, в столице в некотором подчинении им рядовые приходские священники. При иерархическом равенстве их между собою, лета, заслуги и положение ставят немалую разницу между ними, с которой не могут не сообразоваться их взаимные отношения. Старейшинство, в особенности почтенная летами старость в священстве должны внушать к себе уважение со стороны младших представителей духовенства. Молодость, надменная новым образованием, готова с некоторым пренебрежением относиться к людям старым, как людям отжившим, мало знакомым с потребностями нового поколения, и с теми идеями, какими живет это поколение, и в каких заключаются ростки будущего. Такое отношение противно требованиям нравственного закона, который повелевает молодости вставать перед лицом седого и чтить лицо старче. Люди прежнего отживающего поколения есть как бы общие отцы наши. Своими трудами в лета силы своей они немало послужили и Церкви, и общему благу, и тем приобрели себе право на наше внимание к ним. Являясь на служение

после них, мы вступаем во владение наследием, если не созданным, то сохранным их заботами. Если малы и отстали их знания в сравнении с новыми приобретениями, вынесенными нами из школы, если патриархальны и странны их привычки, это не дает нам повода к кичению и превозношению перед ними. На этот раз прекрасное наставление дает премудрый сын Сирахов: *аще и разумом оскудевает (отец твой), прощение имей, и не обезчести его всею крепостию твоею (Сир. 3:13)*. У молодых священников может быть больше бодрости и энергии, могут быть свежие понятия. Но старые пастыри богаче их опытностью, и весьма естественно начинающим служение обращаться за советом к старшим, и со вниманием выслушивать их указания, в уважении к опытности и заслугам старца, и если эти указания противоречат нашим убеждениям, бестактно было бы со стороны младших выступать против этих указаний с резкими отрицаниями и безнравственно поднимать их на смех, хотя бы в их отсутствии.

Если младший священник со старейшим служит в одной церкви и одном приходе, он должен предоставлять и воздавать старейшему во всех случаях, где они являются для совместного служения, подобающую честь первенства и соблюдать некоторое нравственное подчинение ему. Было бы неблагоприятно младшему идти наперекор желаниям и распоряжениям старшего и выставлять свое я там, где нужно действовать по обоюдному согласию, и где первое решающее значение должно принадлежать пастырю, заслужившему честь первенства. Нет нужды восставать против установившихся порядков приходской жизни и местных обычаев и настаивать на их изменении, если в них нет ничего неблагопристойного и ничего противного законоположениям церковным. Если по нашим взглядам приходское дело может быть поставлено лучше, если нам не нравятся порядки, заведенные исстари в той местности, куда мы призваны служить вместе с другими, прежде нас выступившими на чреду служения, не нужно настойчиво навязывать свои взгляды другим, не нужно стремиться производить крутые перемены, если их не одобряют и если на них не согласны старейшие, более знакомые с местными нравами и более умудренные опытом. Иначе дело может дойти до неприятностей и вражды, произойдет смута в среде приходской, и вместо улучшения только расстроится порядок, существующей в той или другой местности. Решать дела, в особенности важные, нужно общим советом, и из нововведений настаивать на приведение в исполнение только необходимых, а не таких, которые нам кажутся полезными. У нас в виду должны быть не ломка и разрушение старого, а продолжение начатого в духе мира и любви.

Основанием, упорядочивающим отношения между священниками, из которых одни облечены особенным доверием власти, а другие являются им подведомыми и подчиненными, должно быть равенство их в иерархической степени. Противно духу Церкви и унижительно для священнического сана, если подчиненный священник перед другим, тоже священником или протоиереем, имеющим некоторое начальственное положение, является низкопоклонным, заискивающим и угодливым без меры. Нам случалось видеть священников, кланяющихся в ноги своим старшим сослужителям и целующих у них руку, как у архипастыря. Подобное обращение с равным себе по сану не может не казаться чрезмерной человекоугодливостью, оскорбительной для священнического сана и слишком унижающей его достоинство. Почтение можно и должно соблюдать по отношению к людям, заслуживающим чести и уважения; но его нужно выражать в приличных формах, соответствующих положению, занимаемому священником, и если просьба есть какая к собрату, имеющему в своем распоряжении то, чего домогается проситель, ее можно изъяснить просто, не присоединяя к этому изъяснению, для усиления просьбы, форм рабского низкопоклонства. Равным образом и со стороны старших представителей священства, облеченных доверием власти, совершенно неуместна, по отношению к простым священникам, холодная важность и начальническая мина. Умный и уважающий свой сан старший представитель духовенства не заставит своего младшего собрата по целым часам дожидать, пока он выйдет к нему, не примет его в передней, не будет держать его на ногах перед собой и не допустит, чтобы он в присутствии его для выражения почтения к нему употребил что-либо унижительно для своего достоинства. Братолюбия должны не забывать священники, отличенные от других своих сослужителей некоторыми преимуществами, и этим духом братолюбия должны определяться все отношения их к своим младшим сослужителям.

4. Отношение священника к высокопоставленным лицам и представителям гражданской власти

Священник может быть поставлен в близкое соприкосновение с именитыми высокопоставленными лицами, занимающими видные места в гражданском обществе. Они могут жить в его приходе, и он по месту своего служения является для них пастырем и духовным отцом. Могут заставить его обратиться к высшим представителям гражданской власти какие-либо частные дела, личные или церковные. Как держать ему себя перед этими высокопоставленными людьми? Само собой понятно, что было бы признаком неблаговоспитанности и безтактности священника, если бы он в сношениях с именитыми лицами не оказывал им надлежащего почтения, был мало внимателен к ним, а тем более, если бы позволял себе по отношению к ним какую-либо дерзость и горделивость. И наших пастырей, за весьма редкими исключениями, едва ли кто и обвинит в недостатке уважения и почтительности к лицам, занимающим высшие места в гражданской иерархии. Скорее их можно обвинить в противоположном, именно в излишнем смирении и унижении перед лицами высшего светского общества. Этого унижения себя со стороны священника также не должно быть в обращении со светскими высокопоставленными лицами, как и горделивого пренебрежения к ним и обнаружения какой-либо дерзости перед ними. Священник всегда и везде должен сознавать достоинство своего сана, и при этом сознании твердо и с самоуважением держать себя, с кем бы ни столкнула его жизнь. Пастырь должен помнить, что он поставленный Церковью попечитель о спасении всех в его приходе, что он отец, брат и друг не одних бедных и низких, но и богатых и высоких, что ему дана власть и сила всех благословлять именем Божиим и на всех низводить божественную благодать, потребную всякому христианину для преуспевания в духовной жизни. Священный сан его, если и не дает ему положения в гражданском обществе, равного с заслуженными представителями высшего общества, имеет в себе достоинство, которое чтит не только благочестивые вельможи, но и цари. В нашем светском обществе, возвышенном над другими заслугами или богатством, часто мало обращают внимания на своего приходского пастыря, неохотно принимают его в своем доме, и иногда с явным пренебрежением встречают, когда он является в то или другое семейство для выполнения каких-либо церковных треб. Неуместно и бездельно в таких случаях изливаться перед другими в сантиментальных плаксивых

жалобах и громко заявлять свое неудовольствие на то, что вот не признают священнического авторитета, и пастырю Церкви не хотят оказывать того внимания, какого он заслуживает по своему сану и по высокому делу, на него возложенному. Этими жалобами не расположит к себе и не заставит уважать себя тех, которые привыкли слишком свысока смотреть на скромного служителя Церкви, а только унизит себя перед другими: к подобным жалобам прибегает только тот, кто сознает себя безсильным завоевать себе лучшее положение в обществе, и потому как бы выпрашивает у других снисходительного внимания к себе. Ведите себя достойно своего звания и не унижайте сами себя какими-либо неблагоприятными поступками, – вот все, что требуется от пастырей Церкви для снискания себе подобающего уважения со стороны других. И если этим вы не приобретаете внимания и уважения со стороны лиц, выше вас стоящих по своему общественному положению, – вина за это падает не на вас, а на тех, которые не умеют поставить себя в надлежащие отношения к своему духовному отцу и пастырю. С другой стороны не пристало служителю Божию, с целью снискать расположение светского общества, быть слишком человекоугодливым перед ним, стараться усвоить себе манеры светского человека, подлаживаться к тону салонного разговора и стремиться к полной ассимиляции с чуждым нам кругом. Не нужно изменять тому своеобразному приличию, к какому обязывает священника его сан и его служение. Священник и светский салонный человек – два понятия, несовместимые между собою. Случалось видеть священников, которые, попав в круг высшего общества, как будто хотели заставить других забыть, что они духовные лица, – принимали на себя услуги, свойственные молодым светским кавалерам, обращались к собеседникам и собеседницам со словами: *messieurs, mes dames, mes demoiselles*, расшаркивались с ловкостью почти военного человека, и ни словом, ни жестом не напоминали о своей церковности, – и выходило нечто неестественное, можно сказать, грустно-смешное. Подобное обращение священника, если может нравиться кому, то разве одному легкомысленному слою светского общества, желающему видеть в священнике только веселого собеседника, а не служителя Божия. Не этим напрасным стремлением к обезличению священника можно снискать внимание и расположение серьезной и благомыслящей части светского общества; им напротив можно только уронить достоинство священническое. Гораздо более может нравиться и гораздо более может располагать светское общество к священнику его простое естественное обращение, полное вежливости, но в то же время чуждое всякой подделки,

– такое обращение, в котором чувствовалось бы веяние духа Церкви, которым в особенности должен быть проникнут священник, и который от него должен передаваться другим. Не большая честь священнику, если его принимают как простого знакомого, и если в нем при этом не видят пастыря и служителя Божия.

Именитые прихожане иногда требуют от своего приходского священника подчинения себе в вещах, относящихся к совершению богослужебного чина, и заявляют ему желанья, с которыми приглашают его сообразоваться в своей богослужебной практике. Они, например, назначают час, когда должна начинаться литургия в тот или другой праздничный день; другой раз просят его сделать какие-либо изменения в порядке отправления служб церковных; иногда зовут к себе в дом отслужить всенощную накануне какого-либо праздника или совершить какое-либо частное молитвословие и т.п. Нельзя оставлять без внимания подобных желаний, чтобы не вызвать напрасного неудовольствия со стороны сильных прихожан, в особенности если эти сильные прихожане преданы Церкви и являются главными благодетелями местного храма. Но есть границы, далее которых не должна простираться угодливость желаньям именитых людей в деле церковного приходского служения. Если в этих желаньях нет ничего, противного чину и уставу церковному, и если от исполнения их не терпят религиозные интересы других прихожан, от чего не сообразоваться с ними в своих действиях? Но как скоро они требуют чего-либо, клонящегося к изменению или нарушению установленного церковного чина, или когда они идут наперекор желаньям всего прихода, и когда в случае согласования с ними действий священника могут пострадать религиозные интересы других прихожан и могут остаться без своевременного удовлетворения их религиозной потребности, тогда он должен действовать так, как велит ему совесть и достоинство священника, а не соображения человекоугодничества. Нельзя, например, спешить на зов к именитому прихожанину, когда зовут священника причастить тяжело больного, или когда ждут в церкви приготовившиеся к принятию какого-либо таинства, – Крещения, исповеди, брака. Нельзя под великий праздник оставлять церковь и прихожан без всенощного богослужения и идти совершать вечернюю службу в доме вельможи по его желанью. Если он не может придти в церковь для участия в общей молитве, и если будет у него сильное желание выслушать на дому праздничное богослужение, можно сделать это по окончании вечерней службы в общем храме, Нельзя отлагать начало литургии в какой-либо праздничный день, по желанью сильного прихожанина, до позднего часа,

когда весь приход, обыкновенно постящийся до обедни, желает, чтобы литургия совершалась раньше, и в ранние часы привык ходить в церковь для ее слушания. Неблаговидно долго не начинать литургии или всенощной, в ожидании прихода знатного прихожанина, когда собрался в церкви весь народ, и когда прошел обычный час, назначенный для начала церковного богослужения. Нельзя в церкви, в угоду тому или другому прихожанину, выпускать известные чтения или песнопения, положенные в том или другом богослужебном чине и т.п. Желания людей, стоящих высоко и считающих себя главами прихода, бывают иногда очень капризны и прихотливы. Ниже достоинства священнического безпрекословно подчиняться капризным и прихотливым требованиям какого-либо именитого прихожанина. Он может отклонять их, опираясь на свое право, указывая на требования долга, благо и желания всего прихода, и выставляя неудобства, сопряженные с исполнением прихотливых желаний. Твердость и самостоятельность в законном деле не повредит священнику, и если раз-другой – священник отклонит высокомерные притязания прихотливого прихожанина, желающего по своему распоряжаться в области церковной приходской жизни, и укажет основательные к тому причины, пропадет у этого прихожанина охота предъявлять священнику свои прихотливые и неумеренные желания. Если при этом такой прихожанин человек серьезный и рассудительный, он не будет гневаться на своего приходского священника за обнаружение им известной доли самостоятельности в отпращивании им церковной службы, а скорее почувствует уважение к нему, как человеку независимому и действующему по сознанию своего долга.

5. Поведение священника, как члена гражданского общества

В отношениях гражданских от священника ожидается точное исполнение всего, чего требует закон или долг верноподданного, и полное подчинение всем, основанным на законе распоряжениям установленных властей. Как руководитель пасомых, долженствующий служить для них примером во всем, – в исполнении всех, лежащих на нем, гражданских обязанностей, он будет идти впереди других, всегда и везде будет показывать себя образцовым гражданином и безупречным сыном отечества. Он не позволит себе, опираясь на покровительство Церкви и особенность своего положения в обществе, уклониться от исполнения начальственных распоряжений, вызываемых условиями гражданской жизни, и не обнаружит ни упорства, ни ропотливого недовольства, когда на него, вместе с другими, в силу общественных нужд или особенных временных обстоятельств, налагается какая-либо повинность, кажущаяся ему обременительной, а тем более не доведет себя до того, чтобы привлечь его к ответственности за неисполнение законных распоряжений власти. Чтить власть, повиноваться ей и воздавать всем должное он учит словом; то же самое он должен показывать и делом, в своем примере и поведении.

Не рекомендует служителя Церкви бумажное сутяжничество, если он, без уважительного повода, вчинает иски и жалобы, и призывает для решения каких-либо мелких споров содействие гражданской, судебной или административной, власти. Распри и тяжбы совершенно не пристали служителю мира и проповеднику любви, и унижают его достоинство. А если жалобы и притязания других или важные нарушения его интересов или интересов церкви с чьей-либо стороны вынудят его обращаться к властям и просить у них защиты или восстановления нарушенного права, он должен держать себя перед властями без страсти, без обиды, спокойно и с самообладанием. Само собой понятно, что священник в этом случае будет говорить и отстаивать только честное и справедливое. И если власть не будет на стороне священника, можно стойко защищать правое дело, смело выставляя все, клонящееся к его освещению, но было бы при этом недостойно священника допускать себе неумеренные выражения обидчивого встревоженного чувства или унижительные просьбы.

Действующими законоположениями священники допускаются или приглашаются к участию в земском или городском самоуправлении. Они

могут участвовать в выборе гласных и сами являются в качестве гласных, и в этом звании вместе с другими решают дела, относящиеся к пользам земства или города. Там, где допущены выборы и где дан простор общественному самоуправлению, весьма часто составляются партии и идет борьба их. Священнику не свойственно приставать к той или другой партии. Ему следует стоять выше духа партии и действовать самостоятельно и независимо, по своему убеждению. Своим независимым образом действий, руководящимся чистыми побуждениями, он несомненно приобретет себе доверие и уважение общества. А когда он дозволит себе пристав к какой-либо партии, поддастся влиянию ее вожakov и будет следовать их велениям, – он окажется игрушкой в руках других, что ниже достоинства служителя Церкви, и вместе с унижением себя вызовет против себя неудовольствие со стороны других, не принадлежащих к той партии, к которой пристаёт он. Где действует дух партии, там есть место и интриге, низвращению дела, и своекорыстию, и, пожалуй, подкупу. Не одно прямое, а только косвенное прикосновение к этим нечистым делам партии мараёт имя и сан священника, и пастырь, уважающий свое достоинство, будет держать себя вдали от всего, что может навлечь на него нареkanie. Когда будет он призван к участию в делах общественного самоуправления, – первым долгом для себя должен поставить защищать интересы Церкви, веры и нравственности, и если видит, что другие готовы оказывать пренебрежение к этим интересам, должен собрать всю свою энергию, чтобы не дать возобладать в представительных собраниях недобрым, антицерковным и антирелигиозным стремлениям.

В среде, окружающей священника, могут открываться брожения и волнения общественно-политического свойства. Поставленный в ограде церкви, ведающей дела царства не от мира сего, – Царства Божия, а не человеческого, он, во вред себе, злоупотребит своим положением, когда даст увлечь себя этим волнениям. Священная кафедра, на которой он является учителем, не создана для обсуждения вопросов политического свойства, тем менее для служения страстям политическим. Во времена общественных и политических брожений дело пастыря Церкви – усмирение и укрощение возбужденных умов, напоминание им о долге, проповедь евангельского учения о смирении и покорности властям, о взаимном примирении и прощении, склонение воли, готовой выйти из подчинения, к спасительным требованиям веры и высоким обетованиям, указанным нам свыше.

6. Отношение священника к своему архипастырю

Мы ничего не говорили об отношении пресвитера к своему епископу. Но это отношение не входит в круг частных житейских отношений священника, о которых мы теперь трактуем, а переходит в сферу отношений чисто-служебных, и не только в общем, но и в подробностях точно определено канонами церковными. Если для полноты изображения предмета, нами рассматриваемого, нужно коснуться этих отношений, то в этом случае можно только напомнить те церковные правила, которыми определяется надлежащее отношение пресвитера к своему епископу. По этим правилам, священник должен оказывать полное повиновение своему епископу, как своему священно-начальствующему правителю, и вместе с тем во всех потребных случаях воздавать ему подобающую честь. По 39 апостольскому правилу, *пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены людие Господни, и он воздаст ответ о дуцах их*, и всякое своеволие пресвитера по отношению к своему епископу строго осуждается и запрещается Церковью, если епископ не обличен ни в чем, противном вере, благочестию и правде (ап. пр. 31, Карф. 10, Конст. двукр. 13 и 15). Оскорбление или пренебрежение, оказанное пресвитером епископу, может подвергнуть его извержению из сана. *Аще кто из клира (говорит 55 апостольское правило) досадит епископу: да будет извержен. Князю бо людей твоих да не речеши зла (Деян. 23:5)*, (ср. Конст. двукр. пр. 14). В случае обиды или несправедливости, учиненной епископом пресвитеру, последний имеет право жаловаться областному собору, но до решения высшего суда не может оказывать ни противления распоряжениям своего епископа, ни пренебрежения и непочтения к нему. *Аще обряцется (читаем мы в 14-м правиле Сардикийского собора) некий епископ, склонный ко гневу (что в таком муже не должно имети места) и внезапно быв раздражен на пресвитера, или диакона, восхоцет изринутьи некоего из Церкви: подобает предохранение употребити, да не тотчас таковой будет осуждаем и лишаем общения: все епископы рекли: извергаемый да имеет право прибегнуть к епископу митрополии тоя области... Ибо недолжно заграждати слуха от просящих. А епископ оный, праведно или не праведно извергий такового, благодушно сносити должен, да будет изследование дела, и приговор его или подтвержден будет, или, получит исправление. Но прежде, нежели тщательно и верно изсепдованы все обстояательства, отлученный от общения до рассмотрения дела не должен присвояти себе общения. Аще же*

сошедшия некоторые из клира увидят в нем пренебрежение власти и надменность: то (поелику не прилично попускати обиду или несправедное порицание) должны несколько суровыми и тяжкими словами обрати его к порядку, да соблюдается покорность и повиновение повелевающему должное. Ибо как епископ обязан являти подчиненным искреннюю любовь и расположение: таковым же образом и служащие обязаны не притворно исполняти долг служения епископам. Жаловаться на епископа, помимо своего духовного начальства, светской власти или царю не дозволяют правила церковные. Аще который епископ, или пресвитер, или вообще кто либо из клира (постановили отцы Антиохийского собора), без соизволения и грамот от епископов области, и наипаче от епископа митрополии, дерзнет отъити к царю: таковой да будет отрешен и лишен не токмо общения, но и достоинства, какое имел, яко дерзнувшие, вопреки правилам Церкви, стужати слуху боголюбейшаго царя нашего. Аще же необходимая нужда заставит кого ити к царю: таковой да творит сие с рассмотрением-соизволением епископа митрополии и прочих той области епископов, и да напутствуется грамотами от них (пр. 11). Аще который пресвитер или диакон, изверженный от своего сана своим епископом, или даже епископ, изверженный собором, дерзнет стужати царю: подобает ему обратитися к большему собору епископов, и то, чим мнится быти прав, предложити множайшим епископам, и от них прияти изследование и окончательный суд. Аще же, сих пренебрегши, царю стужати будет, таковой да не удостоивается никакого прощения, да не будет места его защищению, и да не имеет он надежды восстановления (пр. 12) (Карф. пр. 15, Второго Всел. соб. пр. 6).

Примечания

- ¹ - Кн. 2, гл. 1.
- ² - Творения св. отцов в русском переводе. Т. V, стр. 83.
- ³ - Твор. св. отцов в русск. переводе. Т. I. Григ. Бог. арх. конст. слово 3, стр. 16–93.
- ⁴ - Твор. св. отцов в русск. переводе, Т. I, стр. 21.
- ⁵ - Твор. св. отцов в русск. переводе, Т. I, стр. 26–7.
- ⁶ - Твор. св. отцов в русск. переводе, Т. I, стр. 36–48.
- ⁷ - Pastoral theologie, Bengel. 1861. Erstes Buch. §§5–30.
- ⁸ - Киев. 1851. Ч. I, §44.
- ⁹ - Паст, богосл., ч. I, стр. 61–2.
- ¹⁰ - Стр. 66–7.
- ¹¹ - Schule der Erziehung in biographischen Umrissen, Berlin, 1846/ S. 170.
- ¹² - Evangelische Pastoral-Theologie von Christian Palmer. Erste Hälfte. S. 96.
- ¹³ - §§10 и 13, стр. 12, 17.
- ¹⁴ - Св. Иоанна Златоуста 1 беседа по рукоположении его во пресвитера, стр. 1.
- ¹⁵ - Дух. Регл. Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского.
- ¹⁶ - См. Пастырское богословие архим. Кирилла. §§24–63.
- ¹⁷ - О должностях священнослужителей Церкви Христовой. Изд. Пospelова, стр. 34–5.
- ¹⁸ - Правило 16-е Иоанна, митрополита русского, нареченного пророком Христа. История русской Церкви Макария, т. II, стр. 210 и 238.
- ¹⁹ - VII беседа о Лазаре, 8. Бес. Злат. в р. пер. Т. II, стр. 212.
- ²⁰ - Св. Иоанна Златоуста VI беседа о покаянии, 2. Беседа Злат. в р. пер. Т. II, стр. 359–360.
- ²¹ - VII беседа на Матфея.
- ²² - Беседа о Давиде и Сауле III, надписывается еще: «о том что ходить на зрелища губельно, что это ведет к прелюбодеянию и бывает причиною неудовольствия и раздоров». Беседа св. И. Злат. в русск. переводе Т. II, стр. 176–182.

²³ - Evangel. Postoraltheologie. Palmer. 1860, s. 131. Der evang. Pfarrer. Coch. 1882 s. 504–5.

²⁴ - О должностях священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросия, епископа Медиоланского. Издание П. Поспелова, стр. 7–8.

²⁵ - Св. Василия Великого беседа на гневливых. Творения св. Отцев в русском переводе. Т. VIII, стр. 165–6.

²⁶ - О должностях священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросия Медиоланского. Издание Поспелова, стр. 15–19.

²⁷ - О должностях священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросия Медиоланского. Издание Поспелова, стр. 8–11.

²⁸ - О должностях священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросия Медиоланского. Издание Поспелова, стр. 12–13.

²⁹ - О должностях священнослужителей. Изд. Поспелова, стр. 4, 11.

³⁰ - О должностях священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросия Медиоланского. Изд. Поспелова, стр. 4, 14, 32–4.

³¹ - Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen. Fried. Theod. Vischer/ Zw. Thel. Erste Abtheilung. §§373 und 376, s. 285–7, 292–4.

³² - Кн. II, гл. 10.

³³ - Творения блаженного Иеронима в русском переводе. Письмо 49. Т. II, стр. 66.

³⁴ - Гангр. соб. прав. 10.

³⁵ - Приб. к изданию Творений св. отцев. Т. I, стр. 431.

³⁶ - Приб. к Твор. св. отцев. Т. I, стр. 431.

³⁷ - §§10, 11, 12, и 13, стр. 1–18.

³⁸ - Церк. Устав, гл. 10. л. 22 на обор, и л. 23.

³⁹ - §87, стр. 119.

⁴⁰ - § 88, стр. 120.

⁴¹ - Евстафий, митроп. солунский, XII в., Игумена Арсения, стр. 51.

⁴² - Письма по православно-пастырскому богословию в 4-х частях. Изд. 2-е. Ч. IV, стр. 85–86.

⁴³ - 979, стр. 112–113.

⁴⁴ - 979, стр. 112–113.

⁴⁵ - См. Высочайше утвержденный 27 марта 1873 г. правила о местных средствах содержания православного приходского духовенства и о разделе сих средств между членами причтов, и указ Св. Синода от 19–28 февраля 1885 г. о закрытии Присутствия по делам православного духовенства и

изменении некоторых постановлений касательно устройства церковных приходов и состава причта, в котором указано новое положение относительно раздела кружечных доходов между членами причта.

⁴⁶ - Учит. Извест., стр. 56.

⁴⁷ - Учит. Извест., стр. 54–55.

⁴⁸ - Инструкция благочинным п. 26–27.

Содержание

Священник. Приготовление к священству и жизнь священника	1
Отделение первое. Приготовление к священству	4
I. Необходимость приготовления к священству	5
II. Лица, готовящиеся к священству	16
1. Побуждения к избранию священнического служения	17
2. Вопрос о призвании к священству	25
3. Нравственные качества, желательные в кандидате священства	29
4. Телесные недостатки, препятствующие принятию священства	32
III. Образование кандидатов священнического служения	34
1. Необходимость специальной школы для образования кандидатов священства	35
2. С какого времени духовная школа может и должна начинать дело специального приготовления кандидатов священства?	37
3. Причины, требующие выделения духовной школы от светской для юношей, избирающих для себя в будущем служение Церкви	41
4. Чего нужно желать нашим семинариям, готовящим священников?	47
IV. Кандидат священства, по выходе из школы до поступления на место	59
1. Взгляд на порядок вещей, узаконивший переходное время для кандидатов священства, окончивших курс школьного образования	60
2. На что лучше употреблять время кандидату священства в промежуточный период?	69
3. Кандидат священства в должности псаломщика	73
4. Кандидат священства в должности учителя	79
5. Поведение кандидата священства, окончившего курс школьного образования	81
Отделение второе. Жизнь священника	84

I. Основное правило, какого должен держаться священник в своем поведении	85
II. Удовольствия и развлечения, приличные священнику	92
1. Благоразумное пользование удовольствиями, дозволенными священнику	93
2. Знакомство священника и времяпрепровождение в обществе близких людей	97
3. Участие в пиршествах	102
4. Можно ли священнику посещать театры, цирки и места общественных гуляний и увеселений?	105
III. Внешнее приличие священника	112
1. Необходимость соблюдения внешнего приличия священнику	113
2. Нарушения внешнего приличия, унижающие священный сан	115
3. Забота о соблюдении видимой благопристойности в вещах, по-видимому, безразличных в нравственном отношении	118
4. Одежда священника	122
IV. Семейная жизнь священника	134
1. Православный взгляд на брачную жизнь священника	135
2. Руководящие правила касательно устройства семейной жизни священника	140
3. Жена священника	142
4. Порядок жизни в доме священника	149
5. Воспитание детей священника и поведение членов семьи священника	152
6. Отношение к слугам дома священника	156
V. Домашние и частные занятия священника	158
1. Занятия умственные	159
2. Занятия педагогические	171
3. Труд физический и хозяйственные занятия	176
4. Не дозволенные священнику занятия	183
VI. Житейские отношения священника	187
1. Отношения священника к прихожанам	188
2. Отношение священника к подчиненным членам причта	202
3. Отношение священника к своим собратям по служению	207
4. Отношение священника к высокопоставленным лицам и представителям гражданской власти	212

5. Поведение священника, как члена гражданского общества	216
6. Отношение священника к своему архипастырю	218
Примечания	220